

Смарованіс

КЭТРИН ЭТВУА

Альбора

СМАРОВАНІС

OZON.RU

Еще вчера она была нищей воровкой, томившейся в тюрьме Брайдуэлл...

А сегодня леди Аврора — одна из самых знатных и богатых дам пышного елизаветинского двора.

Однако безжалостный лорд Блэклоу, превративший нищенку в аристократку, не только заставляет ее шпионить и плести интриги, но и собирается выдать замуж за преступника.

Как Авроре объяснить, что она больше жизни любит Блэклоу и, верная своей любви, не вынесет прикосновения другого мужчины?..

Девочка сидела, прижавшись спиной к осклизлой каменной стене полутемной комнаты, похожей на пещеру. Обхватив руками колени и положив на них голову, она тупо воспринимала приглушенные звуки, несущиеся со всех сторон, и казалось, что она спит. Но она не спала и слышала все шумы, издаваемые другими обитателями.

Жалкие пучки гнилой соломы, заменявшие им постель, никогда не менялись. Они провоняли мочой, потом и кровью и издавали противное шуршание. Храп, неразборчивое бормотание и вскрикивание во сне слышались постоянно. Один мальчик каждую ночь плакал. Ей казалось, что он вообще не спал. Другой мальчик и девочка рядом с ним кричали во сне высокими пронзительными голосами.

Когда за узким окном, расположенным под самым потолком, становилось совсем темно и наступала ночь, она часто слышала тихий смех девочки и низкий голос парнишки, хотя слов разобрать не могла, потому что они находились слишком далеко от нее. Следовавшие затем шуршание и какие-то странные чмоканья и стоны приводили ее в трепет, у нее перехватывало дыхание и ей становилось жарко.

Откуда-то из темноты каждый раз выскальзывала костлявая рука и схватывала ее за щиколотку. Сначала девочка пришла в ужас, визжала и брыкалась до тех пор, пока рука не убиралась. Теперь она просто шлепнула по руке, и пальцы тут же убрались восвояси.

Раздражали и другие звуки. Затрудненное дыхание некоторых обитателей, сухой кашель, мучивший их по несколько часов подряд, бессвязный горячечный бред. Слышала она и шуршание крыс, которые шныряли по комнате, роясь в соломе и одежде. Порой кто-то взвизгивал, укушенный крысой, а иногда резко пищала крыса, убиваемая кем-то.

Девочка зажимала ладонями уши, чтобы не слышать ужасных звуков. Но они проникали все равно. Существование ее превратилось в кошмар, в ужасный сон. Она надеялась проснуться, пока не превратилась в одно из находящихся здесь безвольных и безмозглых существ, копошившихся на вонючей соломе. В помещение не проникал даже свет, сквозь узкое окно вверху виднелся только кусочек темно-серого неба.

В тот день, как всегда, она молила Бога дать ей избавление — пусть даже избавлением будет смерть.

Вслушиваясь в окружающие ее шумы, она едва не пропустила новый звук, похожий на чьи-то шаги по коридору, за ними послышались мужские голоса. На мгновение возникла надежда, но она сразу же подавила ее. Она не раз слышала голоса в коридоре, но они лишь означали, что принесли еду.

Но на сей раз незнакомые шаги остановились возле их двери. Разговор двух мужчин вместо привычного немелодичного насвистывания тюремного надзирателя удивил девочку.

Она затаила дыхание.

В замочной скважине заскрежетал ключ, и деревянная дверь толщиной около пяти дюймов, обитая для прочности металлическими пластинами, застонав несмазанными петлями, распахнулась.

Девочка и несколько других детей рядом с ней встали. Она протерла глаза, чтобы разглядеть вошедших мужчин. Один из них держал в руке факел. Другой оказался надсмотрщиком. Девочка сделала несколько неуверенных шагов вперед, чтобы разглядеть незнакомца с факелом. Он был высок, строен и, как ей показалось, одет как знатный господин. Дети, стоявшие или сидевшие рядом с ней, тоже во все глаза смотрели на неожиданного посетителя.

— Дай больше свету, болван! — приказал человек.

И тюремный надзиратель торопливо выскочил из камеры и принес еще один пылающий факел. Крысы, потревоженные ярким светом, с визгом попрятались в щели.

— Я думал, что детей предполагается обучать ремеслу, — удивился человек, разглядывая несчастных узников.

Где-то закашляла девочка.

— Некоторых будут обучать, — почесываясь, заявил надзиратель. — Некоторых не будут. Не мне решать.

— Судя по их виду, их не выводили из камеры, с тех пор как они сюда попали.

Надзиратель лишь пожал плечами, посетитель переключил внимание на детей.

— Встаньте в ряд, — коротко приказал он детям. Дети сразу же подчинились. Стряхнув соломины, приставшие к грязному платью и волосам, девочка встала во второй ряд. Детей было много, а камера — узкая, поэтому они выстроились в два не очень ровных ряда.

Темноволосая девочка с черными, как ночь, глазами принялась разглаживать изодранную синюю юбку на тощих бедрах. Девочка поняла, что это, видимо, ее страстные стоны доносились до нее ночью. Смутившись, она отвела взгляд.

Посетитель с невозмутимым видом оглядел выстроившихся перед ним детей, возраст которых колебался от двух до семнадцати лет. В большинстве своем они были сыновьями и дочерьми бродяг, должников и преступников, но к ним относились и сироты, брошенные сразу после рождения и не имеющие пристанища.

Их собрали здесь, в одной из комнат бывшего королевского дворца Брайдуэлла [\[1\]](#), превращенной в камеру, чтобы осуществить правительственную программу помощи обездоленным детям. Программа состояла в том, чтобы обучить их разным ремеслам и дать право жить по-человечески. Однако, судя по всему, никто и не думал их обучать или вообще как-нибудь заботиться о них. Детей поместили в сырой и вонючей камере, не пригодной даже для животных, практически превратив в узников. Хвастливые заявления официальных лиц остались только декларациями.

Девочка внимательно разглядывала мужчину, перед которым выстроились дети. Взгляд его оставался невозмутимым. Даже если он и пришел в ужас от их нечесаных, кишачих вшами волос, грязных лохмотьев, едва прикрывавших тела, чумазных лиц, потухших глаз и от надрывного кашля, то не подал и виду. Он вел себя так, словно отбирал скот для продажи на рынке.

Она резко втянула в себя воздух. Ей стало страшно. Наверное, у него абсолютно нет сердца, если он сохраняет такое равнодушие. А может, он видел в жизни слишком много горя и научился держать свои эмоции при себе?

Надзиратель ухмылялся, переминаясь с ноги на ногу. Коренастый и толстобрюхий, со

сломанным расплюснутым носом, ему не терпелось вернуться к кружке пива, о чем говорила его одутловатая физиономия с неопрятной бородой, в которой застряли хлебные крошки. Одежда его была почти в таком же состоянии, как у его подопечных. От него воняло затхлым пивом и потом.

Пока незнакомец рассматривал детей, надзиратель время от времени бросал на него такие взгляды, словно ожидал, что тот может неожиданно исчезнуть в облаке дыма.

— Я расскажу вам все, что знаю о каждом из них, милорд, — вкрадчивым голосом предложил он.

Когда незнакомец не отреагировал, он продолжал:

— Вот эта, например. — Он указал на маленькую девочку в первом ряду, которая сосала большой палец. — Ей еще нет и десяти лет. Отец продал ее за крону, купил кислого вина, напился да так и умер, захлебнувшись собственной рвотой. А худышка рядом с ней, милорд, здесь совсем недавно, да и едва ли долго проживет, потому что харкает кровью. Мальчишка позади нее продал свою сестру в самый низкопробный бордель Лондона, когда сам вдоволь попользовался ею. И в конце концов оказался здесь, милорд, а он, скажу я вам, та еще штучка. Мне пришлось несколько раз избить его как следует. Но за последнее время он стал потише: сидит себе молча и только писает под себя. Думаю, что у него с головой не все в порядке. Но ведь есть и другие, сэр. — Надзиратель похотливо подмигнул и хихикнул. — Все зависит от того, для какой цели нужен ребенок.

Незнакомец холодно взглянул на надзирателя, который сразу же умолк и опустил голову, не выдержав его сверлящего взгляда.

Надзиратель вставил факел в металлическую скобу на стене, схватил за руку девочку из первого ряда и вытащил ее вперед.

— Ну, что скажете? Она будет хорошенькая, если ее откормить. — Надзиратель ущипнул девочку за впалую щечку. Потом его рука скользнула вниз по плоской груди и бедрам и задержалась на попке.

Девочка даже не пошевелилась. Она считалась его любимицей, и он частенько навещал ее. Иногда он даже приносил ей дополнительно кусочек черствого хлеба. Каждый раз после ухода надзирателя девочка тихо плакала.

Незнакомец окинул ее оценивающим взглядом. Ей, вероятно, около двенадцати лет. Мучнисто-бледное лицо, тусклые глаза, словно в них застыла боль. И еще что-то — то ли болезнь, то ли безумие. Он покачал головой, и ребенка снова вернули на место, а надзиратель уже предлагал следующую кандидатуру — девочку не более шести лет от роду. Когда надзиратель схватил ее за тощую руку, она жалобно заскулила.

— Нет! — произнес незнакомец, и тюремщик водворил ее обратно.

Надзиратель посмотрел на выстроившихся детей и стоял, постукивая ногой по полу и обдумывая варианты. Выбор будет значительно богаче в ближайшие месяцы, когда холод прогонит бездомных детей с улиц в тюрьмы и заведения, подобные Брайдуэллу.

— А не хотите ли мальчика? — с надеждой в голосе спросил надзиратель. — У меня здесь есть несколько...

— Нет. Мне не нужен мальчик.

— Вам трудно угодить, милорд. Другие приходят и сразу же выбирают, причем мальчик это или девочка, для них значения не имеет. Иногда они даже не уходят, а используют их прямо здесь. — Он причмокнул губами. — Я и сам это делал несколько раз. — Он хохотнул. — Взгляните вот сюда.

— Нет, — отрезал незнакомец все тем же решительным тоном. — Я хочу взглянуть вон на ту девочку из заднего ряда. Ту, что стоит в левом углу. Вы, конечно, знаете, где находится левая сторона, не так ли?

Надзиратель усмехнулся: посетитель наверняка шутить изволит, однако он вытащил из заднего ряда девочку и поставил ее на освещенное место.

Ослепленная светом, девочка лет шестнадцати заморгала глазами, но заметив, что незнакомец внимательно смотрит на нее, опустила голову. Краска стыда появилась у нее на лице, как бывало, когда она слышала по ночам странные крики девочки и мальчика. «Интересно, что ему нужно?» — подумала она.

Девочка обладала высоким ростом и изящным телом, слишком худеньким сейчас, но обещавшим в недалеком будущем округлиться в нужных местах. Ее вид говорил, что до недавнего времени она вела здоровый образ жизни. Немытые и нечесанные волосы, несомненно, кишевшие вшами, рыжевато-каштанового цвета, патлами свисали на плечи, а зеленовато-голубые глаза опушали черные ресницы. Черты ее несколько заострились от недоедания, но он уверен, что лицо у нее имеет скорее всего форму сердечка.

Во всем ее облике чувствовался страх перед ним, но с этим он пока ничего не мог поделать.

— Она подойдет.

— Отличный выбор, милорд, — одобрил надзиратель. — Она поступила недавно и еще находится в прекрасном состоянии. — Он хотел ущипнуть ее за грудь, но незнакомец ударил его по руке.

— Не прикасайся к ней, — приказал он, и надзиратель сразу же повиновался.

Не успела девочка опомниться и понять, что ее выбрали, — интересно, для какой цели? — как надзиратель вытащил ее в узкий коридор, и дверь камеры с грохотом захлопнулась, ставя точку на всем, что было в прошлом. Оглянувшись, она подумала о тех, кто остался там, и на глазах ее выступили слезы.

Посетитель кинул надзирателю небольшой кожаный мешочек. Звяканье монет вызвало у него довольную улыбку. Он неохотно выпустил руку девочки, и она потерла другой рукой те места, где его лапища, несомненно, оставила синяки.

— Благодарю вас, милорд. Желаю удачи с вашим новым приобретением. Я надеюсь, что вы получите большое удовольствие. — Он хихикнул, и девочку чуть не вырвало. Наконец-то она отделалась от этого выродка.

Высокий незнакомец, не обращая внимания на надзирателя, уверенно повел девочку по мрачным коридорам Брайдуэлла. Наконец они добрались до просторного вестибюля, где стояло несколько грубых скамеек. Она уже бывала в нем. Единственным живым существом здесь был человек, сидевший на одной из скамеек, который, как ей показалось, поразительно напоминал того, кто притащил ее сюда, в такое ужасное место.

Девочка вздрогнула и отвернулась. Ее благодетель снял с себя короткий плащ на меховой подкладке, набросил ей на плечи и вывел наружу, под серое небо холодного ноябрьского дня.

Девочка зажмурилась: слишком ярким показался зимний день после полумрака камеры. Постепенно ее глаза привыкли к свету и, поморгав, она глубоко вдохнула свежий воздух. От Темзы, протекавшей всего в нескольких ярдах, поднимался густой туман. Она задрожала от холода, несмотря на теплый плащ.

Ее благодетель подождал несколько мгновений, давая ей возможность прийти в себя.

Не говоря ни слова, он подвел ее к гнедому коню, которого держал под уздцы маленький чумазый парнишка. Бросив ему серебряную монетку, которую тот с радостью поймал, мужчина легко вскочил в седло, наклонился, поднял девочку и посадил ее перед собой.

У нее было достаточно возможностей сбежать от него, но она не могла обмануть благодетеля. Разве он не спас ее от тюрьмы? Она у него в долгу и обязана хотя бы остаться с ним, пока не узнает, зачем он ее выбрал. Он легонько стегнул коня, и они покинули зловещее место.

Руки мужчины держали девочку с таким безразличием, словно мешок с зерном. Однако она ощущала силу его рук и понимала, что он держит ее достаточно крепко, чтобы не позволить соскользнуть с коня, «если бы ей вздумалось убежать».

Убежать. Она чуть не рассмеялась вслух. Убежать... куда и от кого? Ей некуда бежать и не к кому обратиться. У нее не было никого, кроме вдруг появившегося незнакомого молчаливого мужчины, который сейчас вез ее куда-то.

Девочка пребывала в замешательстве от столь неожиданной перемены в своей жизни. Неужели менее чем полчаса тому назад она находилась в тюрьме без малейшей надежды когда-нибудь выбраться оттуда? Она вздрогнула и огляделась вокруг.

Покинув тюрьму, они ехали к северу вдоль течения реки Флит^[2]. Перебравшись по мосту на другой берег, они направились в сторону Ледгейт-Хилла. Девушка не узнавала эту часть Лондона, но ведь за короткое время, которое она пробыла здесь, ей не удалось как следует освоиться в городе.

В Лондон она приехала со своим кузеном всего несколько месяцев назад. Однако ей казалось, что в тюрьме она провела не меньше года. Она приехала в середине августа, а сейчас стоял ноябрь, и проведенные в тюрьме месяцы можно навсегда вычеркнуть из жизни. Ей захотелось плакать, но она строго приказала себе не вести себя как ребенок, тем более что ее детство кончилось четыре года назад.

Весной исполнится четыре года, как ее мать заболела ужасной лихорадкой и умерла. Девочка тоже заболела, но выжила. Продав за бесценок домик, она переселилась к тетушке, которая была на двадцать лет старше покойной матери. Хотя девочка и тетушка не знали раньше друг друга, тетушка с радостью приняла юную родственницу.

Девочка с удовольствием помогала ей управляться с хозяйством, а старая женщина рассказывала благодарной молодой слушательнице обо всем, что сама знала из разных областей наук, тем самым положив начало ее образованию.

Однако у тетушки было слабое здоровье и она частенько болела. Девочке приходилось работать по хозяйству за двоих. Через некоторое время тетушка умерла.

Девочку взяли к себе жить двоюродные тетя и дядя, в основном для того, чтобы иметь бесплатную прислугу. Теперь вечерами девочка занималась починкой белья и любой другой работой, которую ей предоставляли родственники. Они плохо относились к ней. Если дядя считал, что она слишком медленно выполняет его приказание, то награждал ее затрециной или щипал, чтобы пошевеливалась. Тетка все время на нее покрикивала.

Однажды под покровом ночной темноты дядя пробрался в ее крошечную каморку на чердаке, разбудил и, усевшись на край кровати, заговорил о том, что ему давно хотелось иметь такую хорошенькую девочку, как она, и спросил, не хочет ли она, чтобы он стал ее папой, ведь папам позволено целовать своих маленьких дочек.

Девочке удалось от него отбиться, и задолго до того, как супружеская чета проснулась, девочка ушла, решив попроситься жить к кузенам в соседнюю деревню.

Кузены охотно заполучили еще одного работника на ферме, тем более имея большую семью с кучей детишек.

Было нелегко, особенно во время весенних и летних полевых работ, зато девочка очень любила период осенней уборки урожая и следовавшие за ним празднества. Впервые в жизни

у нее появились друзья почти одного возраста с ней. В свободное время они бегали вместе с ней по полям, учили ее плавать в прозрачном ручье за фермой и давали первые уроки верховой езды на стареньком полуслепом пони.

Трое кузенов буквально обожали свою родственницу и во время верховых прогулок на пони она превращалась в их королеву, а они — в ее придворных. Она посылала их на войну, и они возвращались после продолжительных баталий с богатыми трофеями из только что собранных желудей и мелких красных яблок, сладких, как вишни, изящных серых и белых перьев с кончиками василькового цвета, преподнося их своей маленькой королеве-девственнице^[3]. Она вознаграждала их поцелуями в щеку.

Прошли годы, она стала более взрослой и еще более миловидной, чем прежде. Кузены ее тоже подросли и шутливо соперничали между собой, стараясь завоевать ее внимание. Иногда они ездили в Лондон продавать на рынке свои продукты, но девочку с собой не брали. И вот однажды она поехала с ними и впервые увидела представший перед ней город, обнесенный каменной стеной.

Рынок привел ее в радостное волнение суетой, шумом, криками уличных торговцев и просто зевак, ржанием лошадей, мычанием коров. Он сильно отличался от рынков сельской местности.

Такого скопления народа, как здесь, ей еще никогда не приходилось видеть. А уж от разнообразия различных товаров у нее просто разбежались глаза.

Привлеченная хорошенькими шарфиками из легкой ткани, она остановилась полюбоваться ими. Лысый торговец объяснил, что ткань называется шелком и привезена из экзотической страны под названием Китай. Торговец выбрал темно-зеленый шарфик, уверяя, что он очень подойдет к цвету ее глаз, но она помотала головой, понимая, что цена ей не по карману.

Когда девочка оглянулась, кузенов уже и след простыл. Их поиск не дал результатов, хотя она обыскала весь рынок и несколько часов простояла на одном месте, надеясь, что они появятся, потому что, несомненно, тоже разыскивают ее. Но они не появились. Она стала бродить по узким улицам Лондона и, испуганная и одинокая, провела ночь на ступеньках какого-то дома, закутавшись в шерстяную шаль.

Наутро она помчалась к городским воротам, но обнаружила, что не знает, через какие ворота они въехали в город. У нее было всего несколько монеток, которые удалось выручить от продажи того, что у нее оставалось, но их едва ли хватило бы доехать до дома. К тому же она не знала дорогу домой.

Продолжая бродить по грязным улицам и переулкам Лондона, она тихо плакала. Несколько дней спустя она заметила, что за ней следует какой-то человек с собакой, и испугалась, потому что не раз слышала рассказы об ужасных случаях, происходящих в Лондоне. Она попыталась убежать.

Человек и собака бросились за ней. Мчась по каким-то переулкам, она надеялась оторваться от человека с собакой, но всякий раз, оглядываясь, видела, что расстояние между ними неуклонно сокращается. Она оступилась и упала. В тот же миг собака нагнала ее и ухватила зубами за платье.

Девочка попыталась вырваться, но человек держал ее цепко и тащил к телеге, в которой под охраной другой, менее свирепой собаки, уже сидело несколько ребятишек ее возраста. Мужчина грубо затолкал ее в телегу, хлестнул лошадь кнутом по тощему крупу, и они тронулись в путь.

Так она попала в тюрьму Брайдуэлл, куда лондонские городские власти помещали сирот и беспризорных, как поведал ей один из ее сокамерников. Немного помедлив, он улыбнулся, показав пробелы на месте выбитых передних зубов, и добавил, что живет здесь с трехлетнего возраста и сомневается, что они когда-нибудь отсюда выйдут. Он говорил об этом с абсолютным безразличием, и у нее по спине пробежал холодок страха. Она ему поверила. У нее действительно не было ни малейшей надежды когда-нибудь освободиться. Никто даже не знал, что она здесь. Никому она не нужна. Значит, она обречена оставаться здесь.

Она знала, что ее кузены будут искать ее, пока смогут, но в конце концов им придется вернуться домой. Она заплакала, подумав, что они решат, будто она сбежала от них, а когда вспомнила, что, возможно, никогда их больше не увидит, разрыдалась еще сильнее.

В период тюремного заключения вся ее жизнь проходила в постоянной борьбе за еду, за клочок соломы, на котором можно было поспать, за свою честь, отбиваясь от мальчишек, которые к ней приставали. Но теперь все изменилось. Ее освободили, и жизнь начнется для нее с новой страницы.

Девочка не могла бы сказать, сколько времени они находились в пути, а лишь догадывалась, что едут они более часа. Ее спутник, «ее благодетель», поправила она себя, не проронил ни слова, с тех пор как они выехали из тюрьмы. Интересно, о чем он думает?

Они доехали до незнакомой части Лондона, где дома теснились вдоль немощеных улиц, словно грибы-поганки — широкие внизу и суживающиеся кверху. В некоторых местах строения так жались друг к другу, что между ними не видно было просвета, и улицу обволакивала зловещая тьма, напоминавшая о Брайдуэлле. Внезапно пошел снег, и девочка с удивлением наблюдала за кружащими в воздухе первыми снежинками.

В последний раз она видела над головой туманно-голубое августовское небо, а теперь шел снег. Снегопад усиливался. Она ощущала холод снежинок на своих губах, чувствовала их ласковое прикосновение к векам. Снежинки продолжали мягко опускаться на ее волосы и лицо.

Дома вокруг становились все более убогими и напоминали лачуги. Иногда она видела у дверей каких-то людей, провожавших их голодными взглядами.

Глупо такому вельможе, как ее спаситель, — а по его одежде и манерам она решила, что он человек знатного происхождения, — забираться в подобные трущобы. Тут может случиться что угодно. Девочка замерла от страха, но пока все было спокойно. Прохожие на улицах попадались редко и лишь время от времени она видела костры, возле которых грелись одетые в лохмотья люди.

Она вздрогнула, подумав, что могла бы в два счета стать одной из бедолаг, выброшенных за борт жизни. Что бы с ней было, если бы ее не нашел привратник и не препроводил в тюрьму? Куда ей идти? Не имея ни денег, ни родных, ни друзей, ей, наверное, пришлось бы опуститься до воровства, как и всем этим бездомным и голодным людям.

Тощие собаки рылись в кучах мусора, сваленных вдоль дороги. К счастью, благодаря наступившим холодам разлагающиеся отходы замерзли и уже не отравляли воздух зловонием. На подоконниках сидели кошки. Они поглядывали вниз на своих заклятых врагов — собак, ожидая, когда те уйдут.

Навстречу попало несколько телег, проехал всадник, который даже не взглянул в их сторону, как и редкие пешеходы, спешившие по своим делам. У нее создалось такое ощущение, словно она и ее благодетель одни во всем мире.

Накопившаяся за долгие месяцы усталость дала о себе знать — девочка начала клевать носом. Но тут конь ускорил шаг, и она стряхнула с себя сон, выпрямилась и с любопытством огляделась вокруг.

Они выехали из города через ворота под названием Лудгейт и направились к востоку. Домов становилось все меньше, а снегопад усилился. Но даже сквозь снежную завесу она могла любоваться пейзажем.

Вокруг тянулись, уходя вдаль, пологие холмы, на вершинах которых росли деревья. Придетые в белые снежные шапки, они показались ей забавными, и девочка впервые за несколько месяцев улыбнулась.

Белое пространство поражало своим безлюдьем. За всю дорогу, кроме одинокого всадника, торопливо проскакавшего в направлении Лондона, они никого не встретили.

Она задремала. А проснулась оттого, что поднялся ветер и голые ветви деревьев словно

плеткой-семихвосткой стали хлестать по лицам и ногам путников. Ее благодетелю пришлось наклонить голову, чтобы не поцарапать лицо.

Тяжелое свинцовое небо потемнело, девочка почти не видела ничего вокруг. Интересно, как в такой тьме находила дорогу лошадь? Возможно, она, как кошка, могла видеть в темноте? Девочка снова задремала, положив голову на плечо благодетелю.

Ей приснилась тюрьма, куда ее возвратил благодетель, потому что она ему не подошла. Гнусно ухмыляющийся надзиратель, похожий на ее дядюшку, встречал ее и подталкивал идти в камеру, а она плакала навзрыд и умоляла незнакомца дать ей еще один шанс. Незнакомец лишь холодно глядел на нее, а торжествующий надзиратель поволок ее, упирающуюся, в вонючую темноту.

Она всхлипнула и, вздрогнув, проснулась. Она не сразу сообразила, где находится. Вокруг, кроме плотной снежной завесы, ничего не было видно.

— Где мы? — прошептала она.

Мужчина, казалось, не удивился тому, что она заговорила.

— Мы все на той же дороге. Ты проспала совсем недолго. Скоро доберемся до места назначения.

Она кивнула, но больше ничего не сказала. Ей хотелось бы спросить, куда они едут, но неприятное впечатление от приснившегося сна еще сохранилось, и она промолчала. Снегопад мало-помалу прекратился и из-за облаков выглянула луна.

Вскоре они повернули и выехали на неширокую прямую дорогу, окаймленную с обеих сторон высокой живой изгородью, в конце которой стоял большой дом старой постройки; два его нижних этажа были сложены из грубого серого камня, а верхние — из темного дерева. В окнах горели свечи только на нижнем этаже.

Конь ускорил шаг, почуяв знакомые места, где его наверняка ждут еда и теплое стойло. Когда они подъехали ближе, девочка увидела, что фасад дома увит плющом. Дом, вероятно, строился как крепость.

Переехав на другую сторону широкой канавы, которая некогда служила крепостным рвом, конь, вскарабкавшись по обледеневшему склону, направился к правой стороне дома, где была конюшня, откуда до нее донесся запах лошадей и душистого сена. Внутри горел свет. Значит, кто-то их ждал.

Мужчина спешил, оказавшись по щиколотку в снегу, и, взяв ее за талию, осторожно снял с коня. Она вздрогнула от неожиданности его прикосновения.

Взяв ее за руку, мужчина завел коня внутрь и передал поводья светловолосому парнишке, который улыбнулся ему и, украдкой взглянув на девочку, принялся распрягать коня. Мужчина понаблюдал, как мальчик тщательно вытер коня пучком сухой соломы, посмотрел, достаточно ли овса в яслях, и, убедившись, что о его коне позаботились должным образом, вывел девочку из конюшни.

Они направились к дому. В нескольких шагах от деревянной входной двери мужчина остановился и, взглянув на нее, заявил:

— Это твой новый дом.

Мужчина один раз тихо стукнул в дверь, как будто не хотел, чтобы его услышал кто-нибудь, кроме обитателей дома. Такое поведение показалось девочке странным. Что он хотел скрыть? Ее присутствие? Или свое? Подождав несколько минут, он стукнул снова, а потом быстро открыл массивную деревянную дверь.

Они оказались в просторном холле. Его стены, до половины покрытые панелями из темного дуба, а выше — до потолка — оштукатуренные, были украшены лепниной в виде сложного геометрического орнамента.

Прохладный и довольно сырой холл заставил девочку задрожать от холода. В большом каменном камине не горел огонь, и девочка поплотнее закуталась в плащ. На маленьких столиках стояли оловянные подсвечники с зажженными восковыми свечами, и она подумала, что, наверное, именно их свет виден снаружи.

В дальнем конце холла виднелась дверь; другая дверь находилась слева, возле нее узкая лестница с каменными ступеньками вела наверх. Справа однообразие стены нарушали еще три двери.

Бесцветная негостеприимность обстановки не радовала, и девочка надеялась, что обитатели — если таковые здесь имеются — окажутся более дружелюбными.

И тут одна из дверей справа распахнулась и появился приземистый, полноватый человек с морщинистым лицом, сильно загоревшим, несомненно, в результате пребывания на свежем деревенском воздухе, с седыми волосами, бородой с проседью и густыми седыми бровями. Он все время подтягивал сползающие с него короткие штаны из синего сукна, в которые была заправлена безупречно белая сорочка хорошего качества, а сверху надет синий пиджак. Сбоку на поясе у него болтался кинжал в красивых ножнах.

— Сэр, — произнес он с мягким кентским акцентом, — хозяйка ждет вас. Сюда, пожалуйста.

Мужчина и девочка вслед за слугой вошли в комнату, гораздо меньшую и теплую. Стены ее, тоже обшитые панелями из золотистого дуба, сверху заканчивались такой же лепниной, как в холле. Значительную часть комнаты занимал огромный камин, сложенный из того же серого камня, что и цокольный этаж дома снаружи. Из мебели стояли один деревянный стол, несколько скамеечек и стульев, низкий сундучок с замысловатой резьбой на крышке и единственное кресло около камина, имевшее высокую спинку, на кресле лежала вышитая гобеленовым швом подушка. Турецкий ковер, постеленный на полу, придавал комнате домашний уют.

На стене рядом с дверью висел гобелен, но что на нем изображено, трудно сказать. По одну сторону камина стоял экран из какого-то незнакомого материала.

Возле огня с раскрытой книгой в руке сидела женщина.

— Спасибо, Дикон.

Слуга поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова мужчине и девочке. Мужчина подвел девочку ближе к огню. Женщина, лет двадцати с небольшим, аккуратно отложила раскрытую книгу, вытерла руки о передник и поднялась навстречу гостям. Ее темно-русые волосы с пробором посередине, собранные сзади в пучок, открывали высокий лоб и только несколько выбившихся легких кудряшек падали на него. Широкая верхняя юбка раскрывалась спереди, обнаруживая нижнюю юбку из великолепной парчи. Лиф платья из

такой же парчи имел глубокий вырез, но вставочка из тончайшего вышитого полотна придавала платью скромность. Длинные рукава, украшенные от плеча до запястья пуговками из драгоценных камней, отражали свет камина и свечей. Стройную шею украшала золотая цепочка, а на пальцах красовалось несколько колец с камнями. Кожаные туфельки без каблука ловко сидели на ее ногах.

Таких красивых и хорошо одетых женщин девочка еще никогда не видывала. Однако на лице женщины выразилась печаль. Она улыбнулась девочке и взглянула на мужчину.

— Это она?

Мужчина кивнул в ответ, опустившись в кресло. Сняв отделанные бахромой перчатки, он бросил их на пол и протянул руки к огню. Девочка поняла, что он, должно быть, страшно устал и замерз. Она протянула ему его плащ, но он покачал головой.

Не зная, что делать дальше, девочка продолжала стоять. Женщина улыбнулась ободряющей улыбкой и жестом пригласила ее подойти ближе к камину.

— Добро пожаловать в Грейвуд. Иди, погрейся, дитя.

Девочка послушно шагнула ближе. Положив плащ на скамью, она протянула к огню онемевшие от холода руки, украдкой рассматривая мужчину и женщину.

Некоторое время они сидели молча. Потом женщина поднялась на ноги и, открыв дверь, позвала служанку.

Тут же появилась молоденькая рыжеволосая девушка с ямочками на щеках и крупным ртом. И хотя красавицей ее, пожалуй, не назовешь, она выглядела вполне привлекательной со своими большими голубыми глазами, обрамленными черными ресницами, и веснушками на небольшом носике. Простое синее платье с передником и синие туфли без задников смотрелись на ней очень мило. Она держала в руках поднос, на котором стояли три кружки с чем-то горячим.

Служанка осторожно поставила перед каждым из них по кружке и выслушала дальнейшие указания хозяйки. Украдкой бросив на гостей любопытный взгляд, она сделала книксен и убежала.

Когда они снова остались одни, мужчина взглянул на девочку и представил ей женщину:

— Это Констанция Уэсткотт — весьма уважаемая вдова и хозяйка дома.

Девочка промямлила что-то вроде приветствия, не зная, следует ли ей присесть в поклоне. Ее удивило, что женщина является хозяйкой дома. Она-то думала, что дом принадлежит мужчине.

— Ты, наверное, проголодалась, дитя мое? Сейчас Бетти, моя служанка, принесет еду.

— О да, госпожа. Я давно не ела, — робко призналась девочка. Она даже не могла вспомнить, когда ела в последний раз.

— Поешь досыта, дитя.

— Спасибо, — еле слышно произнесла девочка. Странно, подумала она, что никто даже не спросил, как ее зовут. Правда, ей не хотелось называть свое имя. Если бы ее спросили, тогда бы она, конечно, ответила.

Мужчина отхлебнул из кружки.

— Я думаю, она уже несколько дней не ела как следует, — объяснил он, с отвращением покачивая головой. — Она находилась в преисподней. Всюду грязь, паразиты, да еще надсмотрщик, который выглядел сам хуже любого из своих подопечных, причем, кроме тюремного заключения, там ничего не предусматривается.

— Неужели ты ожидал чего-нибудь другого? — с иронией спросила Констанция.

Мужчина, глядя на огонь, ничего не ответил. Он продолжал понемногу отхлебывать горячую жидкость, потом одним глотком осушил кружку до дна.

— Джайлз?

— Со мной все в порядке. — Он поднялся на ноги. — Просто я устал. День был такой длинный. — Он провел рукой по лицу и снова уставился в огонь. Интересно, какие демоны его терзают? — подумала девочка, но тут женщина снова заговорила с ней:

— Присядь, пожалуйста. Ты, наверное тоже очень устала.

Девочка послушно села на скамью, аккуратно разгладив рваную юбчонку, и сложила руки на коленях. Руки чуть заметно дрожали — трудно сказать — от страха или от голода.

В течение нескольких минут мужчина рассказывал женщине о том, с чем столкнулся в лондонской тюрьме. Судя по его речи, это был хорошо воспитанный и образованный человек, однако как только он заговаривал о Брайдуэлле, его тон становился резким.

У девочки заурчало в животе, и она взяла кружку и осторожно попробовала глоточек. Яблочный сидр, приправленный корицей, показался ей необыкновенно вкусным. Она быстро выпила все до последней капли, только потом поняв, что не следовало так жадничать. Бог знает, когда ей дадут что-нибудь еще — пребывание в тюрьме многому ее научило. Она виновато взглянула на пустую кружку, но вовремя заметила, что Констанция смотрит на нее с улыбкой.

Снова появилась Бетти с еще одним подносом в руках, на котором стояли тарелки, до краев наполненные рагу. Одну она поставила перед мужчиной, другую — перед девочкой. Мясо со всевозможными приправами пахло так аппетитно, что в животе у девочки снова заурчало. Бетти тихонько хихикнула, и девочка улыбнулась в ответ. Черный хлеб с деревенским сливочным маслом и еще одна кружка горячего сидра завершили ужин.

Девочка старалась есть как можно медленнее. Наконец, она немного утолила голод. Раскрошив хлеб на мелкие кусочки, она подчистила с их помощью всю тарелку с густым соусом, а сама тем временем внимательно разглядывала своего благодетеля, который, закончив есть, закрыл глаза и откинул голову на спинку стула.

Хорошо сложенный, без малейших признаков жировых отложений, что говорило о нем как о человеке умеренных вкусов, он, несомненно, считался привлекательным мужчиной.

Ей вспомнилось, каким высоким он показался, когда они стояли рядом в комнате, хотя она тоже обладала высоким для своего возраста ростом, но даже ей приходилось задирать голову, чтобы посмотреть на него.

Его длинные, изящной формы руки подтверждали, что он из господ, хотя на нескольких пальцах виднелись следы царапин и мозолей, как будто когда-то он выполнял тяжелую физическую работу. Высокие скулы, довольно крупный узкий нос на загорелом лице говорили о его сильном характере. Серо-голубые холодные глаза под черными бровями казались непроницаемыми.

В уголках его глаз виднелись тонкие морщинки, как будто он когда-то много смеялся, хотя девочка еще не видела его смеющимся. В его темных волосах, которые он носил длиннее, чем предписывала последняя мода, уже виднелись серебряные нити, как и в усах и аккуратно подстриженной бороде. Вероятно, ему уже больше тридцати лет. Его тонкие прямые губы, сложенные в неодобрительную гримасу, трудно было представить растянутыми в улыбке или смеющимся. Но девочка чувствовала, что когда-то он был веселым, а потом что-то прогнало радость из его жизни.

Атласный камзол сидел на нем превосходно, а поверх него — стеганая куртка такого же покроя — и то, и другое в серых тонах под цвет его глаз. Куртка застегивалась на ряд золотых пуговиц. Безупречно белый круглый жесткий плюшевый воротник украшал рубашку. Черные короткие штаны подчеркивали стройность ног, на которых были надеты простые чулки с подвязками и черные кожаные ботинки. На боку, прикрепленная к кожаному ремню, висела шпага в бархатных ножнах. Шею украшала серебряная цепь, в ушах поблескивали серьги с маленькими бриллиантами.

Как только он заметил, что она его разглядывает, девочка опустила глаза. Ей не хотелось, чтобы он подумал, будто она грубо уставилась на него. От смущения у нее вспыхнули щеки. «Какой же неотесанной он меня, наверное, считает!» — промелькнуло у нее в голове.

Констанция поманила пальцем мужчину, и он, неохотно поднявшись, последовал за ней в другой конец комнаты.

Они разговаривают о ней, подумала девочка, и ей очень захотелось узнать, что именно они говорят. Говорила в основном женщина, мужчина отвечал. Они вели разговор тихо, и девочка не могла разобрать слов.

Наконец, поговорив, они вернулись к камину. Мужчина снова уселся в кресло. Констанция придвинула свой стул ближе к огню и стала глядеть на него. Бетти, взяв пустую тарелку, поставила перед ней новую, полную рагу, и принесла еще хлеба и сидра. Несмотря на напряженную атмосферу в комнате, девочка продолжала еду. Она с аппетитом съела все, и только потом почувствовала, что полностью утолила голод.

Покончив с едой, она откинулась на спинку стула и огляделась. Ее внимание привлек экран у камина, изготовленный из тонкой сиреневой ткани, натянутой на деревянную рамку, с изображенными на ней сказочными существами, вроде грифонов, драконов и крылатых коней, вышитых золотой и серебряной нитями. Ей очень хотелось поближе разглядеть гобелены.

Наполнив желудок, девочка почувствовала себя так хорошо и уютно, как не чувствовала долгие месяцы. Она зевнула и тряхнула головой, чтобы сбросить с себя сонливость. Сейчас не время и не место спать. Она выжидающе взглянула на мужчину и женщину.

Теперь-то ей скажут, почему ее забрали из тюрьмы и привезли сюда. Она безуспешно пыталась заглушить шевелящийся страх. Ей хотелось бы знать, почему выбрали именно ее.

Мужчина посмотрел на нее своим мрачным взглядом.

— Меня зовут Джайлз Блэклоу, — представился он, — а как зовут тебя, вернее, как тебя звали, не имеет значения, потому что все осталось в прошлом, которого больше не существует.

Она ждала, не вполне понимая сказанное.

— Ты должна выбросить из памяти все, что происходило с тобой за твою короткую жизнь. Ты меня понимаешь?

Она кивнула, хотя ничего не понимала.

— Отныне тебя будут звать Авророй.

Девочка удивленно поморгала глазами.

— Почему... — начала она.

Мужчина поднял руку, показав жестом, что ей не следует ничего говорить.

— Почему, не имеет значения. Тебе лишь достаточно знать, как твое имя звучит теперь. Прежде чем задавать вопросы, просто выслушай меня.

Девочка нерешительно кивнула. Что ей оставалось делать? Его слова ничуть не рассеяли ее страхи.

— Как я уже говорил, здесь будет твой новый дом. Отныне ты будешь жить вместе с Констанцией. Я буду приезжать время от времени, но жить тут я не буду. Ты понимаешь? — Девочка снова кивнула. — Хорошо. Теперь ты ляжешь спать, а утром начнется твой первый урок.

— Первый урок?

— Да.

— Я не понимаю.

— Тебе сейчас не обязательно понимать, Аврора.

Девочка слегка нахмурилась, когда он назвал ее незнакомым именем.

— Я не понимаю, о каких уроках идет речь, а главное, я не понимаю, почему вы вызволили меня из тюрьмы, хотя я вам очень благодарна за это.

— Джайлз? — удивленно воскликнула Констанция. — Так ты ей ничего не сказал?

— Времени не было.

— Что он должен сказать? — спросила девочка, совершенно сбитая с толку.

— У меня не было времени сказать тебе о причинах, заставивших меня забрать тебя из тюрьмы. — Он улыбнулся, и девочка подумала, что улыбка отнюдь не придает его лицу приятного выражения. — Дело в том, что я намерен превратить тебя в благородную леди.

Аврора поморгала, обдумывая его слова. В благородную леди? Что он имеет в виду? Каким образом он собирается произвести такое перевоплощение? Всем известно, что знатными господами становятся по праву рождения или в результате женитьбы или замужества. Ведь только сама королева может даровать титулы и дворянское звание.

Но даже если этот человек мог бы превратить ее в благородную даму, то зачем и почему именно ее?

— Я не понимаю, — грубовато произнесла она, переводя взгляд с Джайлза на Констанцию.

— В данный момент совсем необязательно, чтобы ты понимала причины моих поступков, которые очень сложны, дитя, — ответил Блэклоу. — Ты должна всего лишь подчиняться мне.

— Нет.

— Что такое? — удивленно поднял он брови. — Что ты сказала?

Увидев, что он готов разгневаться, девочка чуть не струсила. Но нет. Она имеет полное право узнать его намерения в отношении себя. Непокорно вздернув подбородок, она посмотрела ему прямо в глаза.

— Прошу прощения, сэр, но мне желательно понять, что вы имеете в виду, говоря, что сделаете из меня «благородную леди», хотя я искренне сомневаюсь, что такое возможно. Но ведь именно с моей жизнью вы так лихо играете, и хотя я ваша должница и, возможно, даже стала вашей собственностью, потому что вы выкупили меня из Брайдуэлла, во мне все еще живо чувство собственного достоинства, а пока оно живо, я должна знать.

Констанция усмехнулась.

— Отлично сказано, Аврора. Красиво и очень смело! — Она взглянула на Блэклоу. — У девочки есть чувство собственного достоинства, и она способна мыслить самостоятельно. Думаю, что ты сделал разумный выбор, Джайлз.

Он озадаченно уставился на Аврору, как будто увидел, что с кафедры собора Св. Павла начала читать проповедь собака.

Аврора чуть не фыркнула вслух. Брови Блэклоу сошлись на переносице, он нетерпеливо ерзал на месте и отбивал пальцами дробь по подлокотнику кресла. Должно быть, Аврора вызвала у него сильное раздражение.

— Возможно, ты права, дитя. Но то, что ты желаешь знать, в данный момент не имеет никакого значения. Но очень скоро, Аврора, — продолжал он, не дав ей возможности возразить, — ты узнаешь о моей цели — я тебе гарантирую. Однако я засиделся здесь дольше, чем предполагал, и должен уйти. Доброй ночи, Констанция. До свидания, Аврора. — Он быстро поднялся, взял плащ, набросил его на плечи и, кивнув женщинам, вышел.

Аврора посмотрела ему вслед, потом перевела взгляд на вдову, надеясь получить у нее объяснение его внезапному уходу. Ей почему-то казалось, что она одержала крошечную победу в какой-то чрезвычайно сложной борьбе. Да и все произошедшее за день казалось нереальным.

— Я понимаю, что ты, наверное, теряешься в догадках, Аврора, и хочешь задать множество вопросов, — улыбнулась Констанция. — Но только не сегодня. Уже поздно.

Разве ты не устала после столь необычного дня?

Аврора кивнула.

— Тебе пора спать. Пойдем со мной.

Она взяла свечу и открыла дверь, за которой Аврора увидела небольшой коридор. В конце его находилась одна дверь, ведущая на кухню, где возле большого очага сидела Бетти и ужинала.

Аврора робко улыбнулась ей, Бетти улыбнулась в ответ, обнаружив довольно широкий пробел между передними зубами, что ничуть не испортило ее весьма миловидную физиономию.

В нескольких футах от кухонной двери узкая каменная лестница вела наверх.

Держа в одной руке свечу и прикрывая ладонью другой пламя, чтобы его не задуло сквозняком, Констанция стала подниматься вверх по лестнице, время от времени оглядываясь назад. В одном месте она предупредила, чтобы Аврора шла осторожнее, потому что на старых выбитых ступенях можно легко оступиться.

— Мы отложим осмотр дома до завтра, когда ты отдохнешь. А пока я умоляю тебя не бродить по дому, хотя сомневаюсь, что тебе сейчас захочется гулять. Снаружи Грейвуд кажется не очень большим, однако внутри он похож на настоящий муравейник. Построенный очень давно, он сначала был небольшим. Кухня составляла тогда часть основного ядра всего строения. В последующие века добавлялись другие пристройки, в результате чего и получился лабиринт, способный поставить в тупик неосторожного гостя.

Аврора кивнула. Ей хотелось одного: поскорее лечь спать. На лестничной площадке второго этажа размещалась длинная узкая галерея. Аврора мельком взглянула на череду портретов, с которых на них строго глядели дамы и господа в старинных костюмах.

Наверное, предки Констанции или ее покойного супруга. Как досадно, что она овдовела в таком молодом возрасте, подумала Аврора. У нее вдруг мелькнула непрощенная мысль о том, что Джайлз Блэклоу, возможно, является утешителем хорошенькой вдовы. Аврора упрекнула себя за столь недостойную мысль.

Вдоль галереи стояло несколько небольших круглых столиков и стулья, а возле одной из стен — сундук, на котором лежали струнные музыкальные инструменты. Имелись тут и кресла со спинками из тисненой кожи и во всю стену — чудесное венецианское зеркало в раме, украшенной искусной резьбой.

— Мы почти на месте, — заметила вдова и, дойдя до конца галереи, повернула направо в небольшой коридор. Видимо, они оказались в более новой части здания, где потолки были значительно выше, коридоры шире, а отделка стен и полов свежее.

— Вот мы и пришли. — Констанция открыла дверь и сказала: — Твоя комната, Аврора. Надеюсь, тебе здесь понравится. Если что-нибудь потребуется, я буду в комнате рядом.

Констанция зажгла от своей свечи несколько свечей, стоявших в оловянных подсвечниках в разных местах комнаты. Потом, опустившись на колени перед камином, принялась разжигать огонь. Авроре хотелось помочь, но она так устала, что не смогла даже наклониться. Несколько минут спустя в камине запылал огонь, и Констанция с улыбкой повернулась к ней.

Аврора огляделась вокруг. Большую часть одной стены занимала деревянная кровать с парчовым раздвинутым пологом, занавески которого придерживались шнуром. На кровати лежало серебристо-бежевое меховое одеяло, а в изголовье набросано несколько взбитых подушек. В ногах виднелось аккуратно сложенное вышитое покрывало в голубых, зеленых и

золотистых тонах.

Рядом с кроватью стоял низкий сундучок, выполнявший также роль скамейки. В нескольких футах над сундучком находилось высокое створчатое окно, застекленное красным стеклом, и Аврора подумала, что хорошо бы окно открывалось. Даже зимой она любила свежий воздух, а после пребывания в тюремной камере она мечтала о нем больше, чем прежде. Кресло у камина, платяной шкаф и еще один низкий шкафчик, на котором стояли таз и кувшин с водой для умывания, завершали меблировку комнаты. Над камином висел гобелен, а каминную полку украшала низкая чаша с сухими травами, нежный аромат которых распространялся по всей комнате.

— Я отложила кое-какую одежду для тебя, — торопливо оповестила ее Констанция, когда Аврора выразила свое восхищение комнатой. — Первоначально она принадлежала мне, так что, надеюсь, она не окажется слишком широкой для тебя. Сейчас ты очень худенькая, но, несомненно, скоро наберешь вес, как только начнешь как следует питаться. Если же одежда сейчас не подойдет, мы сможем ее ушить, пока не будут готовы платья, специально сшитые для тебя. Ты ведь умеешь шить, не так ли?

Аврора сонно кивнула. Мать не зря долго билась над ней, пока не научила делать аккуратные мелкие стежки.

— Вот и хорошо. Ты сможешь вымыться завтра утром, перед завтраком. Я уверена, что тебе захочется соскоблить с себя все воспоминания о тюрьме. Под кроватью находится ночной горшок, а в кувшине есть свежая вода. Тебе что-нибудь еще нужно, Аврора?

Девочка покачала головой.

— У меня есть все, госпожа Уэсткотт. Но прежде всего я хочу поблагодарить вас за то, что вы дали мне кров.

Женщина кивнула.

— Посмотрим, будешь ли ты мне благодарна завтра, — загадочно произнесла она. — Спокойной ночи, желаю тебе хорошо отдохнуть. Увидимся завтра утром.

Как только дверь за ней закрылась, Аврора сразу же уселась на кровать, как будто ноги ее не держали, и, не мигая, устала в огонь.

Изменяющие цвет и форму язычки пламени завораживали ее, но она почувствовала, что глаза у нее слипаются. Встряхнув головой, она зевнула. Нельзя засыпать сидя. Она медленно потянулась, чувствуя, как отзываются болью все косточки, и окинула взглядом комнату.

Ее новая комната просто прекрасна, она и надеяться не смела, что будет когда-нибудь жить в такой роскоши. Разве ее можно сравнить с клочком гнилой соломы, на которой ей приходилось спать последние месяцы?

Она погладила кончиками пальцев меховое одеяло. Под ним на кровати лежала пышная перинка, и ей вспомнилась кровать в материнском доме.

Не следует ей думать о прошлом... и о будущем тоже. По крайней мере сейчас.

Она встала, сняла с себя грязную и драную одежду и оставила ее на полу. С каким удовольствием она отделалась наконец от лохмотьев! Завтра она с радостью сожжет их.

Взглянув на свое грязное тело, она поморщилась. Утром она с благодарностью воспользуется обещанной Констанцией ванной. Вымыться ей совершенно необходимо. Она и не припомнит, когда мылась последний раз.

Голая, она прошлепала босыми ногами по холодному деревянному полу и, вымыв лицо и руки холодной водой, вытерлась вышитым льняным полотенцем и задула свечи. Она хотела немного погреться у камина, но ей стало совсем холодно, и она, откинув покрывало, собралась нырнуть в постель, но услышала какой-то тихий звук за дверью. Она прислушалась. И снова услышала звук. Она подбежала к двери, открыла ее и выглянула наружу. Что-то мягкое прикоснулось к голей ноге. Аврора испуганно отскочила назад.

Мяу!

Крошечный черный котенок едва слышно пискнул еще раз и стал тереться о ее ноги. Аврора рассмеялась, удивившись, что могла испугаться столь крошечного существа, и закрыла дверь. Опустившись на колени, она погладила котенка. Котенок задрал вверх треугольную мордочку с длинными ушками и взглянул на Аврору такими же, как у нее, голубовато-зелеными глазами.

— Ты настоящая красавица, — прошептала она, как будто боялась, что Констанция может ее услышать. — Только очень маленькая. Наверное, ты последышек из всего помета?

Котенок в ответ облизал пальцы девочки шершавым розовым язычком, отчего ей стало щекотно. Она хихикнула, продолжая его гладить. Почувствовав, что глаза у нее закрываются, девочка встала.

— Хватит. Пора спать, — обратилась она к котенку.

В доме она не видела кошки, но ведь кошка с котятами могла находиться в любой из многочисленных комнат. Очевидно, любопытного котенка привлекли голоса двух женщин. Аврора была благодарна мягкому теплему комочку за то, что он находится рядом в ее первую ночь под крышей незнакомого дома.

Девочка подняла с пола котенка, который уместился у нее на ладони, и посадила на меховое одеяло. Нырнув в постель, она развязала шнур и опустила тяжелые занавески полога.

Котенок прошелся по кровати, терпеливо отыскивая удобное местечко для сна. Наконец

он облюбовал место на мягкой подушке рядом с головой Авроры и принялся усердно уминать его маленькими лапками. Повернувшись несколько раз вокруг себя, он улегся наконец, свернувшись клубочком.

Аврора засмеялась и осторожно потрогала пальцем холодный розовый носик, на что котенок ответил очень громким для такого крошечного создания мурлыканьем.

Одна из занавесок балдахина висела неровно и в образовавшуюся щель просматривалось пламя в камине. Она лежала, глядя на огонь и прислушиваясь к мурлыканью котенка. В ее голове проносились одна за другой мысли, мешавшие ей заснуть.

По непонятной причине Джайлз Блэклоу дал ей имя Аврора. Почему? Какая разница, как ее зовут? Имя, конечно, необычное.

— Аврора, — громко произнесла она и фыркнула. Котенок тихо мяукнул и лизнул ее в ухо.

Ей было непонятно, почему, например, он не назвал свой титул, когда представлялся, хотя любому понятно, что он титулованный дворянин? Он ходит и говорит, как дворянин, и манеры у него дворянские...

И почему он выбрал ее? Почему он приехал за ней в Брайдуэлл? И зачем он хочет сделать из нее благородную леди? Она никак не улавливала смысла в его поступке. Может быть, завтра она получит какие-то ответы.

Джайлз Блэклоу сообщил, что завтра начнутся ее уроки.

Что за уроки?

Не потому ли Констанция сказала: «Посмотрим, будешь ли ты благодарна завтра»? Что случится завтра? Аврора еще долго искала бы ответы на возникавшие вопросы, но мурлыканье котенка убаюкало ее, глаза у нее закрылись, и она заснула глубоким сном.

Девочке показалось, что едва успела она погрузиться в глубокий сон, как где-то хлопнула дверь и чей-то голос громко позвал какую-то Аврору.

Авророй теперь была она.

Она села в постели с такой скоростью, что одеяло соскользнуло с нее, обнажив до пояса. Котенок мяукнул и перекатился на бок, но не проснулся.

Аврора откинула одну из занавесок балдахина и окинула взглядом незнакомую комнату, пытаясь вспомнить, где она находится. «Ты снова в тюрьме, — шепнул опять чей-то голос. — А все остальное — сон. Приятный, но сон, и ты скоро проснешься и окажешься в Брайдуэлле».

Нет, возразила она. Брайдуэлл — кошмар из прошлого.

Натянув до подбородка одеяло, она еще раз оглядела комнату. В окно был виден бледно-розовый кусочек неба. Значит, еще раннее утро.

Она откинулась на подушку, устроив из одеяла теплый кокон. Котенок, свернувшийся калачиком на сгибе ее руки, замурлыкал. Она не заметила, как снова задремала, и не могла бы понять, что ее разбудило.

Ага! Вот оно снова! Мужской голос. Она узнала голос Джайлза Блэклоу. Что он здесь делает так рано утром? Она не успела даже вымыться и позавтракать.

Зевая, она неохотно откинула одеяло, спустила с кровати ноги и вздрогнула от холода. Джайлз Блэклоу снова произнес ее имя, и она протерла глаза. Надо поторапливаться. Скоро должны начаться уроки. Она снова зевнула. Котенок зевнул за ней следом, показывая маленькие острые зубки, и девочка улыбнулась.

За ночь огонь в камине прогорел и в комнате стало холодно. Чуть дрожа, она подошла к комоду и открыла ящик. На нее пахнуло нежным ароматом лаванды.

В ящике она обнаружила несколько смен нижнего белья — все вещи были чрезвычайно высокого качества.

Она быстро натянула черные шерстяные чулки и подвязала их подвязками. Потом она надела через голову белую сорочку из тонкого голландского полотна, вышитую крошечными голубыми и розовыми цветочками, соединенными нежными веточками. Интересно, Констанция сама это вышивала? Работа была чрезвычайно тонкая, и она надеялась со временем овладеть таким искусством. За сорочкой последовала красная нижняя юбка. Девочка улыбнулась — ей еще никогда не приходилось носить такие чудесные вещи. Она выбрала в шкафу простое платье из серого бархата с длинными и широкими рукавами, обрадовавшись, что вырез у платья, вопреки моде, неглубокий, потому что и мать, и тетушка всегда учили ее скромности.

Она обнаружила среди вещей плюеный жесткий воротник, но, опасаясь не справиться с непривычными застежками, положила его назад. Придется подождать, пока Констанция не научит ее с ним управляться. На ноги она надела мягкие кожаные туфельки без задников. Таких изящных туфелек она еще в жизни не видывала! Собрав волосы в пучок, она заколола их шпильками и прикрыла белой наколкой.

Потрогав мягкую ткань платья, Аврора провела кончиками пальцев по ряду изящных пуговиц и ей очень захотелось увидеть, как она выглядит.

И хотя она упрекала себя в тщеславии, но желание посмотреться в зеркало не прошло.

Интересно, что подумает лорд Блэклоу, когда впервые увидит ее не в лохмотьях?

Подвязав передник, она с удовлетворением отметила, что надела на себя все, что следует, и направилась к двери, но услышала жалобное мяуканье. Котенок стоял на краю кровати, но прыгнуть боялся: кровать для него была слишком высока. Девочка улыбнулась, взяла его на руки и поцеловала в макушку.

— Как же я могла забыть о тебе, малыш? — тихо проговорила она. Котенок потерся головой о ее большой палец, и она, улыбнувшись, посадила его в карман передника.

Спустившись вниз и ни разу не сбившись с дороги, она увидела, проходя мимо кухни, Бетти, которая вовсю уже работала. Она улыбнулась девушке, которая ответила ей робкой улыбкой.

Джайлз Блэклоу стоял возле камина в теплой комнате нижнего этажа. Напротив него, уперев руки в бока и притопывая по полу носком туфельки, стояла Констанция. Всем своим видом она показывала, что недовольна столь ранним появлением в доме гостя.

— Добрый день, лорд Блэклоу, — поприветствовала его Аврора, присев в книксене.

Глаза она скромно опустила, но исподволь наблюдала за ним. Сегодня он оделся с головы до ног в черное, но был так же красив, как вчера, и казался еще более загадочным.

— Вижу, она кое-что умеет, Констанция, — поведал Блэклоу, говоря так, будто девочка отсутствовала. — Думаю, что ее умение нам очень поможет. — Он замолчал и с озадаченным видом уставился на ее карман: — Что шевелится у тебя в кармане?

Аврора хихикнула, вытащила котенка и поставила его на пол. Котенок сразу же помчался в сторону кухни, очевидно, в поисках еды.

— А-а, вот, значит, куда она исчезла, — отозвалась Констанция. — Я не видела ее утром.

— Вчера вечером она мяукала у меня под дверью, и я впустила ее в комнату. Можно, она будет жить у меня?

— Конечно. Как ты назовешь свою новую подопечную?

— Люси.

— Необычное имя для кошки, — промолвила Констанция.

— Это в честь девочки, которую я знала... когда-то давным-давно.

— Ну, мы закончили обсуждение кошачьих проблем? — прервал их Джайлз.

— Да, Джайлз, — подтвердила вдова. — А теперь объясни, почему ты явился в воинственном настроении так рано утром и весь дом поднял на ноги?

— Я хочу начать обучение Авроры.

— Сейчас слишком рано. Еще едва рассвело. Не знаю, что заставило тебя появиться здесь в столь неурочный час, но девочка еще не успела осмотреться. Ей надо дать время, прежде чем начинать уроки. Уроки могут подождать день-другой, а может быть, несколько дней. Она должна отдохнуть после всего, что ей пришлось пережить, иначе она не сможет хорошо учиться. К слову сказать, она сегодня утром даже еще не позавтракала и не успела смыть с кожи тюремную грязь. Приходи через несколько дней, Джайлз, а еще лучше — через неделю, — решительно заявила Констанция.

Блэклоу перевел взгляд с вдовы на Аврору и обратно и пожал плечами. Ей показалось, что он хотел возразить Констанции, но, как ни странно, не возразил.

— Ладно, Констанция, пусть она отдохнет. Но через несколько дней я вернусь, и тогда начнутся занятия. А тем временем ты, надеюсь, займешься ее воспитанием в других областях.

— Само собой.

Как и накануне, он кивнул женщинам, повернулся и, не сказав больше ни слова, ушел. Аврора поняла, что тяжелые испытания, которые ей предстояли, откладываются на несколько дней.

— Джайлз — человек очень целеустремленный, — отрекомендовала Констанция своего друга в ответ на озадаченный взгляд Авроры. — Думаю, что ты скоро сама убедишься в этом. Ты сегодня уже выглядишь отдохнувшей, дитя, и одежда тебе к лицу. Надеюсь, она подошла по размеру?

— Отлично подошла. Другие платья тоже очень хороши. — Девочка помедлила. — Не знаю, как сказать, но понимаю, что должна поблагодарить вас и...

Констанция подняла руку, жестом приказав ей замолчать.

— Сейчас не время благодарить, — остановила ее вдова. — Тебе еще многое предстоит сделать сегодня утром. Наверное, тебе не терпится принять ванну? — Аврора торопливо кивнула. — Я так и знала, поэтому приказала Бетти приготовить ванну на кухне.

На кухне ее действительно ждала большая деревянная лохань, наполненная горячей водой, которая стояла поблизости от огня, чтобы не остывала вода.

Бетти застенчиво улыбнулась, снова обнажив пробел между передними зубами. Обернув руку тряпкой, она сняла висевший над огнем железный чайник и вылила кипяток в лохань. Над лоханью поднялись клубы пара. Бетти указала на второй чайник, висевший над огнем.

— В нем тоже скоро закипит вода, госпожа, если вам потребуется еще. — Голос у девушки оказался высокий, но приятный для слуха. В нем улавливался такой же мягкий акцент, как у Дикона.

— Вода мне потребуется позднее, чтобы ополоснуться, Бетти. — Аврора поискала глазами кошечку, но не нашла. Наверное, где-нибудь спит после еды.

— Вот мыло, — подала вошедшая Констанция кусочек душистого мыла и купальную простыню. — Я пока уйду, но если тебе что-нибудь потребуется, спроси у Бетти.

— Спасибо.

Бетти, продолжая заниматься своим делом, повернулась к ней спиной, чтобы не смущать ее. Аврора проворно сняла с себя одежду и аккуратно сложила ее на низком столике возле очага. Положив рядом кусок мыла и купальную простыню, она ступила в лохань. От горячей воды все ее тело почувствовало необыкновенное блаженство и легкость. Она чуть не замурлыкала, как котенок, который спал с ней в кровати всю ночь.

— Ты не видела маленькую черную кошечку, Бетти? Прошлой ночью она спала со мной, а потом куда-то ушла.

— Видела. Она пришла сюда поесть вместе с другими. Потом, наверное, умчалась поиграть со своими братьями и сестрами.

Аврора зачерпнула пригоршню воды, вылила ее на голову и с удовольствием ощутила, как вода стекает струйкой по лицу. Она тщательно вымыла с мылом длинные волосы, ополоснула их и собрала в пучок на макушке. Потом вымыла лицо.

Затем, откинувшись на край лохани, внимательно осмотрела кухню: чайники, чугунные сковородки, а также горшки разного размера, вертела для жарения мяса над огнем, другие приспособления для стряпни и всякую прочую утварь. В кухне два очага — оба кирпичные, потемневшие от многолетнего использования. Центр кухни занимал большой деревянный стол. Перед одним из очагов стояло несколько деревянных кресел и еще один стол меньшего размера.

Она снова подумала, что такой чудесной кухни она еще никогда не видывала. В домах

матери и тетушки кухни были совсем крошечными. Не впервые она подумала, что Констанция Уэсткотт очень богата.

Аврора закрыла глаза, но, услышав тихое мяуканье, встрепенулась и посмотрела на пол через бортик лохани и увидела черную кошечку.

— А-а, вот и ты, Люси, — улыбнулась Аврора.

Вода начала остывать, и она поспешила энергично намылить тело мылом с запахом герани. Интересно, Констанция сама выращивает цветы, чтобы ароматизировать мыло? Надо будет спросить ее при случае.

Ополоснувшись, Аврора грациозно поднялась на ноги и потянулась за купальной простыней. Несколько капель воды попали на котенка. Люси затрясла головой и бросилась вон из кухни, заставив Аврору и Бетти рассмеяться.

— Не бойтесь, она скоро вернется, мисс.

— Надеюсь!

Расположившись у огня, Аврора насухо вытерла тело, с удовольствием вдыхая запах чистоты, исходивший от него. Одевшись, она уселась перед огнем и, пропуская волосы сквозь пальцы, принялась сушить их.

Бетти тем временем выливали лохань. Авроре хотелось ей помочь, но она знала, что Бетти откажется от ее помощи. Ведь Авроре отводится в доме не роль служанки. Джайлз Блэклоу сам заявил, что намерен сделать из нее благородную леди. Вернее, научит ее быть благородной леди. Но в чем заключалась разница, она не понимала.

— Ты всю жизнь жила в Грейвуде, Бетти? — спросила она, когда Бетти закончила уборку.

Бетти поставила метлу в угол и энергично кивнула.

— Да, госпожа. Мои родители работали здесь, когда я еще не родилась, а мой брат Эдуард состоит грумом у хозяйки.

Должно быть, тот самый парнишка, которого она видела, когда они с Джайлзом Блэклоу приехали, — подумала Аврора.

— А Дикон тоже твой родственник?

— Да, он мой дядя.

— Понятно. Твои родители все еще работают здесь?

Бетти печально покачала головой.

— Они умерли шесть лет тому назад, мисс. Почти в одно время с хозяином. Здесь свирепствовала страшная лихорадка. Умерли и хозяин, и детишки хозяйки.

— У госпожи Констанции были дети?

— Да. Прехорошенькие девочка и мальчик двух и трех лет от роду.

— Какая печальная история! — Констанция не показалась ей скорбящей женщиной, но ведь с тех пор, как она потеряла семью, прошло уже шесть лет. Аврора подвинулась ближе к огню. Ей ли не понять горе? Она ведь тоже потеряла семью.

Вернулась Люси и устроилась у ног Авроры. Девочка погладила спинку котенка и стала наблюдать, как Бетти уверенными ловкими движениями достает большие дымящиеся караваи хлеба из печи и раскладывает их на краю стола.

— А где семья лорда Блэклоу? — спросила Аврора. — Они с твоей госпожой соседи?

— Мне о них ничего не известно, мисс. Знаю только, что они приехали с севера, из тех мест, которые граничат с землями, населенными варварами. Наш хозяин и лорд Блэклоу были друзьями.

Значит, покойный муж Констанции и Джайлз Блэклоу были друзьями. И когда муж умер, Блэклоу занял его место...

Нет, остановила она себя. Неправда. Но даже если так, то ее это не касается. Что за странное любопытство ее одолело!

В кухню вошла Констанция и удивленно взглянула на нее.

— Ну-ка, ну-ка, дай мне поглядеть на тебя!

Аврора встала и по просьбе Констанции медленно повернулась вокруг. Вдова глядела на нее оценивающим взглядом. «Словно я лошадь, которую собираются продать на ярмарке», — подумалось Авроре.

— Да, Джайлз, пожалуй, не ошибся в выборе, — заговорила вдова, как будто сама с собой. — Но он и раньше отличался зорким глазом: — Она улыбнулась и сменила тему. — А теперь не хочешь ли позавтракать?

— С удовольствием. Я все еще не насытилась.

— Неудивительно. Ведь тебе пришлось столько всего пережить. Следуй за мной, Аврора.

Они перешли в комнату, где Аврора ужинала после прибытия в Грейвуд. Яркий золотистый светился в комнату сквозь высокие окна, и Аврора, не удержавшись, подошла к окну и выглянула наружу. Перед ней раскинулось заснеженное поле, освещенное яркими лучами солнца и сверкающее так, что глазам стало больно. За полем росли высокие деревья, а дальше находилась опушка леса. Справа она увидела, несколько небольших строений. Наверное, там расположились конюшни.

Вдали виднелись пологие холмы. «Интересно, далеко ли от Лондона расположен Грейвуд? — подумала Аврора. — Надо будет спросить Бетти. Или лучше Констанцию».

Под снежным покровом она разглядела еще кое-какие детали пейзажа. «Интересно, как все здесь выглядит весной?» — подумала она. Возможно, весной она еще останется в Грейвуде и сможет все увидеть собственными глазами.

Увидит. Еще бы не увидеть! Куда она денется? Она в слишком большом долгу перед мужчиной и женщиной, чтобы уйти до того, как исполнит отведенную ей роль в их плане.

Аврора повернулась и заметила, что Констанция за ней наблюдает. Она улыбнулась ей и та жестом пригласила ее за стол. Тут же вошла Бетти с подносом, нагруженным блюдами с едой. Поставив еду на стол, она ушла.

Первый завтрак Авроры в Грейвуде состоял из нескольких ломтиков превосходного белого хлеба, не идущих ни в какое сравнение с грубым черным хлебом, к которому она привыкла. Хлеб был свежееиспеченный, еще теплый. Она намазала его сливочным маслом и взяла немного сушеных груш и изюма, лежавших перед ней в чаше, запила хлеб теплым элем. Констанция ела молча, и Аврора радовалась ее молчанию. Она чувствовала, что еще не готова к разговору. Наконец, она закончила завтрак и вытерла губы салфеткой.

— Ты готова, Аврора?

— Готова к чему? — удивилась Аврора.

— Осмотреть Грейвуд.

— Конечно. Вполне готова, — с облегчением ответила Аврора и улыбнулась.

— Грейвуд — очень старое поместье, — начала свой рассказ Констанция. — Я прожила здесь всю жизнь, но думаю, что так и не побывала во всех его уголках. Так что для любителя приключений здесь открываются немалые возможности.

— Вы прожили здесь всю жизнь? — удивилась Аврора. — А я-то думала, что Грейвуд принадлежал вашему мужу.

Констанция улыбнулась.

— Так оно и было. Но теперь он принадлежит мне. Мы с Джеффри приходились кузенами друг другу и жили здесь многочисленным семейством со множеством дядюшек, тетушек и кузенов, а также родственников, степень родства с которыми никто не знал да и знать не хотел. — Она помолчала, погрузившись в воспоминания. — Ну а теперь в Грейвуде я осталась одна.

— Бетти упоминала об эпидемии, которая унесла много жизней.

— В сочельник исполнилось шесть лет с тех пор. Для нас страшное было время. Дикон, которого ты видела вчера вечером, — единственный, кто не заболел. Он нас выхаживал, не смыкая глаз. Бедняга. Он пытался спасти моего мужа и детей, а также свою семью, но увы!

Констанция перекрестилась, и Аврора впервые заметила на ее груди золотой крест, украшенный жемчугом.

— Они умерли, а я выжила. Выжили также Бетти и ее братишка Эдуард.

— Я вам соболезнаю.

Глаза Констанции заблестели от непролитых слез.

— Теперь все в прошлом, о котором я стараюсь не думать. Давай-ка лучше расскажи мне историю своей жизни. Тебе, я думаю, тоже пришлось нелегко.

Аврора пожалала плечами. После печальной истории Констанции ее жизнь казалась ей слишком приземленной, но она подробно и честно рассказала о себе все. Когда Аврора дошла до момента приезда с кузенами в Лондон, она прервала повествование, вздохнула и замолчала, чтобы справиться с волнением. На глаза у нее наворачивались слезы.

— А дальше? — спросила Констанция, тронув ее дрожащие пальцы.

— Я потерялась.

— Бедное дитя. Как же ты поступила потом?

— Я несколько дней бродила по городу. У меня было несколько пенсов, оставшихся от выручки за хлеб, который я привезла на продажу. В городе я никого не знала. Спала где придется. Потом я заметила, что за мной следит человек со страшной собакой. Я попыталась убежать, но он меня догнал.

— И привел в Брайдуэлл?

— Да.

— Сколько времени ты пробыла там?

— Несколько месяцев. Но мне показалось, что гораздо дольше. — Аврора вздрогнула и посмотрела в сторону. Солнечный день так не вязался с ее страшными воспоминаниями.

— Ну что ж, нам обеим следует отвлечься. Давай-ка я покажу тебе наш великолепный дом.

— Спасибо.

— С кухней ты уже знакома, — продолжала вдова. Бетти отсутствовала, но в воздухе

плавал аппетитный запах свежее испеченного хлеба.

— В малой столовой, где мы завтракали, ты тоже бывала. За кухней находятся несколько кладовых.

В первой кладовой, на полках, сделанных от пола до потолка, стояло множество банок и коробок с припасами.

— А эта дверь ведет в другую кладовую, — объяснила Констанция. — Там хранятся продукты в более крупногабаритных емкостях. Из этой кладовой есть выход наружу, а также на лестницу, ведущую в подвал, где мы храним масло и молоко.

— Дом, наверное, велик для четверых? — заметила Аврора.

— Пожалуй. Но у меня есть еще двое слуг, Сэмюел и Питер. Они сейчас уехали продавать коров и скоро вернутся. Но все равно дом теперь кажется слишком большим и пустым. Теперь не слышно здесь ни топота детских ног, ни смеха.

У Авроры глаза защипало от слез.

— Может быть, когда-нибудь все изменится.

Констанция печально улыбнулась.

— Возможно... Со временем...

Пока женщины переходили из комнаты в комнату, откуда-то появившийся котенок упорно следовал за Авророй.

— Кажется, ты понравилась кошечке, дитя.

— Вижу. И я рада. — Аврора хотела сказать, что с ней она не чувствует себя так одиноко, но она побоялась обидеть Констанцию и не сказала ничего.

— А вот дверь, которая ведет наружу, — показала Констанция и, отодвинув засов, распахнула дверь, наблюдая за радостным изумлением, появившимся на лице Авроры.

За дверью находился довольно просторный внутренний дворик. Аврора увидела скрытые сейчас под слоем снега каменные скамейки и сооружение, напоминающее фонтан. По периметру шли мощенные кирпичом дорожки, а в центре возвышалась бронзовая статуя.

— Должно быть, здесь очень красиво весной и летом, — восхитилась Аврора.

— Да. Солнце бывает только в первой половине дня, а во второй можно укрыться от жары, я люблю сюда ходить. К тому же я тут выращиваю некоторые целебные травы. За домом у меня есть огород. Но мы побываем там, когда погода станет теплее.

Она закрыла дверь, задвинула засов и открыла ту дверь, которая находилась слева.

Перед Авророй предстал величественный холл, стены которого украшали гербы титулованных феодалов семьи. Одна из стен заканчивалась балконом, на котором, как объяснила Констанция, размещались музыканты, увеселявшие приглашенных гостей, собиравшихся в доме в очень далекие времена по торжественным случаям.

— Такие празднества были распространены в дни молодости отца Джеффри, хотя и я помню несколько случаев, когда зажигались все свечи в канделябрах и играли музыканты, услаждая слух собравшихся рыцарей и дам.

По внешней стороне холла располагалось несколько каминов, которыми, судя по всему, давно не пользовались. Между ними находились узкие длинные окна, под каждым из которых стояла отполированная скамейка темного дерева, блестящая в лучах солнца, как и дубовый паркет. Над центральным камином висел длинный меч.

Они пересекли холл и вошли в большую столовую, пол ее, выложенный синими, зелеными и золотистыми плитками делфтского фаянса, поражал своей красотой. В одном углу комнаты помещалась изразцовая печь с изображениями святых. Авроре показалось, что

в центре изображен святой Георгий, убивающий свирепого дракона. В середине красовался большой стол, искусно украшенный резьбой, с длинными скамьями и массивным креслом.

По обе стороны от камина стояли шкафы с серебряной и оловянной посудой.

— Как видишь, комната слишком велика для меня одной, поэтому я приказала поставить небольшой обеденный стол в своей гостиной.

Аврора кивнула и направилась за Констанцией в следующую комнату.

Как только открылась дверь, она охнула от изумления.

Комната сверкала всеми цветами радуги. Взглянув наверх, Аврора увидела застекленные витражами окна. Пробивающийся сквозь них солнечный свет окрашивал ее великолепными красками.

— Комната моего мужа. Когда мы поженились, он заказал витражи для окон одному старому монаху, которому секреты ремесла передал еще его отец. Монах умер вскоре после того, как закончил работу.

— Они восхитительны, — прошептала Аврора.

Ей показалось, что она находится в церкви. На стеклах были изображены сцены на библейские сюжеты.

— Позволь показать тебе еще кое-что, — сказала Констанция, жестом указав на бронзовые часы высотой около двух футов, стоящие на каминной полке. — Это немецкие часы. Их привез нам друг мужа, который часто бывал за границей. Джеффри очень ими гордился.

Перед камином стояло массивное деревянное кресло, обитое черным бархатом. Рядом на банкетке лежало начатое вышивание. Наверное, Констанция и ее муж много времени проводили здесь вместе. Когда ее глаза приспособились к непривычному освещению, Аврора заметила, что стены комнаты с трех сторон сверху донизу заняты книжными шкафами с множеством книг. Девочка с благоговением прикоснулась к фолианту в кожаном переплете, но тут же отдернула руку. Она не хотела оскорбить Констанцию.

— Все в порядке, — кивнула ей Констанция. — Ты умеешь читать?

— Да, миледи.

— Рада слышать. Думаю, что Джайлз тоже обрадуется. Но, Аврора, я хочу попросить тебя кое о чем. Не называй меня «миледи». Зови меня просто Констанцией. Я хочу стать твоим другом.

Аврора кивнула, обрадовавшись, что ей позволили держаться с Констанцией не слишком официально.

— Со временем ты сможешь прочесть все имеющиеся здесь книги и множество других.

— Вы хотите сказать, когда из меня сделают благородную леди? — спросила Аврора с явной иронией.

— Да. — Констанции, как видно, не хотелось развивать дальше эту тему. — У моего мужа в библиотеке сотни томов. Многие он сам разыскал в других государствах, многие привозили его друзья, бывавшие за границей. Джеффри был очень образованным человеком. Он говорил на пяти языках, писал еще на трех и интересовался многим другим. — Она провела кончиками пальцев по корешкам книг. — Когда начнется твой курс обучения, ты будешь пользоваться некоторыми из них.

— Вы часто читаете книги?

— Читаю, когда есть время, которого у меня — увы! — мало. Зимой, когда меньше работы, я частенько прихожу сюда по вечерам.

На одной из стен висели ручной работы карты мира, Франции и Англии с Шотландией, а также «вечный» календарь. Аврора поставила на полку книгу, тщательно закрыла дверцу и некоторое время пристально рассматривала карты. На полу рядом со столом стоял большой глобус. Аврора легонько прикоснулась к нему.

Следующая комната, рядом со спальней Констанции, тоже изобиловала книгами, главным образом молитвенниками и томиками стихов и псалмов, а также сундучками, шкатулками и сосудами из стекла, фарфора или эмали самых разнообразных форм и предназначений.

— Ты устала? — спросила Констанция.

— Немного, — призналась Аврора.

— Осмотр первого этажа занял больше времени, чем я предполагала, а мы еще не дошли до конца. Отложим остальные этажи на завтра. Тебе надо отдохнуть. И утром следовало бы поспать подольше, если бы Джайлз Блэклоу не поднял всех ни свет ни заря.

Женщины расстались на лестничной площадке, и Аврора повернула в свою комнату. Кошечка следовала за ней по пятам.

Войдя в комнату, она посадила котенка на уже застеленную руками Бетти кровать и бросила взгляд на несколько платьев, которые появились здесь в ее отсутствие. Зевнув, она отогнула краешек одеяла, сбросила с ног туфли и забралась в постель. Люси, прижавшись к ней, громко замурлыкала и под ее убаюкивающие звуки Аврора быстро заснула.

Расставшись с Авророй, Констанция вернулась в кабинет мужа и уселась в его кресло. Откинувшись на спинку, она закрыла глаза и глубоко втянула в себя воздух. Она явно улавливала запахи чернил, корицы и кожи, которые всегда ассоциировались с ним, как будто он присутствовал в комнате. Глаза защипало от слез, и она прижала к векам кончики пальцев, чтобы не расплакаться.

Экскурсия по дому с Авророй пробудила у нее множество воспоминаний.

Она тосковала по Джеффри и своим детям, и чувство утраты не сгладились за все прошедшие годы. Потеряв их, она на долгие месяцы погрузилась в отчаяние, пока Дикон не заявил, что пора продолжать жить.

И она его поняла. Он тоже скорбел по своей семье, но ее настроение действовало на него угнетающе, и он не мог продолжать работать. А она зависела от него. С того дня Констанция взяла себя в руки и даже плакать позволяла себе только по ночам, когда оставалась одна в большой супружеской постели. За шесть лет после смерти Джеффри она не всегда бывала одинока, но ни один мужчина не завоевал ее сердца.

Пока не появился Джайлз Блэклоу. Но и в отношении его она не могла сказать точно, завоевал ли он ее сердце или заинтриговал, заставив забыть об утратах. Трудно сказать, подходили ли они друг другу. Она его не понимала, а знала лишь, что он был другом Джеффри, а следовательно, и ее другом.

Однако даже Констанцию Джайлз не посвятил в свои планы. Она знала, что ему нужна девушка аристократической внешности в возрасте около шестнадцати лет, и он явно нашел то, что искал. Девочка оказалась воспитанной и обладала более хорошими манерами, чем многие жители города. Констанция понимала, что девочке страшно, и она старалась по возможности ее успокоить.

На следующий день, наскоро перекусив хлебом с сыром, Констанция и Аврора продолжили экскурсию по дому. И снова котенок сопровождал их, следуя по пятам за Авророй.

Они вернулись в главный холл и поднялись по узкой лестнице. Аврора вновь удивилась тому, что нигде не видно слуг, но Констанция объяснила, что они заняты работой где-то в других помещениях дома.

— Как я уже говорила, — рассказывала Констанция, — Грейвуду очень много лет. Когда-то он был старинной крепостью. Кухня в нем изначально являлась центром дома. Построенный на вершине холма, дом со временем осел и почти сровнялся с землей. Вокруг даже имеются остатки крепостного рва. Один из моих предков, человек, видимо, чудаковатый и не очень умелый, пожелал придать дому внушительность и принялся возводить стены и пристраивать крылья. В результате получилось нелепое чудовище, в котором я живу сейчас. В нем легко заблудиться, поэтому я не советую тебе бродить по дому одной, пока не привыкнешь. Слуг здесь мало, так что, если будешь кричать и звать на помощь, тебя могут просто не услышать.

— Я буду держаться поближе к вам, Констанция, если не возражаете.

— Договорились.

Аврора заметила, что Люси стала отставать. Она взяла котенка и положила в карман.

В большинстве комнат мебель почти отсутствовала, но то, что имелось, было отличного

качества. Жаль, подумала Аврора, что комнаты пустуют. Интересно, будут ли они когда-нибудь снова заполнены людьми? Аврора обратила внимание на инкрустацию, которой украшены некоторые шкафчики, и Констанция объяснила, что это перламутр или слоновая кость с Востока. На стенах, до половины обшитых деревянными панелями, а вверху оштукатуренных, висели великолепные гобелены.

— Работа моей матушки, — похвалилась Констанция. — Она слыла очень умелой рукодельницей и меня учила всему, что умела. Но мне до нее далеко.

Они обогнули еще одну лестницу, которая, как объяснила Констанция, вела на нижний этаж к еще одному выходу наружу. В коридор выходили двери еще нескольких спален, а также других комнат, изначального предназначения которых никто не знал. Они прошли мимо нескольких окон, более узких, чем ширина мужских плеч, напоминавших о том, что в незапамятные времена дом считался крепостью.

Многочисленные комнаты имели разный размер. Двери некоторых выходили не в коридор, а в другую комнату, из которой куда-то вели еще двери. Аврору сбило с толку огромное число комнат, причем все они очень походили одна на другую. Она поняла, что здесь и впрямь можно в два счета заблудиться.

Констанция сказала, что этаж, расположенный выше, почти не отличается от того, на котором они находятся, но сейчас он закрыт, потому что нуждается в ремонте; шаткая лестница вела наверх в каменную башню, которая больше сотни лет назад использовалась для обороны Грейвуда.

— Можно мне подняться на башню? — попросила Аврора. — Я еще никогда не видела настоящих башен.

Констанция хотела отказать, но потом улыбнулась и пожала плечами.

— Почему бы нет? Следуй за мной.

Констанция подвела ее к узкой лестнице, и они стали подниматься на третий этаж. Здесь было гораздо темнее, чем внизу и из-под ног поднимались целые облака пыли. Аврора закашлялась. Люси, которую она взяла на руки, чтобы не потерялась, испуганно заерзала. Аврора положила ее в карман, где она, успокоившись, заснула.

Констанция распахнула дверь, за которой оказалась узкая, темная и сырая винтовая каменная лестница, ведущая наверх. Констанция предупредила девочку, чтобы та не оступилась. Аврора один раз поскользнулась, но ухватилась за выступающий из стены камень и восстановила равновесие. Промозглый холодный воздух проникал сквозь одежду. Она вздрогнула. Наконец они добрались до какой-то двери. Констанция налегла на нее плечом, и дверь распахнулась. Они оказались в башенной комнате.

Если этажом ниже Авроре показалось, что комнатами редко пользуются, то сюда нога человека явно не ступала более сотни лет.

— Я поднималась на башню всего один раз с Джефффри, — промолвила Констанция. — Он хотел устроить здесь пикник. Комната тогда не была в таком ужасном состоянии. Но пикник здесь мы так и не устроили.

Констанция поежилась, и вздрогнула.

— Здесь очень холодно. Давай-ка спустимся вниз. Или, если хочешь, я спущусь и подожду тебя внизу.

Аврора покачала головой.

— Я увидела все, что хотела. Я удовлетворила свое любопытство.

Констанция, спускавшаяся впереди, сказала, оглянувшись через плечо:

— Башня больше, чем все остальное в доме, напоминает о нормандском архитектурном стиле. Трудно сказать, сколько лет дому, вернее, замку, но нам то одно, то другое напоминает о его древности.

— Возможно, в один из теплых дней мы поднимемся туда еще разок.

— И устроим пикник?

— Нет, чтобы просто посмотреть.

— Ладно. А пока меня ждут дела внизу. Хочешь пойти со мной?

Аврора кивнула, почувствовав, что за два дня она успела приспособиться к укладу жизни в Грейвуде.

Следующий день выдался холодным, хотя и светило солнце. Констанция решила, что погода наилучшим образом подходит для того, чтобы показать девочке окрестности. Сопроводить ее поручили Дикону Тейту.

Стоял такой холод, что изо рта шел пар, но они оделись очень тепло. Из-за холода Аврора оставила Люси дома.

— Земельные владения простираются в любую сторону, насколько видит глаз, — объяснял Дикон.

Аврора взглянула в направлении, указанном Диконом. Все пространство, вплоть до покрытых снегом холмов, занимали владения Констанции.

— Должно быть, здесь несколько сотен акров! — удивилась она.

Дикон кивнул.

— Раньше было еще больше, но часть земель продали. А часть отдали в аренду. И все равно земли осталось много, хотя значительная часть занята лесом. Хозяин равнодушно относился к сельскому хозяйству и предпочитал сохранять земли в их естественном состоянии.

Дикон повел Аврору за дом и показал цветники.

— Сейчас почти ничего не видно, все покрыто снегом, но весной и летом здесь есть на что полюбоваться. Хозяйка срезает отсюда цветы и ставит букеты по всему дому, так что дом и сам становится похожим на цветник.

Они осмотрели различные хозяйственные постройки и зашли в конюшню, ответственность за которую возлагалась на юного племянника Дикона Эдуарда.

— Теперь у нас совсем мало лошадей, — извиняющимся тоном заметил Эдуард, показывая Авроре лошадей, лениво жующих сено в своих стойлах. — Раньше их насчитывалось больше, но хозяйке пришлось многих продать.

— Из-за высоких расходов? — удивилась Аврора, считавшая, что Констанция, если даже не богатая, то весьма состоятельная женщина. Однако вдове пришлось продать часть земли и лошадей. Зачем бы?

Дикон сердито посмотрел на мальчика, который виновато опустил глаза.

— Гм-м, да, — невнятно пробормотал он, поняв, что и без того сказал лишнее.

Аврора заметила странный взгляд, которым обменялись дядя с племянником. Похоже, они умышленно пытаются что-то скрыть от нее. Конечно, она здесь новенькая, и они еще не знают, можно ли ей доверять.

Аврора погладила нос гнедой кобылы, которая с интересом наблюдала за ними. Пропустив сквозь пальцы ее гриву, она почувствовала, что грива у нее не такая грубая, как у остальных лошадей. Судя по всему, кто-то очень хорошо за ней ухаживал. Может быть, сама Констанция находила время посещать конюшню?

— Какая красавица.

— Да. Лошадь самой хозяйки. Лорд Блэклоу лично выбирал для нее.

— Понятно.

— А вы ездите верхом, госпожа?

— Немного. Но мне никогда не приходилось садиться на такую чудесную лошадь. Я училась ездить на широкой, плоской спине коренастой фермерской коняги.

— Это тоже хорошие лошади, — оценил Эдуард. — Выносливые.

— Да, — согласилась она.

— Вы поедете на этом коне, — указал Дикон, подведя к ней длинноногого жеребца каштановой масти со светлой гривой. Он так долго молчал, что она почти забыла о его присутствии. — Он достаточно высок для ваших длинных ног, — добавил Эдуард, — к тому же он послушный. Лучшего коня вам не найти, госпожа.

— Его тоже выбирал лорд Блэклоу?

— Да, — ответил мальчик, уже остерегаясь говорить лишнее.

— Стало быть, лорд Блэклоу часто бывает в Грейвуде? — небрежно заметила она.

— Время от времени бывает, — подтвердил Дикон. — А теперь нам пора, не будем отрывать парнишку от его обязанностей.

Аврора поблагодарила Эдуарда и вместе с Диконом вернулась в дом. Отдав ему свой плащ, она прошла в гостиную и подошла к камину, чтобы погреть руки.

— Я прикажу Бетти принести вам чего-нибудь тепленького, мисс.

— Спасибо, Дикон.

— Ну как, понравилась экскурсия? — спросила, входя в гостиную, Констанция.

— Очень. Буду с нетерпением ждать весны, чтобы полюбоваться цветниками.

— Они требуют большого внимания, но очень красивы. Некоторые цветы там не английского происхождения, а привезенные нам из-за границы друзьями мужа. Думаю, что, увидев их, ты удивишься.

— И лошади у вас чудесные.

— Спасибо. Когда-то у нас их было гораздо больше. Но после смерти мужа я многих продала. Зачем одинокой женщине держать двадцать голов лошадей? Их даже прогуливать некому.

В гостиную вошла Бетти, которая принесла кружки с подогретым вином, сдобренным пряностями.

— После того как перекусим, я думаю, мы отправимся в буфетную, и ты поможешь мне приготовить кое-какие лекарства из целебных трав, — проговорила Констанция.

— С удовольствием. Я иногда помогала своей матушке, но она знала всего несколько рецептов, да и те, наверное, слишком примитивные по сравнению с вашими. — Она впервые заговорила с Констанцией о своей матери, и та не стала расспрашивать подробности. Наверное, Констанция хочет, чтобы она рассказала о своем прошлом только тогда, когда сама пожелает.

Они перекусили сыром и пирогом с олениной, сдобренной мускатным орехом, и запили элем. На десерт побаловали себя фруктовыми тарталетками. Усевшись у камина, Констанция занялась рукоделием, а Аврора вздремнула. Котенок отыскал ее и заснул у нее на коленях. Проспав несколько минут, Аврора проснулась, и они с Констанцией отправились в буфетную, находившуюся по другую сторону кухни.

В буфетной стояло множество баночек с сухими лепестками роз, с сухим шалфеем и душицей, мускатным орехом, тысячелистником, валерьяной, маковым семенем и десятками других ингредиентов, таких обычных в Грейвуде. Здесь Констанция готовила мази для лечения людей и повредивших ногу лошадей. Здесь же она готовила духи для собственного пользования, а также для отдушки хранящегося в шкафах белья.

— Сегодня мы начнем с самого основного, — произнесла Констанция. — В дальнейшем я научу тебя изготавливать ароматизированные свечи, чтобы защитить дом от

паразитов и от чумы.

— Я хочу научиться всему, чему вы пожелаете меня научить, — с нетерпением ответила Аврора.

— Ну и хорошо. Мне нравится, когда ученики стремятся к знаниям. Со временем я научу тебя делать консервы и желе, а также мармелад из плодов шиповника. Все перечисленное нужно освоить, если желаешь стать благородной леди, — сказала Констанция.

Аврора вдруг поняла, что ее обучение уже началось. Констанция ничего не говорила об уроках, она просто попросила Аврору помочь ей, а процесс обучения уже шел своим чередом.

Остальную часть дня она помогала Констанции готовить смесь лаванды, розовых лепестков и гвоздики для саше. Когда они закончили, наступило время ужина. Констанция попросила Аврору почитать ей. Аврора читала с запинкой, потому что нервничала. После чтения они разошлись по своим комнатам. Прежде чем уснуть, Аврора, к собственному удивлению, поймала себя на том, что думает, скоро ли она снова увидит Джайлза Блэклоу.

В течение следующих нескольких дней Констанция убеждала Аврору спать по утрам столько, сколько ей захочется. Она говорила, что девочке нужен отдых и что ей незачем вставать рано. Аврора была ей благодарна, потому что все еще чувствовала усталость.

В дневное время Аврора помогала Констанции, а вечерами они уходили в гостиную, где Аврора читала вслух, а Констанция вышивала. Постепенно преодолевая свою застенчивость, девочка перестала запинаться при чтении незнакомых слов. Поощряемая вдовой, она стала снова просматривать старинные фолианты. Констанция посоветовала ей прочесть «Корабль дураков» Гая Ворвика и «Сборник загадок».

Однажды они собрались прокатиться верхом, но сильный снегопад заставил их на несколько дней отложить прогулку. Наконец выглянуло солнце, и Эдуард привел к главному входу их коней. Он и сам присоединился к ним, и они втроем выехали за пределы Грейвуда, причем мальчик на своей лошади держался на несколько шагов позади. Остановившись на гребне холма, Аврора окинула взглядом открывающийся вид и заметила вдали белую ленту реки с лесистыми берегами.

— Что за река?

— Темза. Мы находимся к востоку от Лондона, в Кенте. Где ты жила?

— К северу от Лондона. В деревушке, которую никто не знает, настолько она маленькая. — Почему-то глаза у нее защипало от слез.

— Мы находимся неподалеку от Гринвича, хотя отсюда его не видно. Грейвуд расположен на месте старой лагерной стоянки римлян. — Констанция помедлила. — Аврора, ты что-нибудь знаешь о римлянах? — Девочка покачала головой. — Ну что ж, мы включим их в твою программу обучения.

— Они были солдатами?

— Да. Они пришли в Англию до Рождества Христова. Они покорили здесь несколько народов-язычников, поклонявшихся каменным идолам и приносившим в жертву людей, но в конце концов римлян и самих покорили.

— Кто? Язычники?

— Те, кто пришёл из земли викингов. — Она улыбнулась, заметив непонимающий взгляд девочки. — Думаю, мне доставит удовольствие обучать тебя истории.

— Где вы научились всему? — заинтригованная обширными знаниями Констанции, спросила Аврора.

— Мой отец был известным ученым и очень хотел, чтобы в его семье и мужчины, и женщины тоже имели образование и могли поддерживать с ним умные разговоры. Поэтому он учил меня всему, чему научился сам.

— Кто еще жил в Англии? — поинтересовалась Аврора.

— Когда ушли римляне, здесь поселились саксы — гордый народ, мирно занимающийся земледелием. Но вскоре из той страны, которую мы сейчас называем Францией, пришли норманны. Установилась новая власть, а с ней пришел и абсолютно новый образ жизни, появились вассалы и феодалы и суровая система вассальной зависимости.

Мои мать и отец приходились друг другу кузенами. Они носили фамилию де Грей и относились к аристократической нормандской семье. Их предки пришли сюда как завоеватели около пяти сотен лет тому назад. Им с первого взгляда понравился Кент. Король

Вильгельм даровал моему предку Роберту ле Грею всю землю, которую глаз барона мог увидеть с вершины этого холма. Со временем ле Греи смешивались с другими семьями, в том числе и с саксами, но Уэсткотты оставались правящей семьей. — Она помедлила. — Они поддерживали Йорков против Ланкастеров, сражались на стороне Ричарда в битве при Босворте^[4] сотню лет назад; мы всегда оставались верными слугами короля и королевы.

— А теперь что с вашей семьей?

— Увы, я последняя из ле Греев и Уэсткоттов. Значительная часть земли принадлежит теперь другой нормандской семье — де Жюльерам. Их предки сражались в свое время бок о бок с моими.

Три всадника продолжали свой путь в молчании, а Аврора тем временем размышляла о том, что рассказала и утаила Констанция. Она чувствовала какую-то странную подоплеку в ее словах, но в чем тут дело, не понимала. Она заметила, как Констанция несколько раз обменивалась с Эдуардом многозначительным взглядом.

Когда стало темнеть, они вернулись в Грейвуд, успев как раз к ужину. Поужинали жареным цыпленком, маринованной рыбой и сушеными яблоками. Потом Констанция развлекала гостью пением баллад под собственный аккомпанемент. Девочка быстро выучила слова и стала подпевать ей. Другие вечера обычно проходили так же, и вскоре Аврора попробовала взяться за вышивание. С каждым вечером рисунок, который она вышивала, становился все ярче под ее умелыми руками.

Шли дни, и Аврора чувствовала перемены в самой себе. Однажды утром она проскользнула в кабинет Джеффри Уэсткотта, чтобы посмотреть в зеркало. Как же она изменилась! От темных кругов под глазами не осталось и следа. Во взгляде не было страха, как у загнанного зверька. Волосы стали блестящими, а кожа — мягкой и просто светилась здоровьем. Она улыбнулась своему отражению, поняв, что должна благодарить за свое превращение Констанцию и Джайлза Блэклоу.

И все же она не понимала, что заставило Блэклоу вытащить ее из тюрьмы. Ей очень нравилась нынешняя жизнь, тем не менее она хотела бы знать, что с ней будет дальше. Она подозревала, что благотворительность к ее освобождению не имела никакого отношения. Что же тогда? Она боялась задумываться о будущем. А что, если ее жизнь снова переменится и ей придется вернуться в Брайдуэлл?

И все-таки Джайлз Блэклоу занимал все ее мысли. Но она не задавала вопросы о нем Констанции, чувствуя, что они ей не понравятся. Кто знает, какие отношения существуют между вдовой и Блэклоу. И хотя Эдуард неосторожно сказал, что Блэклоу здесь частый гость, с тех пор как Аврора в Грейвуде, он приезжал всего один раз, а Констанция упомянула его имя лишь дважды.

Аврора жила в Грейвуде уже две недели. Нынешним утром она поднялась задолго до того, как спустилась вниз Констанция. Сначала она занялась вышиванием, где сказочные птицы мало-помалу начинали обретать форму, потом отправилась в библиотеку, чтобы почитать. Констанция позвала ее завтракать, и когда они сидели за столом, послышался стук в парадную дверь. Аврора почти сразу узнала характерный стук Блэклоу. Именно так он стучал, когда привез ее сюда. Она даже не удивилась, увидев, что он входит в комнату с обычным мрачным выражением лица. Значит, ее безоблачное пребывание в Грейвуде близится к завершению.

— Итак, в организме человека, — объяснял Джон Максвелл, шагавший со сложенными за спиной руками перед большим камином, — имеются четыре основных «сока»: кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь, или меланхолия. Эскулап может установить, чем болен человек, на основе четырех состояний его тела: сухости, влажности, жара и холода, которые соответствуют четырем основным «сокам». Эскулап может также назначить лечение, чтобы восстановить равновесие «соков», например, прописав пиявки в случае, когда полнокровие вызывает покраснение лица. Тем, что наша медицина достигла современных высот развития, мы обязаны античным лекарям, первыми заметившим наличие в организме человека основных «соков». Одним из самых знаменитых среди них считается Гален, живший в Турции более тысячи лет назад.

Максуэлл продолжал говорить, а мысли Авроры витали где-то далеко. Месяц назад за ее обучение взялись всерьез, но из всех предметов, которые, по мнению Блэклоу, ей было необходимо изучить, медицина интересовала ее меньше всего. Она не видела практического применения ей. Гораздо разумнее изучать целебные травы и их свойства с Констанцией. Она пыталась сосредоточиться, но безуспешно, а потому принялась разглядывать своего наставника.

Его узкое лицо с четкой линией подбородка и широким ртом, словно предназначенное для улыбки, крайне редко улыбалось. Взгляд его карих, широко расставленных глаз, смотрел на мир открыто. Невысокого роста, всего на несколько дюймов выше, чем она, худощавый, он казался еще более худым, потому что ему частенько не хватало на хлеб.

Джон носил учительскую мантию из простой коричневой ткани, которая, как заметила Аврора, не раз штопалась и латалась, причем не очень умелыми руками. Черные кожаные башмаки на ногах от долгой носки приобрели серый цвет. Однако серебряные пряжки на них были начищены до блеска. Из того немногочисленного, что он рассказал о себе, она знала, что ему около двадцати лет, учился он в Оксфорде, но для его семьи настали трудные времена, и ему пришлось бросить учебу.

В то время в стране преследовали католиков. Джон был старшим сыном в дворянской семье, принадлежащей к римско-католической церкви. Земли Максвеллов, дарованные его семье Вильгельмом Завоевателем, захватила корона, доходы от арендаторов перестали поступать, и семья осталась практически без гроша. Джону пришлось оставить учебу в университете, и с тех пор он зарабатывал на жизнь, еле сводя концы с концами, давая уроки тем, кто не отличался щепетильностью в вопросах религии.

Выслушав его историю, Аврора опечалилась. Она не могла понять, зачем короне забирать земли у дворян, которые лояльно к ней относились. Она по наивности спросила его об этом, но он отослал ее за ответом к Блэклоу, и она стала ждать подходящего случая, чтобы задать этот вопрос Блэклоу.

Девушка занималась с несколькими учителями, относящимися либо к дворянам, либо к людям благородного происхождения. Гордые и достойные они, подобно Джону, переживали тяжелые времена. И одежда их была такой же поношенной, как у Джона. Не будь Блэклоу, они не смогли бы заработать. Упомянув однажды в разговоре со своим благодетелем о его помощи им, Аврора не заметила, как он перевел разговор на другую тему, будто не хотел, чтобы его хвалили за доброту. Почему ему хотелось казаться более черствым, чем он был?

— Аврора, вы меня не слушаете, — упрекнул ее Джон. Заметив, что он за ней наблюдает, она покраснела и опустила голову.

— Извините... Я задумалась.

— И подозреваю, что не о Галене.

— Нет. — Она смутилась еще сильнее.

— Думаю, что на сегодня хватит, Аврора.

— Хорошо, Джон.

Когда Джон пришел впервые, он попросил, чтобы его называли по имени, потому что, как он объяснил, если его называют мастер Максвелл, он начинает чувствовать себя старым толстым бургером. Она хихикнула. Ей даже нравилось называть его по имени, тем более что они оказались почти ровесниками.

— Что-нибудь случилось, Аврора? Обычно вы более внимательны на уроках.

Она улыбнулась и покачала головой:

— Нет. Просто сегодня я почему-то не могу сосредоточиться.

— Во всем виновато время года. Середина зимы, скоро Рождество. Предстоят праздничные увеселения, до которых так охочи молодые девицы вроде вас.

— Вы думаете, что Констанция планирует что-нибудь устроить?

— Наверняка. Хотя, возможно, теперь ей будет трудно... — Он не договорил.

— Почему трудно? — попыталась узнать Аврора.

— Не думайте о постороннем, дитя. — Он покачал головой, всем своим видом показывая, что вопрос закрыт.

За окном потемнело, небо заволочло низкими темными тучами.

— Ну что ж, уже поздно. И кажется, скоро пойдет снег. Мне пора идти.

— Вздор! Вы сегодня поужинаете с нами.

Аврора и Максвелл вздрогнули от неожиданности, увидев в комнате Блэклоу; оба не слышали, как он вошел. Он стоял весь в черном, принес с собой холодную неуютность улицы.

— Похоже, на сегодня вы закончили занятия? — спросил он, чуть насмешливо приподняв бровь.

Она кивнула.

— Сегодня моя голова занята другими мыслями, — улыбнулась Аврора.

— Вы прилежно занимались последние несколько недель, так что вполне заслужили, чтобы сегодня закончить пораньше.

Его слова следовало воспринимать как похвалу. На большее нечего было рассчитывать.

— Ну так как насчет ужина, Джон?

— Не могу, Джайлз. Меня ждут другие ученики. — Он помедлил, но, поняв, что Блэклоу не поверил его неуклюжим отговоркам, согласился: — Ладно. Я остаюсь.

— Вот и молодец. — Блэклоу взглянул на Аврору: — Предупреди Констанцию, что у нас сегодня ужинает гость.

— Хорошо, милорд, — послушно проговорила она. Девушка заметила, что Блэклоу удивило ее послушание, и, очень довольная, тихо вышла из комнаты.

— Вы ей обо всем рассказали, милорд?

— Нет. Сказал лишь, что хочу сделать из нее благородную леди.

— И она ни о чем не расспрашивала?

— Пыталась.

Блэклоу осторожно положил в огонь полено и стал наблюдать, как его принялись лизать красные и оранжевые язычки пламени. Потом, вздохнув, он уселся в кресло, вытянул длинные ноги и уставился в огонь.

— Как у нее успехи? — спросил он.

Джон поднялся и зашагал по комнате, заложив руки за спину. Глядя на его типично учительскую манеру ходить, Блэклоу чуть заметно улыбнулся.

— Думаю, что весьма неплохо, Джайлз. Хотя мы занимались с ней всего несколько дней, она показала себя прилежной ученицей. Она сообразительна, схватывает все на лету. Правда, сегодня на уроке думала о чем-то другом. Но я полагаю, такое поведение вполне естественно. Вы дали ей слишком большую нагрузку.

— Ты, кажется, не одобряешь моих действий.

— То, что вы делаете, меня не касается... Просто я беспокоюсь о ней.

— Уж не думаешь ли ты, что я затеял все с какой-нибудь дурной целью? Отвечай! — Максвелл молчал. — Можешь не отвечать. И без того вижу, что именно так ты и думаешь. Ну так знай, что ты ошибаешься.

— А что еще мне остается думать, Джайлз?

— Иногда мне кажется, Джон, что хоть ты и католик, но имеешь склад ума пуританина.

— Я такой же католик, как вы.

— Об этом я никогда не забываю, — произнес Блэклоу.

Их разговор прервала Констанция, которая вошла в комнату в сопровождении Авроры.

— На ужин у нас сегодня просто жаркое. Не возражаете?

— Звучит заманчиво, — заметил Джон. — Хотел бы я каким-то образом внести свою лепту...

— Достаточно будет вашего присутствия, — улыбнулась Констанция. — Идем, Аврора. — И они отправились на кухню.

Аврора хотела остаться с Блэклоу, но Констанции нужна ее помощь. Бетти полила жаркое подливкой и готовила гарнир.

— Разве Джон очень беден? — спросила Аврора. Она отыскала салфетки и аккуратно, чтобы не запачкать, держала их в руке.

— Да. Думаю, ему даже нечего принести с собой к ужину. Однажды он принес каравай хлеба, но, мне кажется, так один из его учеников расплатился за уроки.

— Я и не подозревала... Я знаю, что он из хорошей семьи, которая некогда была богатой.

— Как и все они, — вздохнула Констанция и жестом приказала Бетти сбегать в кладовую за сыром.

— Он, как и лорд Блэклоу, происходит из хорошей семьи?

— Не называй его лордом, дитя, — попросила вдова.

— Но он принадлежит к титулованному дворянству, не так ли?

Констанция вздохнула и поправила выбившуюся прядку волос.

— Да, так оно и есть.

Аврора обрадовалась тому, что ее догадка верна, хотя она еще более запутывала ситуацию.

— А потом настали тяжелые времена, как и для каждого из моих учителей. — Она взглянула на Констанцию, ища подтверждения, и та едва заметно кивнула.

— Я так и думала, — вздохнула Аврора.

— Ты слишком много думаешь не о том, о чем нужно, Аврора. И задаешь слишком много вопросов. Излишнее любопытство до добра не доводит. А теперь подай-ка овощи, я разложу их на блюде.

Аврора подчинилась, и вскоре они вчетвером сидели за столом. На ужин подали жаркое из говядины, заяц под пикантным соусом из трав и кореньев, маринованную свеклу, пареную репу и хлеб. Десерт состоял из яблочных пирожных, которые Аврора с Констанцией испекли еще утром.

Блэклоу привез с собой эль, выпив которого Аврора расхрабрилась и принялась задавать вопросы.

— Милорд, почему вы взяли меня из Брайдуэлла?

Разговор за столом прекратился, и все уставились на него, ожидая ответа.

— Просто осуществил сиюминутную прихоть.

— Позвольте не согласиться с вами, сэр. Вы так серьезно занялись моим обучением, что прихотью такое не назовешь. Не считайте меня глупышкой, которая верит всему, что ей говорят.

— Я не считаю.

— В таком случае — почему?..

— Не будем говорить о серьезных вещах сегодня. — Губы его дрогнули в улыбке, но глаза не улыбались.

Аврора не так глупа, чтобы продолжать расспросы, но про себя она решила, что рано или поздно получит ответ на свой вопрос.

Теперь жизнь Авроры подчинялась весьма строгому расписанию. Проснувшись утром, она едва успевала позавтракать, как появлялся готовый приступить к занятиям Джон Максвелл или какой-нибудь другой учитель.

Сама Констанция начала обучать Аврору аристократическим манерам. Ее уроки были интереснее остальных занятий, а Констанция оказалась наставником терпеливым и упорным. Аврора с особым нетерпением ждала ее уроков. Прежде всего Констанция уделяла внимание правилам поведения за столом на тот случай, если ей придется обедать с королевой или другим высокопоставленным лицом. Констанция поведала, что нередко представители дворянства ведут себя за столом не лучше животных и что девочка, зная правила поведения, будет выделяться среди них своей изысканностью. Аврора теперь научилась элегантно раскланиваться и музицировать, что, по мнению Констанции, просто необходимо для леди так же, как флиртовать. Авроре сказали, что при дворе ценится еще умение играть в карты, особенно в брелан, примеро, ноли и другие азартные игры.

— Некоторые мужчины не слишком одобряют, когда дамы играют в карты, — пояснила Констанция, — но всегда лучше уметь, чем не уметь.

Иногда по вечерам они вчетвером играли в какие-нибудь игры. Ей особенно нравилась игра в вопросы и ответы, в которую лучше всех играл Блэклоу. Но когда Констанция предложила сыграть в «сними перчатки», Блэклоу в притворном возмущении всплеснул руками и вышел из комнаты. Аврора взглянула на Констанцию, не поняв, в чем дело. Ей все игры очень нравились.

— Игра заключается в том, что кто скорее снимет перчатки при произнесении определенных слов, тот и выигрывает, а Джайлз не считает ее серьезной. — У Констанции лукаво поблескивали глаза, она явно забавлялась. — Но ведь он не придворная дама и не знает, что при дворе от леди меньше всего ожидают серьезности.

Блэклоу учил Аврору играть в шахматы. Она проигрывала все игры подряд и приходила в отчаяние, считая, что никогда не сможет овладеть этим искусством. Но Блэклоу похвалил ее, сказав, что для начинающей она играет совсем неплохо, хотя его слова ее не утешили.

Но вскоре от неудач за шахматной доской ее внимание отвлекли уроки танцев.

— Танцы являются хорошим физическим упражнением для молодой леди. Они совершенствуют ее грацию, что весьма ценится при дворе, — уведомила ее Констанция. — Считается также, умея танцевать, появляется хорошая возможность заполучить мужа.

— У меня будет муж? — удивилась Аврора.

— Думаю, что будет, — ответила Констанция, — хотя Джайлз пока ни на ком не остановил свой выбор. Разве ты не хочешь выйти замуж?

Аврора призадумалась. Она не знала, что сказать. Она, конечно, вышла бы замуж, но только в том случае, если бы полюбила. Возможно, ей о любви даже мечтать глупо. Брак по расчету более практичен, пусть даже менее романтичен.

— Я не знаю, — откровенно призналась она. — По правде говоря, я не думала.

— Ладно. Всему свое время. А пока у тебя есть дела поважнее, — заключила Констанция.

Аврора кивнула, но разговор с Констанцией оставил в ее душе какую-то тревогу.

Шли дни, и она училась всему, что подобает знать и уметь молодой благовоспитанной

девице.

Не прошло и полгода, как Аврора отлично читала, писала и говорила по-французски — на языке, который ей очень нравился за возможность выразить на нем тончайшие нюансы мыслей. До приезда в Лондон она знала лишь основы арифметики, чтения и письма. Теперь ее горизонты расширились, она увидела многогранный и красочный мир, о существовании которого раньше даже не подозревала.

С момента ее приезда в Грейвуд прошло восемь месяцев. Аврора начала задумываться о том, что с ней будет, когда закончится обучение. Блэклоу тем временем стал обучать ее соколиной охоте и верховой езде.

Однажды ясным августовским днем он привел для нее лошадь — гнедого жеребца с золотистой гривой и хвостом, которого, по словам Эдуарда, выбрал для нее лично. Жеребец танцевал в узде, чуть не поднимаясь на дыбы. Аврора посматривала на него с опаской.

Блэклоу помог ей подняться в седло, легко сел на своего коня, и они отправились в путь. Как часто случалось за последние месяцы, остро ощущая присутствие Блэклоу, Аврора начинала нервничать и замолкала, боясь сморозить какую-нибудь глупость и выставить себя на посмешище. Отъехав от Грейвуда на довольно большое расстояние, Блэклоу вдруг повернулся к ней и довольно сухо похвалил:

— Ты хорошо справляешься с конем.

— Спасибо, — пробормотала она. — У меня тренер превосходный.

Его лицо на мгновение осветилось улыбкой.

— Ты права, но у тебя есть особый подход к лошадям и другим животным. Я заметил твоё обращение с котенком, который никому не желал подчиняться, кроме тебя. А когда ты держала моего сокола, я еще никогда не видел его таким спокойным, как в тот момент, когда ты гладила его перья.

Щеки ее зарделись от похвалы, которой он редко ее баловал.

— Я очень люблю животных.

— Оно и видно. — Он снова оглянулся, но ничего не сказал. Интересно, о чем он подумал, но она не осмелилась спросить.

Тропа стала уже, и они были вынуждены ехать в затылок друг другу. Блэклоу ехал впереди. Она разглядывала его прямую спину, гордую посадку головы и ощущала щемящую боль где-то внутри. Ей хотелось избавиться от нее.

Как будто прочитав ее мысли, Блэклоу оглянулся.

— С тобой все в порядке, Аврора? — спросил он.

— Спасибо, все в порядке.

Вдали слышались приглушенные голоса птиц, из пруда слева доносилось кваканье лягушек. Безоблачное небо, свежий теплый воздух, рядом Джайлз Блэклоу, с которым она ехала наедине — все остальное не имело значения.

Аврора постаралась сосредоточиться на удовольствии от прогулки верхом. Они ехали уже несколько часов, а когда стало темнеть, он предложил вернуться. Уже въезжая в конюшню, она подумала, часто ли доведется им бывать наедине? Она почему-то решила, что едва ли.

«Неужели прошел целый год?» — спрашивала себя Аврора, глядя, как за окном медленно падают на землю крупные снежинки. Люси, уже ставшая к тому времени взрослой кошкой с лоснящейся шерстью, лежала рядом с ней, и Аврора время от времени почесывала ей бочка.

Утром, когда она проснулась, небо, затянутое низкими тучами, предвещало снегопад, который не радовал ее, по крайней мере сегодня, напоминая тот день, когда ее забрали из Брайдуэлла. Иногда она думала, что прошло гораздо больше года, а иногда пребывание в Грейвуде ей казалось совсем коротким.

В ознаменование годовщины своего освобождения она намеревалась приготовить праздничный ужин, чтобы отблагодарить лорда Блэклоу. Ужин на двоих, призванный продемонстрировать мастерство, которое она приобрела под руководством Констанции за последний год. Такая мысль пришла ей в голову неделю назад, когда Констанция сказала, что Блэклоу приедет в Грейвуд, а сама Констанция должна поехать в гости к своим друзьям. Ее отсутствие означало, что Аврора и Блэклоу останутся в Грейвуде одни, если не считать слуг. Она крайне редко находилась наедине с Блэклоу. Обычно с ними всегда была Констанция или один из ее наставников, но обучение закончилось, и в них уже не нуждались. К ним заходил иногда Джон, которого она, к своему огорчению, видела гораздо чаще, чем Блэклоу. И вот Джайлз Блэклоу снова приедет в Грейвуд после месячного отсутствия «по делам», как объяснила Констанция.

«По каким делам?» — думала Аврора, рисуя пальцем узоры на замерзшем стекле. Никто никогда не говорил ей, чем занимается Блэклоу и почему ему приходится надолго уезжать. Она, конечно, раза два задавала ему вопросы, но Блэклоу уходил от ответа на них. И только глядел на нее со своей возмутительно-загадочной улыбкой, окутывая себя тайной. Аврора, не получая ответа ни на один свой вопрос, была заинтригована им окончательно.

Она разгладила рукой морщинку, образовавшуюся на юбке, и улыбнулась, прикоснувшись к мягкой розовой ткани одного из своих многочисленных новых платьев, которые появились у нее за последний год. Обноски, полученные от Констанции, остались в прошлом. Ее гардероб пополнился новой одеждой, большую часть которой она сшила собственными руками. Нижняя юбка, украшенная тонкой вышивкой, которой обучила ее Констанция, стала верхом ее гордости. Ее пальцы непроизвольно потянулись к мочкам ушей, где красовались длинные серьги с розовыми — под цвет платья — камнями. Она очень изменилась за последний год — стала совсем другой, более взрослой.

Надо идти на кухню, подумала она и, побеспокоив Люси, которая зевнула, показав розовую пасть, и лениво открыла один глаз.

— Извини, у меня много дел. Если хочешь, можешь пойти со мной на кухню, — улыбнулась Аврора и почесала кошку за ушком, направляясь в сторону кухни.

Люси прошествовала следом за ней. Хотя Блэклоу ожидали не раньше вечера, а сейчас только начало дня, ей еще многое нужно сделать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он почти всегда приезжал сюда под покровом ночи. Не странно ли? Она пожала плечами и принялась нарезать хлеб. Не следует ей проявлять любопытство. Его дела ее не касаются. Однако почему-то ей казалось, что она имеет право знать о нем больше. Разве он

не забрал ее из тюрьмы и не сделал благородной леди? Разве не переплелись каким-то образом их жизни? Значит, ей надо узнать, что у него за дела, даже если он занимается чем-то противозаконным. Она не сомневалась, что так оно и есть, ведь только противозаконные дела могут сделать человека таким таинственным и скрытным. Сегодня она твердо решила узнать все. И будь что будет.

— Я уж подумала, что вы сегодня не приедете, — робко произнесла она, когда Блэклоу появился в главном холле, стряхивая мокрый снег с плеч и волос.

Он отдал шляпу, перчатки и плащ Дикону, который, поклонившись, удалился. Сегодня он снова одет во все черное. Черный цвет ему очень к лицу, подумала Аврора, потому что соответствует его мрачному настроению.

Чтобы унять дрожь в руках, она крепко сжала их, держа перед собой, чтобы он ничего не заметил. Они одни во всем доме, если не считать присутствия где-то в доме Дикона, Бетти, Сэмюела и Питера да Эдуарда в конюшне!

Он приподнял бровь.

— Вот как? Позволь узнать, почему? Разве Констанция не получила мое письмо? Я написал ей, что приеду сегодня.

— Да, она его получила... но я подумала... снег, — принялась объяснять она, совсем смутившись. — Я подумала, что из-за снега вы можете задержаться... по делам.

В его глазах появились насмешливые огоньки.

— В самом деле? Ты и впрямь так подумала?

— Да. Констанция говорила, что вы не приезжаете, потому что заняты делами, и я подумала, что, возможно, дела опять не позволят вам приехать.

— Мои дела, как ты их называешь, идут вполне удовлетворительно.

— Я рада слышать.

Следом за ней он прошел в гостиную, остановился перед камином и с благодарностью принял из ее рук большой бокал кларета.

— Я сегодня совсем ооченел, пока добирался сюда из Лондона.

Она кивнула, не зная, что сказать. Значит, он был в Лондоне. По делам. И все же такая информация ни о чем ей не говорила.

Блэклоу сел в кресло возле камина и долго молчал, глядя в огонь и о чем-то думая. Аврора сидела напротив на стуле. Кошка пристроилась на коврик у ее ног, и Аврора время от времени наклонялась, чтобы погладить ее по лоснящейся шерстке.

Интересно, о чем он думает? О своих делах? О Констанции? О ней? В последнем она сильно сомневалась. Если он когда-нибудь и думал о ней, то исключительно, как о пешке в какой-то непонятной ей партии в шахматы.

«А если так, то зачем тебе нужно было готовить для него какой-то особый ужин?» — спрашивал ее внутренний голос.

Блэклоу поднял голову.

— Где Констанция? Я еще не видел ее сегодня.

— Она уехала. В гости, — добавила Аврора.

— Понятно.

Аврора сделала глубокий вдох, словно собираясь броситься с головой в омут. Сейчас или никогда.

— Милорд, вы помните, какой сегодня день?

— Среда, а что?

— А еще?

— Середина ноября.

— Еще.

— Четырнадцатое. — Он замолчал и вдруг широко улыбнулся. — Вспомнил! Год тому назад ты приехала сюда.

Аврору удивило, что он вспомнил, ведь такое событие важно только для нее, а не для него. Ей и в голову не пришло, что Блэклоу ее поддразнивает.

— Да, — торжественным тоном провозгласила она, — сегодня исполнился год с того дня, как вы освободили меня из ужасного места, и я в знак благодарности решила приготовить для вас особый ужин.

— Понятно. Значит, Констанции сегодня с нами не будет.

— Ей захотелось навестить своих друзей до того, как начнутся зимние вьюги. — Аврора потупила взгляд. В конце концов то, что она говорила, отчасти правда.

— Похоже, она уже попала в зимнюю вьюгу, — усмехнулся он уголком губ. — Но к утру погода наладится, и она без проблем возвратится домой. — Он помедлил. — Но не следует забывать об ужине. Что у нас сегодня? Предупреждаю, что я умираю с голоду.

Вошел Дикон и сообщил, что ужин готов. Они перешли в малую столовую, где Дикон подал им жареную молодую утку с яблоками и корицей, разварную рыбу, рагу из кролика и рисовый пудинг.

Аврора и Блэклоу ели в молчании. Аврора нервничала, опасаясь, что Блэклоу не понравится ужин. Время от времени она украдкой бросала на него взгляд поверх края бокала, но он, судя по всему, ел с аппетитом.

Закончив, Блэклоу тщательно вытер пальцы салфеткой и улыбнулся.

— Отличный ужин, Аврора. Ты станешь хорошей женой какому-нибудь мужчине.

— Все, для чего я предназначена? — небрежно спросила она, хотя почувствовала неожиданно, как защемило сердце. Чтобы сохранить хладнокровие, она крепко стиснула под столом руки, лежащие на коленях.

— Пока о твоём предназначении нет речи, и оно тебя не касается.

— А когда будет касаться? Я прожила здесь уже целый год, милорд.

— Не называй меня так.

— Как еще мне вас называть? Вы отрицаете свою принадлежность к титулованной знати, но, несомненно, являетесь человеком знатного рода. Вы дворянин, что бы вы там ни говорили.

Ничего не ответив, Блэклоу встал из-за стола и вышел из комнаты. Возмущенная, Аврора швырнула на стол салфетку и последовала за ним.

Она нашла его в гостиной у камина. Он налил себе кружку эля, а другую оставил для нее на каминной полке.

Даже не взглянув на эль, она придвинула банкетку ближе к огню и, взяв иглу и пяльцы с натянутой на них тканью, продолжила вышивать сложный орнамент из цветов и листьев. Пламя отражалось в игле, которая поблескивала у нее в руках, равномерно двигаясь вверх и вниз по ткани. Довольно долго в комнате слышалось лишь потрескивание поленьев в камине и шуршание ниток, протергиваемых сквозь ткань.

Подняв глаза, Аврора увидела, что он пристально смотрит на нее, но как только их взгляды встретились, он быстро отвел взгляд. Она еще острее ощутила его близость. Ей казалось, что она слышит его дыхание, причем учащенное, словно он долго бежал. Она искоса взглянула на него из-под ресниц еще разок, и ей показалось, что лицо у него покраснелось. Наверное, из-за огня, подумала она, он сидит слишком близко к камину, а

может, от эля.

Молчание затянулось. Один раз он как будто хотел заговорить, но передумал. Наконец, она не выдержала.

— Итак, сэр, что будет на сей раз? — спросила она, закончив вышивать сложный участок алого цветка, и взглянула на него, оторвав глаза от работы.

— Что? — переспросил он, вздрогнув от неожиданности.

— Я лишь хотела узнать тему разговора на сегодняшний вечер. Тему вашего высокого происхождения мы не можем обсуждать, поскольку вы его не признаете, о ваших «делах» вы тоже отказываетесь говорить...

— Мои «дела», как ты называешь, тебя не касаются, — грубовато обрезал он.

Она приподняла бровь.

— Так ли, милорд? Вы можете поклясться, что они не имеют никакого отношения к странной истории в прошлом году, когда вы освободили из тюрьмы одну сиротку и пообещали сделать из нее леди? Могу добавить, что вы с лихвой выполнили свое обещание. Я научилась читать, писать, считать, вышивать, говорить по-французски и флиртовать. А теперь, когда вы «превратили» меня в благородную леди, должна ли я оставаться в этом доме и пользоваться полученными знаниями лишь время от времени? Или вы преследуете какие-то другие, не известные мне цели?

— Что ты без конца твердишь одно и то же?

Аврора вскочила с банкетки так быстро, что пальцы упали на пол. Но она не обратила на них внимания. Уперев руки в бока, она с возмущением уставилась на него. Испуганная Люси вскочила с места и, выгнув спину и прижав к голове уши, зашипела на Блэклоу.

Потрясенный переменой, происшедшей в обычно тихой и спокойной девочке, Блэклоу вытаращил на нее глаза, как будто впервые увидел.

— Я твержу, по вашему выражению, одно и то же, сэр, потому что не знаю, что со мной будет. Мысль о дальнейшей жизни преследует меня, я не могу думать ни о чем другом. Что со мной будет? Вам надоест играть в глупую игру превращения меня в леди? Может быть, вы с кем-нибудь поспорили, что сможете превратить деревенскую сиротку в благородную леди? Может быть, вы намерены — как только игра наскучит — выдать меня замуж за первого попавшегося мужчину, независимо от моих желаний? Скажите мне, сэр, что вы намерены со мной сделать?

— Я не могу сказать.

— Не можете? Или не хотите? Милорд, нет смысла продолжать с вами односторонний разговор, поэтому я ухожу. Уже поздно, а у меня завтра много дел. Желаю вам доброй ночи. — Комок стоял у нее в горле, и она старалась не заплакать.

Когда девушка подошла к двери и хотела уйти, он окликнул ее:

— Аврора?

Она остановилась, уже взявшись за ручку двери, но при его возгласе повернулась.

— Да, милорд.

— Извини меня.

— Извинить? — Она смутилась. К ее удивлению, он просил прощения.

— Я с большим удовольствием поужинал сегодня и совсем не хотел тебя сердить.

— Вот как? Признаюсь, я удивлена. За последний год вы ни разу не поинтересовались тем, что я чувствую, так стоит ли беспокоиться о моих чувствах сейчас? Вы и впрямь не хотели рассердить меня? Трудно поверить. А теперь мне действительно пора идти. Всего

вам доброго.

Аврора выскочила из комнаты, чуть не налетев на выходявшего из кухни Дикона. Как в тумане, она поднялась по лестнице, не замечая бежавшей за ней Люси. Она и сама не знала, как не заблудилась в сгустившихся сумерках и добралась до своей комнаты, зажгла свечу, бросилась лицом вниз на кровать и вздохнула. Люси тоже вскочила на кровать и, устроившись рядом с Авророй, принялась лизать ей руку. Она с отсутствующим видом погладила кошку. Похоже, у нее поднялась температура. От гнева, от возмущения, от...

И все из-за него. Нет, не надо о нем думать. Он испортил ей весь вечер. Она всего лишь хотела насладиться ужином наедине с ним, а потом, возможно, поговорить о чем-нибудь. Может быть, даже пофлиртовать с ним немного... самую малость. И уж конечно, она не намеревалась задавать ему вопросы относительно своего будущего, тем более злиться.

Вздыхнув, она медленно поднялась с кровати. Пусть даже она зла на Блэклоу, но нельзя же жалеть себя, и к тому же допустить, чтобы помялось платье. Она на ощупь разделась и повесила платье. Потом налила из кувшина воды и вымыла лицо и руки. Ей сразу стало лучше.

Освежившись, она забралась в постель и уставилась в темный потолок. Кошка свернулась калачиком на сгибе ее руки. Вечер явно не удался.

— Ах, Люси, ну почему с ним так трудно?

Но кошка, даже если знала ответ, то промолчала, потому что уже спала. Ладно, подумала Аврора, будем надеяться, что новый день станет более удачным.

А внизу, в гостиной, Джайлз Блэклоу продолжал неторопливо потягивать эль. Осушив свою кружку, он принялся за кружку Авроры, которую она оставила нетронутой на каминной полке, и налил себе еще, а когда опустел кувшин, нашел бутылку вина. Он не спешил, не желая пьянеть, потому что ему, как всегда, требовалась ясность мысли.

На глаза ему попались валявшиеся на полу пяльцы. Мгновение помедлив, он наклонился и водворил их на место, придирчиво рассмотрев аккуратно положенные ровные стежки. Проведя по вышивке кончиками пальцев, он убедился в отсутствии узлов и неровностей. Констанция, как и прочие учителя, хорошо обучила девочку. Возможно, теперь у него возникнет проблема в связи с тем, что Аврору слишком хорошо обучили, а она оказалась слишком хорошей ученицей.

За один-единственный год девочка превратилась из испуганной бродяжки в лохмотьях в красивую молодую девушку, приобретя за короткий период дерзость и гордость высокородной леди. Вспомнив последнюю сцену, Блэклоу решил, что она была великолепна.

Он и не подозревал в ней такой прямолинейности и энергии. Но сегодня глаза Авроры пылали гневом, щеки покраснелись, жизненная сила была в ней ключом. Раньше — кроме одного случая — она казалась пассивной, послушной: слова лишнего не проронит, глаза на него не решится поднять...

Но сегодня она так взглянула на него, что он как будто почувствовал удар молнии, после которого его мнение о ней в корне изменилось.

Похоже, она не будет податливым воском в его руках, из которого можно вылепить все, что пожелаешь. Чтобы влиять на нее, он рассчитывал воспользоваться ее благодарностью к нему, однако теперь стало ясно, что он слишком многого хотел. Аврора не относилась к застенчивым девицам с потупленным взором. Она была красивым, полным жизни созданием и даже в приступе гнева, как сегодня, — самой желанной женщиной из всех, кто встречался в его жизни. Для него возникшее чувство тоже могло стать проблемой.

Возможно, влечение к ней он почувствовал давно, но до поры до времени оно не заявляло о себе. Скорее всего, именно поэтому он выбрал ее из толпы ребятишек в тюрьме. Но сегодня влечение проявило себя в полной мере и грозило усложнить его работу. Девочка жила своим умом, и стало ясно, что она будет высказывать собственное мнение, не считаясь ни с какими последствиями. Блэклоу ее самостоятельность нравилась. Ему всегда импонировали сильные женщины. Однако сильный характер и независимость не те качества, которые требовались для благородной леди. Или он ошибается?

Ему придется набраться терпения и ждать. Время покажет. Но он подозревал, что надеяться на тихую и спокойную жизнь ему не придется.

Когда на следующий день в Грейвуд вернулась Констанция, Аврора не рассказала ей о происшедшем накануне вечером. Она сказала лишь, что Блэклоу приезжал ужинать и был разочарован, узнав, что Констанции нет дома. Если даже Констанция заподозрила, что произошло нечто необычное, то ничего не сказала. Она лишь спросила, сказал ли Блэклоу, когда вернется. Аврора смогла правдиво ответить, что она не знает.

Целый день Аврора возвращалась мыслями к визиту Блэклоу. Разве она вела себя неразумно? Ведь она имеет полное право знать, каковы намерения Блэклоу, не так ли?

В тот день после ужина, когда обе женщины сидели в гостиной за рукоделием, Аврора вдруг обратилась к Констанции:

— Мне нужно спросить у вас кое о чем, Констанция.

— Спрашивай, — разрешила Констанция, не отрывая глаз от вышивания.

— Почему вы и лорд Блэклоу сделали для меня то, что сделали?

Констанция взглянула на девочку.

— Не могла бы ты принять все, как есть, и не задавать лишних вопросов?

— Нет, потому что я чувствую, что за вашими поступками кроется нечто большее... какая-то тайна, которую почему-то от меня скрывают. А я, как мне кажется, имею право знать. Иногда по ночам я лежу без сна, и в голове у меня бродят тревожные мысли. Может, вы выгоните меня на улицу, когда я вам обоим надоем? Или выдадите меня замуж за какого-нибудь лысеющего дворянина, который заставит меня рожать ему в год по ребенку? Что вы намерены сделать? — Она умоляюще взглянула на Констанцию.

— Мне очень хотелось бы рассказать тебе все.

— Так почему вы не расскажете?

— Из-за Джайлза.

— Всегда и все делается ради него, — с горечью заметила Аврора. — Разве вы марионетка в его руках? Неужели вы не можете ничего сделать без его разрешения?

— Аврора!

В Авроре сразу же заговорила совесть.

— Извините, Констанция, — принялась она просить прощения. — Я искренне раскаиваюсь, что сорвалась. Но вы должны понять, что я чувствую.

— А ты должна войти в мое положение. Сейчас я не могу ничего тебе сказать, но как только смогу, ты узнаешь все. А пока ты должна верить мне, Аврора.

Аврора кивнула, но перспектива ее не радовала.

Несколько дней спустя вечером Аврора решила, что настало время посмотреть фактам в лицо. Ей нравился Джайлз Блэклоу. Гораздо больше, чем хотелось бы. Вызвано ли ее чувство благодарностью к нему? Возможно, ее привлекли его необычные светлые глаза? Или его мужская красота? Или удивительная смесь язвительности и загадочной печали? Или и то, и другое, и третье вместе? Положение казалось неутешительным.

Блэклоу был примерно на восемнадцать лет старше ее — он почти годился ей в отцы. Однако Аврора не могла думать о нем, как об отце.

Иногда Блэклоу относился к ней как к служанке. А иногда он выражал удовлетворение ее поведением, словно она его дочь. Один или два раза она заметила в его глазах странный взгляд, устремленный на нее, когда Блэклоу считал, что она не смотрит в его сторону. Отец

на дочь так не глядит.

Аврора смутилась, но ей не с кем было поделиться своими сомнениями. Констанция в любом случае защищала бы Блэклоу и его загадочные действия.

Были ли Констанция и Блэклоу любовниками? Трудно сказать. Блэклоу никогда не оставался в Грейвуде надолго, и Аврора редко видела их вместе. И все же они могли быть любовниками, поэтому Аврора опять осталась в одиночестве.

— Одна, — вслух произнесла Аврора, и глаза защипало от навернувшихся слез. Люси мяукнула и посмотрела на нее. Аврора улыбнулась.

— Одна, если не считать тебя, Люси, — прижала она к себе кошку.

Констанция сидела в одиночестве перед камином. Аврора ушла спать, и она отложила рукоделие, чтобы подумать. Зачем Джайлзу нужна девочка? Вопрос тревожил ее, и она задавала его себе не первый раз.

Когда несколько дней назад Аврора пришла к ней и задала тот же самый вопрос, Констанция просто сослалась на отсутствующего Джайлза. Она ничего не скрывала. Она и сама ничего не знала. За все время, пока она и остальные учителя работали с девочкой, Блэклоу так ничего им и не сказал. Констанция не раз пыталась заставить его разговориться, но он пропускал ее слова мимо ушей. Поэтому Констанция ничего не знала, как и Аврора. Но больше так продолжаться не может. Она должна знать, какие у Блэклоу планы в отношении Авроры.

Девочка очень повзрослела за последний год, превратившись в молодую красивую женщину.

Сначала Констанция подозревала, что Блэклоу шлифует девочку, чтобы сделать из нее свою любовницу. Но он по несколько месяцев не приезжал в Грейвуд, и Констанция поняла, что ошиблась. Потом она предположила, что он, возможно, хочет удочерить девочку, но в таком поступке она не видела никакого смысла. Зачем ему кого-то удочерять, если ребенку нечего оставить в наследство? Возможно, Джайлз вызволил девочку из тюрьмы просто из чувства милосердия. Но и здесь она не находила разумного объяснения. Как он оказался в Брайдуэлле? И почему выбрал Аврору? Какими доводами он руководствовался?

Несколько месяцев назад Джон Максвелл сказал Констанции, что беспокоится за девочку. Констанция усмехнулась, зная, что Джон проявляет интерес к Авроре не только как учитель. Джон хотел знать, каковы планы Джайлза относительно дальнейшей судьбы девочки, и признался Констанции, что однажды вечером прямо задал вопрос об Авроре Блэклоу. Джайлз просто рассмеялся и спросил, уж не подозревает ли он его в дурных намерениях.

Джон, конечно, ничего такого не думал, но Констанция видела, что слова Джайлза его не успокоили. Как и ее. Никто, кроме самого Джайлза, не знал о его планах и о том, когда он намерен приступить к их осуществлению. А до тех пор Констанция ничего не могла предпринять.

Приближалось Рождество, и Аврора с Констанцией готовились к нему. Они устроили в доме генеральную уборку, украсили Грейвуд гирляндами из вечнозеленых растений и приготовили праздничный банкет для всех домочадцев, а также учителей Авроры. Они впервые все вместе собирались под одной крышей, и Аврора с нетерпением ждала праздника.

Блэклоу приезжал и уезжал, но чаще, чем раньше, надолго задерживался где-то «по делам». И Авроре очень его не хватало, хотя ей не хотелось признаваться в подобном даже самой себе.

Он не появляется здесь, потому что она его обидела в тот вечер, печально думала Аврора, распутывая пряжу для гобелена.

Нет, она его не обижала, возразила себе девочка. Аврора просто хотела постоять за себя, ведь ее некому защитить. И она снова делает то же самое, как только представится случай. Девушка кивнула с победоносным видом своим мыслям, глядя на клубки пряжи, и заметила, как Констанция бросила на нее озадаченный взгляд. Она тут же склонилась над вышиванием. Бордюр из цветов и листьев был закончен, но оставалось еще так много работы, что ей показалось, будто она никогда не сможет довести ее до конца. И зачем она для своей первой работы выбрала такой сложный рисунок?

И о Блэклоу ей не следует думать. Аврора неожиданно зевнула и, прикрыв рот рукой, подавила второй зевок. Похоже, на сегодня с нее достаточно: глаза устали, мысли то и дело отвлекаются от работы. Она в трех местах допустила ошибки, придется потом переделывать. Так что, наверное, лучше пойти спать. Девушка взглянула на Констанцию и подождала, пока она оторвет глаза от книги.

— Наверное, мне лучше лечь спать. Я почему-то не могу сосредоточиться.

Констанция улыбнулась.

— Иди, дорогая. Ты много сделала сегодня и заслужила отдых.

Аврора смотала в клубок пряжу, положила ее на пальцы, чтобы Люси не смогла с ней играть, и направилась к двери. Кошка последовала за ней. У двери она оглянулась и, сама того не желая, вдруг вымолвила:

— Если позднее приедет лорд Блэклоу, скажите ему...

— Что сказать?

— Нет, ничего. Доброй ночи, Констанция. — Она улыбнулась и выскользнула за дверь.

Констанция, слегка нахмутив брови, долго сидела, глядя на дверь, за которой скрылась девочка. Интересно, что она хотела сказать? Отметив изящно вышитой закладкой место, на котором остановилась, Констанция закрыла книгу.

В доме слишком много всяких тайн, и Джайлз только способствует их увеличению, потому что сам окружен тайной. Никто никому ничего не говорит, все действуют по собственной инициативе — в результате все запутывается еще больше.

Она улыбнулась, вспомнив котенка — нет, уже не котенка, а взрослую кошечку — и ее почти сверхъестественную преданность девочке. Некоторые люди с подозрительным складом ума могли бы усмотреть в такой привязанности нечто большее. Надо предупредить Аврору, чтобы она никому не рассказывала о том, как кошка повсюду сопровождает ее, как она словно бы понимает все, что говорит хозяйка.

Констанция вздохнула и вернулась к чтению. После того как ушла Аврора, она почти час просидела, глядя в огонь. И сейчас ей пришла в голову новая мысль: а что, если Аврора... и Джайлз... что, если девочка влюбилась в него?

— Нет, — вслух прошептала Констанция. — Нет, невозможно. Но если посмотрите правде в глаза, то налицо все признаки неуловимого и необъяснимого чувства. Нечего даже сомневаться в том, что Аврора влюбилась — или думает, что влюбилась — в Джайлза.

Констанция стала вспоминать о событиях последнего месяца после своего возвращения от друзей. Приехав, она обнаружила, что Блэклоу уже уехал из дома, хотя писал, что проведет с ними неделю. Когда он приезжал навестить их, то был каким-то отстраненным и более мрачным, чем обычно. Констанция считала, что из-за напряженной работы, но теперь она уже не была в этом уверена.

Девочка тоже вела себя странно и еще более тихо, чем обычно. Констанция не раз видела, что глаза у нее затуманивались слезами без видимой причины. Ну что ж, причина, как видно, понятна. Интересно узнать, отвечает ли Джайлз Блэклоу на ее чувство? Или он по-прежнему ничего не знает?

Констанция хотела — нет, она просто обязана — узнать все. Но как спросить у Джайлза, она не могла себе представить.

В тот вечер Блэкклоу у них в доме не появился. Он приехал в Грейвуд только дней пять спустя.

За окном снова шел снег. Крупные мокрые хлопья покрыли всю землю.

— Ты приехал позднее, чем я ожидала, — заметила Констанция, помогая ему снять мокрую верхнюю одежду.

Он молча посмотрел на нее, потом потер замерзшие руки и прошел в другую комнату, чтобы погреться у камина. Констанция подала ему бокал с красным вином, и он сразу же отхлебнул большой глоток.

— Меня задержала погода. Дорога от Лондона отвратительная. Лошадь несколько раз поскользнулась, и я уже подумал, что придется последние несколько миль идти пешком.

— И все?

— Да. Я чувствую, что тебя что-то еще беспокоит, Констанция?

— Джайлз, я заметила, что ты в последнее время редко приезжаешь сюда, а когда приезжаешь, то сокращаешь пребывание до минимума. Умоляю тебя, объясни почему?

— Дела, — коротко ответил он.

— Ну, конечно. Вечно дела. — Она налила себе бокал вина и, сделав глоток, внимательно посмотрела на него поверх краешка бокала. — Я полагаю, что есть и другая причина.

— Вот как? Какая же?

Какая чушь пришла в голову Констанции на сей раз? Она еще никогда не подвергала его подобному допросу, соблюдая одно из условий их соглашения — «никогда не задавать вопросов относительно его приездов и отъездов, независимо от времени суток и обстоятельств». А она вдруг взяла на себя роль Великого инквизитора. Ему не понравилась ее роль.

— Аврора.

У него перехватило дыхание.

— Почему ты заговорила о девочке, дорогая моя?

Он хотел отхлебнуть вина, но бокал был пуст. Он поднялся и наполнил его из бутылки на столе, заметив, что руки у него слегка дрожат. Он повернулся спиной к женщине, чтобы она ничего не заметила. Налив вина, он снова сел в кресло перед огнем. И повторил свой вопрос.

— Потому что у меня есть глаза, Джайлз. Я знаю, что тебя к ней влечет, но ты должен оставить девочку в покое. Она слишком молода для тебя.

— Некоторые женщины значительно моложе, чем она, давно имеют детей.

— Полно, Джайлз.

— Мое единственное желание заключается в том, чтобы обучить Аврору, — проговорил он, понимая, что говорит слишком уж официальным тоном. Констанция скептически улыбнулась.

— Возможно, Джайлз, и за последний год ты добился отличных результатов. Теперь никому и в голову не придет, что она не является леди знатного происхождения. Но как бы я ни хотела верить тебе, я не могу. Боюсь, у тебя есть какие-то тайные планы. Если можешь, то убеди меня в своих благородных намерениях.

Блэклоу только улыбнулся в ответ. Констанция стала снова наполнять себе бокал и так нервничала, что расплескала вино.

— Ты самый несносный человек на свете! — воскликнула она.

— Такое мне не раз говорили, — усмехнулся он. Заставив себя успокоиться, Констанция повернулась к нему. Судя по всему, он ничуть не раскаивался.

— Будь осторожнее с Авророй, Джайлз. Она невинное дитя. Она гораздо наивнее, чем когда-либо были ты и я, или те женщины, с которыми ты обычно водишь компанию. Я не хочу, чтобы ей причинили зло, пусть даже неумышленно.

— Я с тобой совершенно согласен. — Салютуя ей, он поднял бокал.

Но Констанцию его слова не успокоили.

Через неделю в Грейвуд приехали Джон Максвелл и другие учителя. Присутствовал и Джайлз Блэклоу. Мужчины провели несколько совещаний, так сказать, «при закрытых дверях». Ни Аврора, ни Констанция на совещания допущены не были. Констанцию, правда, дважды приглашали в кабинет, и всякий раз она проводила там по нескольку часов.

На четвертый день Аврора; которую одолело любопытство, слонялась возле двери кабинета в надежде хоть что-нибудь подслушать. Вдруг ей послышалось, будто кто-то приближается к двери. Она проворно нырнула в гостиную, села в кресло и сложила на коленях руки, словно давно тут сидела. Выдавали ее разве что покрасневшие щеки да несколько учащенное дыхание.

Дверь распахнулась и на пороге кабинета появился Блэклоу. Следом за ним вышли учителя, причем на лице каждого из них сохранялось самое невинное выражение, что насторожило Аврору еще больше. Они принялись наливать себе кто вина, кто эля.

Кошка, лежавшая у ног Авроры, поднялась, потянулась и снова улеглась, свернувшись клубочком.

К Авроре подошел Джон Максвелл.

— Удивительное животное — кошка. Она постоянно рядом с вами. Ведет себя, как собака. Я никогда не видел столь преданных кошек.

— Думаю, она считает себя собакой, потому что до сих пор никто не сказал ей, что на самом деле она кошка. — Аврора погладила кошку, и та громко замурлыкала.

Аврора искоса взглянула на Джона из-под опущенных ресниц. Констанция говорила ей, что это одна из уловок флирта, и теперь ей хотелось испытать уловку на практике. Она заметила, что Блэклоу, разговаривая с мужчинами, внимательно за ней наблюдает.

— Вы собираетесь надолго задержаться в Грейвуде? — спросила Аврора Джона.

— Увы, я не смогу задержаться, хотя остался бы, если бы имел возможность. Однако у меня работа.

— Дела, — пробормотала она. — Жаль, что вы не сможете побыть здесь подольше.

— Мне тоже жаль.

— Пора, джентльмены. — Блэклоу пригласил всех опять вернуться в кабинет.

Когда все ушли в кабинет, Аврора, немного подождав, на цыпочках подошла к закрытой двери и приложила ухо. Услышав невнятный шум голосов, она заставила себя определить, кому принадлежит каждый голос.

Вот говорит Питер, потом раздался более молодой голос Джона. Потом заговорил Блэклоу.

Она нахмурила лоб, пытаясь понять слова.

Кто-то произнес, кажется, слово «преследования». «Религиозные преследования?» — удивилась она. Она знала, что Блэклоу и Джон Максвелл принадлежат к римско-католической церкви. Наверное, и остальные тоже.

— Скоро все закончится, — произнес голос Блэклоу. Все возбужденно зашумели. А он продолжал говорить о том, что очень скоро произойдет нечто такое, чего даже сама королева не сможет предотвратить.

«О чем он говорит?» — удивилась Аврора, но не успела как следует подумать, потому что ее позвала Констанция. Аврора решила вернуться сюда позднее, чтобы узнать побольше.

Джон Максвелл из окна своей комнаты наблюдал за Авророй. Укутанная в теплый плащ, она гуляла по заснеженному дворику, не подозревая, что за ней наблюдают. Судя по клубочкам пара, вырывающимся из ее рта, она что-то напевала себе под нос. Рукой, заткнутой в перчатку, она смела снег со скамейки и села.

Он заметил у нее в руках сверток и улыбнулся, когда она его развернула и оттуда выглянула пушистая головка Люси. Кошка быстро спряталась назад, но Аврора заставила ее выйти, и животное легко спрыгнуло на заснеженную землю.

Кошка сразу же подняла одну лапу, потрясла ею, снова поставила на снег и подняла другую. Процесс повторялся без конца, заставляя Аврору смеяться. Потом они побегали друг за другом, и наконец Аврора позвала кошку, и та сразу же вскочила к ней на колени.

Джон улыбнулся и попытался не обращать внимания на свое участившееся сердцебиение при виде Авроры.

С противоположной стороны двора, стоя в тени другого крыла дома, Блэклоу тоже наблюдал и видел, как Джон Максвелл смотрит из окна на Аврору, гуляющую внизу.

Аврора и кошка гонялись друг за другом: то Аврора мчалась за кошкой, то кошка скачками бежала за ней следом. Наконец она рассмеялась и, взяв кошку на руки, прижала ее к себе и снова села на скамью, тщательно очистив от снега лапки животного.

Максвелл любовался девочкой. От Блэклоу не укрылось, что молодой учитель влюблен в Аврору. Нужно было пресечь чувство Максвелла. Надо поговорить с Констанцией, попросить у нее совета. Она, разумеется, скажет, что он просто ревнует.

И вполне возможно, будет права.

Пришла весна и расцвели не только желтые нарциссы, тюльпаны и нежные синие крокусы. За долгие зимние месяцы расцвела и приобрела уверенность в себе, превратившись в маленькую женщину, Аврора. Она утратила подростковую угловатость и, глядя в зеркало, понимала, что красива, вернее, почти красива. По-настоящему красивой она находила Констанцию. Даже одобрительные взгляды Джона Максвелла не могли ее разубедить.

И все же Аврора была довольна собой, пусть даже временами новые, только что пробудившиеся чувства, сбивали ее с толку. Особенно они овладевали ею всякий раз, когда она видела Джайлза Блэклоу или думала о нем.

Теперь, когда она видела его, ее бросало то в жар, то в холод; когда он случайно прикасался к ней, она вздрагивала и отчаянно краснела. Она не знала, замечал ли он ее реакцию, хотя наверное, замечал, как и любой другой.

Аврора считала, что выглядит дурочкой, но предотвратить свою реакцию на него не могла, а потому смирилась с ней. Кроме того, ни один мужчина не действовал на нее таким образом. Когда в Грейвуд приезжал Джон Максвелл, она с удовольствием принимала его компанию, но когда его не было, она по нему не скучала, как скучала по Джайлзу Блэклоу.

В середине апреля Аврора отпраздновала свой восемнадцатый день рождения.

Восемнадцатилетие она встретила с мыслями о Джайлзе Блэклоу. Он казался ей волнующим и таинственным и еще более загадочным, чем прежде. Ей хотелось слышать его голос, видеть его... хотелось, чтобы он прикасался к ней. Она несколько недель страдала молча. Он часто снился ей по ночам: его глуховатый, низкий голос, его смех, которым он редко баловал окружающих, его светлые глаза. Днем она без конца думала о нем и частенько не слышала того, что говорил ей собеседник.

Аврора поняла, что больше не может молчать и должна с кем-нибудь поговорить о своем чувстве.

Однажды солнечным весенним днем Констанция и Аврора сидели за рукоделием. Окна, распахнутые настежь, наполняли комнату свежестью. Люси спала на подоконнике, хотя одним приоткрытым глазом с интересом наблюдала за птицами, прыгающими с ветки да ветку на дереве под окном.

Пора поговорить, решила Аврора и открыла рот, чтобы начать, но не смогла. Руки сразу стали холодными, как лед, словно она окунула их в ледяную воду, и она потеряла их, чтобы восстановить кровообращение. Не надо трусить, уговаривала она себя. Лучше поговорить сейчас, пока они одни. Она подождала еще несколько минут, потом откашлялась, но так ничего и не сказала.

Констанция взглянула на нее и, увидев серьезное выражение ее лица, отложила иглу.

— Смелее, Аврора. Ты хочешь о чем-то поговорить со мной, не так ли?

Какая догадливая Констанция! Сразу же заметила, что ее что-то беспокоит.

— Вопрос очень важный, Констанция, — начала она, не поднимая головы. — Мне не к кому больше обратиться, не с кем посоветоваться, и я решила обратиться к вам.

— Слушаю тебя.

— У меня есть тайна.

— Вот как?

Аврора взглянула на нее, потому что ей показалось, будто она уловила насмешку в тоне

Констанции, но ее лицо оставалось серьезным. «Не говори, не говори!» — кричал внутренний голос, но она уже не могла остановиться. Набрав в грудь побольше воздуха, она заговорила.

— Мне кажется... нет, я знаю, что влюбилась в Джайлза Блэклоу.

Выражение лица Констанции не изменилось. Она и глазом не моргнула. Не услышав ни слова в ответ, Аврора спросила, слышали Констанция ее слова.

— Слышала. И меня не удивило твое признание. По правде говоря, я удивилась бы, если бы рано или поздно ты не призналась в этом. Значит, вот в чем состоит твоя тайна? Так?

Девушка кивнула.

— Я хотела спросить, как мне себя вести, я не знаю. Он меня вообще не замечает и всего лишь выполняет роль моего наставника. Я для него не больше, чем предмет мебели.

Губы Констанции дрогнули в улыбке.

— Уверена, что ты для него значишь больше.

— Что мне делать? — печально спросила Аврора.

— Выброси его из своего сердца, Аврора. Любить его — большая глупость, потому что Джайлз не любит никого, кроме женщины из своего прошлого. Вижу, что ты удивлена. Ты так мало знаешь о нем, что начинает казаться, будто у него вообще нет прошлого, однако оно есть. — Она покачала головой. — Я умышленно мало говорила тебе о нем, но, наверное, пришло время все тебе рассказать. Ты права в своем предположении, что Джайлз титулованный дворянин. Вернее, был таковым. Хотя я лично сомневаюсь, что человека можно лишить благородного происхождения. Он из известной католической семьи, которая некогда слыла очень могущественной. Еще в ранней юности он был помолвлен с девушкой из такой же знатной семьи, владения которой примыкали к владениям его семьи. Благодаря их браку укрепилось бы могущество двух семей, что оказалось нежелательным для многих высокопоставленных лиц.

Будучи юношей умным и любознательным, он хотел учиться, а поэтому поехал за границу, чтобы продолжить образование. Он пробыл там довольно долго, а когда вернулся, ожидая радостной встречи с семьей, застал здесь трагическую картину.

Его отец умер незадолго до его возвращения, члены семьи разбрелись кто куда, причем некоторые были вынуждены скрываться, а любимая женщина — в то время еще совсем юная — вышла замуж за другого. Земли, принадлежавшие Джайлзу, прибрала к рукам корона, а сам он объявлен предателем.

— Предателем! Но это ложь! — возмущенно воскликнула Аврора, сердито глядя на Констанцию.

Констанция кивнула.

— Да, дитя, так оно и есть, как мы узнали потом. К сожалению, теперь этому не верят, и никто не знает, что же тогда происходило на самом деле. Все произошло почти двадцать лет тому назад, и политическая ситуация в стране способствовала случившемуся.

Было время, когда наша королева проявляла терпимость по отношению к другим религиям, но с годами она пошла на поводу у своих фаворитов, терпимостью не отличавшихся. Она стала беспощадно преследовать тех, кого считала своими врагами. И число врагов — действительных и воображаемых — возрастало не по дням, а по часам.

Каким-то образом королеву убедили, что Джайлз предатель, и его земли конфисковали, а едва приехав в Англию, он превратился в человека гонимого и несправного. Вместо того чтобы бежать за границу, как многие другие, более предусмотрительные люди, он остался. Чтобы выжить, он иногда ввязывался в сомнительные авантюры и даже совершал ограбления, причем, как он утверждал, для того чтобы подергать за усы льва в его логове. Сам он довольствуется малым, к тому же ему помогают друзья.

— Такие, как вы?

Неужели ограбления и есть то «дело», которое заставляло его надолго уезжать? Аврора никогда не подумала бы, что он вор, но ведь надо же человеку на что-то жить?

— Да, я и многие другие, которые из осторожности стараются не попадаться на глаза. Если бы правительство узнало, что Джайлз Блэклоу время от времени бывает здесь, нам всем не поздоровилось бы.

Аврора и не подозревала, что его посещения для них опасны, но, подумав, решила, что, несмотря на опасность, хотела бы, чтобы он продолжал приезжать в Грейвуд.

— Но учителя знают о нем? — спросила она.

— Да. Им всем можно доверять, потому что многие из них находятся в таком же положении.

— И он тоже помогает им как может, — промолвила она, вспомнив слова Джона Максвелла.

— Да, — подтвердила Констанция и, понизив голос, добавила: — Джайлз ни о ком не думает, кроме женщины, которая его предала, которую он некогда любил всем сердцем и которую он жаждет снова увидеть, чтобы наказать за причиненное ему зло.

— Но разве не может он пойти к королеве и убедить ее, что он не предавал ни ее, ни корону? Наверняка существуют какие-то доказательства.

— Все не так просто, дитя. Характер у Елизаветы такой же огненный, как и ее рыжие волосы, и она редко смягчается и меняет сложившееся мнение. Насколько я знаю, Джайлз однажды предпринял такую попытку, но за ним погнались, не дав ему добраться до дворца и попросить аудиенции у королевы. С тех пор он больше не пытался добиться справедливости.

— Он должен что-то сделать!

— Неужели ты думаешь, что он этого не знает? Да и что он может сделать? Ведь он объявлен вне закона.

— Однако вы ему помогаете.

— Да, помогаю, потому что не хочу чтобы продолжала твориться несправедливость. Я хочу, чтобы когда-нибудь он был отомщен.

— Но вы рискуете! Даже своей жизнью.

— Да. И не раскаиваюсь. Он знает, — улыбнулась Констанция.

— Вы... вы его любите? — спросила Аврора, едва дыша и со страхом ожидая ответа Констанции.

— Люблю ли я Джайлза? Наверное, можно и так сказать. Когда-то давным-давно я была в него влюблена, но ему моя любовь не понадобилась, так что мы остаемся только друзьями. Я думаю, что с ним лучше дружить, чем любить его. У него в сердце не осталось места для любви к женщине.

У Авроры защемило сердце, и она отвела взгляд, не зная, что сказать. Она не ожидала услышать то, о чем поведала Констанция. Уж лучше бы ей не спрашивать. Оказывается, у него украли его юность, его наследство и его любовь. Неудивительно, что он такой хмурый и суровый.

— У меня есть еще вопрос, Констанция, — попросила Аврора, и когда та кивнула, позволяя ей продолжать, спросила: — Когда он уезжает «по делам», значит, он задумал ограбление?

— Думаю, что так, но тут все не так просто, и я, откровенно говоря, сама не знаю, не уверена точно. Джайлз вообще ни с кем не откровенничает. Я кое-что знаю — и все. Однако мне кажется, что твое обучение каким-то образом связано с его таинственными делами и с его юношеской любовью.

— Вот как? — рассердилась Аврора. Судя по всему, ему никто не нужен — ни она, ни Констанция. Никто. Следовало зарубить себе на носу, пока она не объяснилась ему в любви, выставив себя на посмешище.

Но откуда ей знать, правду ли говорит Констанция? Может быть, она изложила события так, как ей выгодно, чтобы обескуражить свою молодую соперницу?

Однако рассказ Констанции похож на правду, и Аврора почувствовала себя еще более одинокой и запутавшейся.

Весь следующий день Аврора размышляла об услышанном от Констанции. К концу дня ей удалось убедить себя, что Констанция каким-то образом ошибается относительно лорда Блэклоу. А если Констанция ошибается, то у Авроры есть шанс, пусть даже самый крошечный.

Она понимала, что должна в самое ближайшее время воспользоваться им, пока окончательно не утратила храбрости или пока не позволила Констанции еще более поколебать уже пошатнувшуюся уверенность в себе.

В тот день учителя снова уехали из Грейвуда, не сообщив, когда вернутся. Блэклоу вошел в гостиную и застал Аврору и Констанцию за вышиванием.

Он ничего не сказал и, тяжело опустившись в кресло, откинул голову на спинку и закрыл глаза.

После нескольких минут молчания Констанция поднялась с места:

— Я должна посмотреть, как Бетти справляется с приготовлением ужина.

— Вам нужна моя помощь? — спросила Аврора.

— Нет, дитя.

Аврора кивнула, радуясь возможности остаться в гостиной. Сегодня утром она одевалась особенно тщательно. Розовое платье, оттенок которого придавал необычный блеск ее глазам, очень ей шло, и она надеялась услышать слова одобрения от Джайлза. Время от времени она бросала на него изучающий взгляд. Блэклоу уже не дремал у огня, а взял книгу и погрузился в чтение.

Неожиданно, будто почувствовав на себе ее взгляд, он поднялся.

— Ну, мне пора ехать, — заявил он. — По прибытии в Лондон мне еще нужно многое сделать.

Аврора тоже вскочила с места. Ободренная его чуть заметной улыбкой, она собралась с духом и близко подошла к нему. Зная, что любовь светится в ее глазах, она подняла на него взгляд и обвила его шею руками.

Узнать по выражению лица, какова его реакция на ее выходку, было невозможно. Он просто откинул назад голову и расхохотался. Сняв ее руки, он по-отцовски потрепал ее по головке:

— Хотя нас можно без труда принять за отца с дочерью, роль любящей доченьки тебе играть совсем не обязательно, дорогая моя. А для флирта со мной ты слишком молода. Так что практикуй свои женские чары на каком-нибудь юноше, вроде Джона Максвелла, который от тебя в восторге. Он тебе ближе по возрасту да, пожалуй, и по складу ума.

Потрясенная его словами, Аврора взглянула на него так, словно ее ударили, тихо охнула и бросилась вон из комнаты. Черная кошка выгнула спину и, зашипев на Блэклоу, помчалась вслед за хозяйкой.

Добравшись до своей комнаты, Аврора бросилась на кровать. Из ее глаз хлынули слезы.

Она выставила себя полной дурой! Он, наверное, сейчас вовсе смеется над ней. И, конечно, подождет, пока вернется Констанция, чтобы развлечь ее рассказами о выходке его подопечной, а потом они будут вместе смеяться над ее наивностью.

Как могло ей прийти в голову, что он видит в ней нечто большее, чем — в лучшем случае — дочь, а в худшем — просто подопечную! Видно, она совсем бестолочь,

простофиля.

Ей стоило такого труда подойти к нему... прикоснуться к нему. Она вздрогнула, почувствовав себя полностью опустошенной.

Люси вскочила на кровать и растянулась на спине, чтобы Аврора могла почесать ей живот. Аврора так и сделала, и кошка, замурлыкав, потерлась головой о руку девушки.

Теперь она не знала, что делать. Кем он ее считает? Ребенком? Просто воспитанницей? Одно она знала точно: он считал ее не тем, кем она хотела бы для него быть.

Его прикосновение, когда он снимал ее руки со своей шеи, было равнодушным, однако при одном воспоминании об этом у нее замирало сердце. Как бы ей хотелось, чтобы его пальцы прикоснулись к ее губам. Она вздрогнула, обхватив себя руками, и снова тихо заплакала.

Больше никогда, твердо сказала она себе, больше ни за что не поставит она себя в такое унижительное положение. И никогда больше не приблизится к нему, как бы ей ни хотелось. Слишком больно чувствовать, как тебя отвергают. Она утерла слезы и приложила ладони к пылающим щекам. Щеки горели, как в лихорадке. Лихорадка любви. Она посмеялась бы, если бы не чувствовала боль. Вздохнув, она медленно поднялась.

В темноте девушка на ощупь нашла таз с водой, погрузила руки в холодную воду и плеснула водой в лицо. Несколько минут спустя она почувствовала себя лучше, и лицо перестало пылать. Однако облегчить боль, которую она испытала, ей так и не удалось.

Глубоко вздохнув, она разделась, оставив одежду лежать там, куда она упала, и забралась в постель, под одеяло. Она знала, что Констанция ждет ее к ужину, но есть ей не хотелось. Она не смогла бы проглотить ни кусочка. Если Констанция за ней придет, она скажется больной. Наверняка ее удовлетворит такое невинное оправдание.

Она совсем не устала, но знала, что должна отдохнуть. Однако как ни пыталась она заснуть, сон не приходил. А в голове без конца прокручивалась все та же сцена у камина. Когда она, измучившись, наконец заснула, то увидела во сне Блэклоу и слышала его безжалостный смех.

Констанция видела всю сцену сквозь распахнутые двери гостиной. Обычно она не подслушивала чужие разговоры, сейчас она понимала, как для Авроры важен ее поступок. Возвращаясь из кухни, она остановилась перед дверью, надеясь услышать, о чем они говорят.

Но они молчали. Джайлз читал, Аврора вышивала. Она уже хотела войти, но тут Джайлз вскочил на ноги и пробормотал, что пора ехать в Лондон.

Констанция стала свидетельницей их краткого объятия. Правда, Джайлз сразу же высвободился из рук Авроры, но она все-таки успела заметить страдальческое выражение на его лице. Он хотел эту девушку. Хотел так же сильно, как она хотела его. Констанция, ушам своим не веря, услышала, как Джайлз расхохотался. И в ужасе увидела, как побледнела Аврора. У нее появилось на лице такое выражение, словно ее ударили.

Потом девушка выбежала из комнаты. Констанция отступила за дверь, но Аврора ее не заметила и, промчавшись мимо, проворно поднялась вверх по лестнице. Потом так же быстро следом за хозяйкой промчалась кошка. Джайлз стоял, не двигаясь. Лицо его ничего не выражало, но в его глазах Констанция заметила боль, в которой он никогда никому не признался бы. Она глубоко вздохнула, разгладила передник и, сосчитав до шестидесяти, распахнула дверь.

— Что случилось? Ты уже уезжаешь?

— Да. Я уже сообщил Авроре, что должен вернуться в Лондон. У меня на сегодня запланировано много дел.

Он говорил почти таким же твердым голосом, как Констанция, но теперь, подойдя ближе, она заметила непроходящую боль на его лице.

— Жаль, — произнесла она, — я надеялась, что ты у нас переночуешь. — Она окинула взглядом комнату и спросила, сама себя ненавидя: — А где Аврора?

— Кажется, она ушла спать, — ответил он, не глядя на нее.

— Спать? Но еще рано!

— Кажется... она сказала, что устала и хочет отдохнуть.

— Понятно.

Он как-то странно взглянул на нее.

— Ну что ж, как я уже сказал, мне пора.

— Возвращайся скорее, Джайлз. Мы всегда рады тебя видеть.

Он ушел, а Констанция, вдруг почувствовав себя страшно усталой, опустилась в кресло перед камином и уставилась в огонь невидящим взглядом. Как ни страшно признаться, но она ревновала его к Авроре. И стыдилась своей ревности. Она всегда относилась к Джайлзу Блэклоу просто как к другу. А теперь, к своему ужасу, она поняла, что он значит для нее гораздо больше. Что ей делать?

Она не сможет смотреть на Аврору, не сможет смотреть на Джайлза. Или сможет? У нее нет выбора. Как и Джайлз, она считала, что девушка слишком молода для него. К тому же она видела восхищенные взгляды Джона Максвелла на свою ученицу.

И Констанция решила, что должна отвлечь девушку и Джайлза друг от друга и заручиться поддержкой ничего не подозревающего Джона Максвелла.

Как и предполагал Блэклоу, обратный путь в Лондон занял много времени, потому что

дороги развезло после ливня, разразившегося два дня назад. Забрызганный грязью и продрогший до костей, он добрался до постоянного двора, где обычно останавливался по дороге, и сел у огня, чтобы просушить промокшую одежду. Несколько кружек эля помогли, наконец, согреться, и он отправился спать. Однако несмотря на усталость, он долго не мог заснуть. Его преследовало ощущение рук Авроры, обвившихся вокруг его шеи. Он был потрясен ее неожиданной смелостью. Нахмутив брови, он вспомнил, как немедленно отреагировало его тело на ее близость, и покачал головой. Он обязан сохранять стойкость и довести свои планы до конца. Но он всего лишь человек.

За очень короткое время девочка на его глазах превратилась из угловатого застенчивого ребенка в красивую женщину. К тому же он помогал формировать ее ум. К своему ужасу, он обнаружил, что и она влияет на его мысли. За последнее время он часто видел ее во сне. И каждый раз, засыпая, надеялся, что она ему приснится. Он видел ее прелестное личико, пробовал на вкус свежие губки, а иногда гладил белую кожу, наслаждаясь ее шелковистой нежностью... Он обязан оставаться сильным, говорил он себе.

— ...Сильным... — вслух произнес он, и слово насмешливо отозвалось эхом в крошечной комнатке.

Но сможет ли он? Она так соблазнительна. Он подмечал каждое ее движение, слышал ее голос. Он отчетливо представлял ее себе даже тогда, когда ее не было рядом.

Это недопустимо, сказал он себе и, повернувшись на другой бок в одинокой постели, закрыл глаза, ведь он не мог принести ни ей, ни какой-либо другой женщине ничего, кроме боли.

— Спасибо, Джон, за то, что донесли мою корзинку, хотя мне совсем не тяжело.

Максуэлл улыбнулся Авроре, поставил корзинку туда, куда она указала, и застыл в ожидании. Люси немедленно прыгнула в корзинку, чуть не опрокинув ее, и они оба рассмеялись, наблюдая за проделками кошки.

Аврора радовалась компании Джона. За последнее время рядом с Констанцией она не чувствовала себя так же непринужденно, как прежде, а гости бывали у них редко. Поговорить было не с кем.

Но сегодня все по-другому. Утром она вышла в сад, чтобы набрать цветов для украшения комнат. Поглощенная своим занятием, она услышала, что кто-то зовет ее. Сердце ее бешено забилося в надежде, что это Блэклоу, но она быстро опомнилась: голос принадлежал не ему. Она испытала разочарование, за которым последовало чувство облегчения. Она помнила, что он посмеялся над ней, когда они виделись последний раз. И все же...

Сжимая в руке букет тюльпанов, она увидела, что с другой стороны цветника ей машет рукой Джон Максуэлл. Она помахала в ответ и жестом пригласила его присоединиться к ней.

День стоял чудесный. Пушистые белые облака плыли по лазурному апрельскому небу. Щebetали птицы. Теплые лучи солнца падали на ее лицо и руки, она подняла повыше рукава платья. Воздух, наполненный ароматом цветов, в изобилии росших в саду Грейвуда, поднимал настроение. Аврора улыбнулась Джону, радуясь его компании, пусть даже он не Блэклоу. В отличие от Блэклоу у Джона хорошие манеры: он никогда не стал бы смеяться над ней. Но и зажечь ее не смог бы.

— Может быть, мы могли бы прогуляться верхом?

— Я с удовольствием бы поехала, Джон, но...

— Но что?

Он так внимателен, так готов помочь ей во всем, о чем бы она ни просила. И было видно, что она его привлекает. Конечно, внимание молодого учителя льстило ее самолюбию, но он нравился ей только как друг, не более того. Однако не могла же она сказать такое ему в лицо.

— Не знаю, — ответила она наконец. — Наверное, я предпочла бы просто пройтись и порадоваться солнцу.

Он улыбнулся.

— Отлично.

Он моментально со всем соглашался, в отличие от Блэклоу, который, кажется, не соглашался ни с чем, что бы ему ни предложили, использовал ее для каких-то своих дьявольских целей.

— Я с наслаждением проведу время где угодно, лишь бы в вашей компании.

— Джон... — попыталась остановить его она.

— Нет уж, пожалуйста, Аврора, позвольте мне высказаться. — Похоже, он очень волновался. — Я должен признаться, что уже давно восхищаюсь вами.

У нее упало сердце, когда она поняла, что последует дальше. Она не должна подобного допустить.

— Поверьте мне, Джон, я польщена, но прежде чем вы продолжите говорить, я тоже хотела бы кое-что сказать. Если вы поглубже заглянете в свое сердце, то поймете, что не любите меня. Не возражайте, — приказала она, жестом остановив его протесты. — Выслушайте меня до конца. Я знаю, что нравлюсь вам. Как друг. И вы мне тоже нравитесь. Но я не думаю, что затронуто ваше сердце. — Она сделала паузу. — Я права, не так ли?

На его лице появилось почти комичное выражение — некая смесь сконфуженности, раскаяния и легкого смятения.

— Все так, Аврора, но я хочу, чтобы вы знали, что я искренне восхищаюсь вами.

— Я знаю и ценю ваши чувства. Иметь настоящего друга — большая удача, Джон.

Он торжественно кивнул.

— Значит, мы будем настоящими друзьями. Вы на меня не сердитесь?

— Ничуть. — Она чмокнула его в щеку. — А теперь пойдете в дом, не то Констанция подумает, что нас похитили цыгане. — Повернувшись к скамье, она добавила: — Идем, Люси, я не понесу тебя в корзинке.

Кошка открыла один глаз, потом закрыла его снова, оставив без внимания слова хозяйки. Джон рассмеялся, осторожно поднял Люси и вручил ее Авроре, а сам взял корзинку со срезанными цветами и последовал за Авророй. Когда они подходили к дому, Аврора обернулась к нему и вымолвила:

— Джон, хорошие друзья должны быть правдивы друг с другом. Скажите мне честно, это Констанция попросила вас завести со мной такой разговор?

Слегка покраснев от смущения, Джон кивнул головой.

— Понятно, — вздохнула Аврора и добавила: — Наверное, она подумала, что мне очень одиноко.

Он с облегчением кивнул головой.

— Я тоже так думаю, — кивнула в ответ Аврора, понимая, однако, что правда заключается совсем в другом.

С приближением лета Блэклоу появлялся в Грейвуде все реже и реже. Аврора страдала. И хотя с болью вспоминала тот вечер, когда он посмеялся над ней, по-прежнему мечтала о том, чтобы он прикоснулся к ее щеке, поцеловал в губы.

Она понимала, что ведет себя глупо. Ей казалось, что если бы она виделась с Джайлзом чаще, то смогла бы убедить его в том, что она уже не ребенок.

И вот в один из особенно погожих июньских дней, когда на синем небе не было ни облачка, а на поверхности пруда за домом танцевали золотистые солнечные зайчики, неожиданно появился Блэклоу.

Из окна верхнего этажа Аврора увидела, как он приближается к дому, и поспешила в свою комнату, чтобы переодеться. Когда он входил в гостиную, она уже спускалась вниз в новом платье малинового цвета, подчеркивающим ее зеленовато-голубые глаза. Волосы она собрала на затылке и заколола жемчужными заколками. Она знала, что выглядит весьма привлекательно. Он окинул ее одобрительным взглядом.

— Аврора, ты сегодня красива, как никогда, — тихо заметил Блэклоу, не сводя с нее глаз. — Я в полном восторге.

Она почувствовала, что слегка краснеет. Ей хотелось сказать что-нибудь в ответ, но язык прилип к небу. Наконец она взяла себя в руки и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

— Я не ожидала видеть вас сегодня, лорд Блэклоу.

— Вот как? И почему же, позвольте спросить?

— Вы так редко бываете у нас, мне показалось, что вы, возможно, больше вообще не приедете никогда.

— Об этом не беспокойся, — с явной иронией ответил он.

Аврора приподняла тонкую бровь. Он знал подобную манеру Авроры выражать презрительное отношение к пустым отговоркам и находил ее очаровательной.

— Вот как? Уж не приехали ли вы в Грейвуд по важным делам? Мне кажется, лорд Блэклоу, пора вам объяснить, зачем вы привезли меня сюда и почему позаботились о моем образовании. Я вам буду только благодарна, потому что многого никогда не узнала бы — даже если бы выжила в Брайдуэлле. — Ее не испугал его тяжелый взгляд, она уже не могла остановиться. Она хотела знать правду. — Ваше прежнее объяснение — о собственной прихоти — удовлетворяло меня, пока я была ребенком. Теперь я уже не ребенок. Вы не замечаете изменения, но они существуют. И я должна знать. — Она помедлила. — И еще я должна знать, каким образом смогу расплатиться с вами. — Она стояла совсем близко и увидела, как он тяжело дышит.

— Знать правду тебе не обязательно — пока.

В раздражении Аврора попятилась, но он остановил ее, осторожно взяв за руку. Она хотела вырваться, но не смогла и оказалась лицом к лицу с ним. Они стояли близко, почти касаясь друг друга, и оба чувствовали почти осязаемое взаимное притяжение.

Она в волнении сделала шаг назад, но Блэклоу неожиданно обнял ее так, что дух захватило, и страстно поцеловал в губы. На какое-то мгновение испугавшись, она быстро оправилась и стала лихорадочно отвечать на его поцелуи. Она еще никогда ничего подобного не испытывала. К ней еще никто никогда не прикасался таким образом и не целовал так, что бросало в жар и холод одновременно. Она инстинктивно тесно прижалась к

нему, крепко обвив его руками. Ей еще больше, чем прежде, хотелось оставаться с ним, прикоснуться к нему, и она, тихо застонав, раскрыла губы под давлением его губ. Его язык нежно ласкал ее, и она вздохнула, ощутив острое желание.

— Аврора, любовь моя, — прошептал он, лаская кончиками пальцев ее шею. Аврора даже задрожала от удовольствия.

— Джайлз. — Она принялась целовать его губы, щеки, лоб. Прикоснувшись пальцами к высоким скулам, она крепко поцеловала и их.

Аврора и Блэклоу так увлеклись, что не сразу услышали стук в дверь гостиной. Раскрасневшись и прерывисто дыша, они едва успели отпрянуть друг от друга, как в дверь вошла Констанция, которая, едва взглянув на их лица, сразу же все поняла. Увидев расстроенное лицо Констанции, Аврора не нашлась, что сказать. Она чувствовала себя виноватой и, не желая оправдываться, просто кивнула Констанции и вышла из комнаты.

Блэклоу молчал. Молчала и Констанция. Его раскрасневшиеся щеки пришли в норму, он успокоился и овладел собой. Но как только он собрался заговорить, Констанция пожала плечами и вышла из гостиной. «К чему слова? — думала она. — Ведь нечто подобное неизбежно должно было произойти».

Блэклоу хотел держаться подальше от них, но не мог — по крайней мере когда она жила там. Он продолжал приезжать в Грейвуд, хотя понимал, что поступает неправильно. Разве Констанция не сказала ему, что он слишком стар для девушки? Разве Джон Максвелл не говорил, что он выставляет себя на посмешище? Предупреждали все — кроме самой девушки.

Блэклоу приезжал теперь в Грейвуд в те дни, когда Констанции не было дома или когда у нее не хватало времени, чтобы уделить ему внимание. В хорошую погоду, которая стояла тем летом, он частенько приглашал Аврору на прогулки. Они ездили верхом по полям и перелескам. Аврора очень любила заезжать в маленькие городишки, где устраивались ярмарки. Подчиняясь ее желанию, он соглашался посещать ярмарки, но вскоре и сам стал получать от них огромное удовольствие.

Но всякий раз, когда они ездили верхом или гуляли по поместью, он замечал, что она с любопытством наблюдает за ним. Если он спрашивал ее, в чем дело, она лишь качала головой, отвечая, что все в порядке. Но он знал, что ее беспокоит, и отлично понимал, в чем дело. Скоро ему придется рассказать ей обо всем.

Однажды в начале осени Блэкклоу пригласил Аврору на дальнюю прогулку верхом. Они отправились в путь ранним утром, когда небо еще только окрашивалось в золотисто-розовые тона. Некоторое время они ехали в молчании. Аврора любила, когда они молчали, потому что в его отсутствие ей хотелось находиться с ним рядом, а при нем она терялась и буквально лишалась дара речи.

Свежий и прохладный утренний воздух имел запах влажной листвы. На паутине, натянутой между кустами, поблескивали в солнечных лучах капельки росы. Из-под копыт коня выскочил и помчался прочь маленький коричневый кролик. Солнце еще не поднялось и не согрело землю. Аврора радовалась, что захватила с собой плащ.

Поскольку они планировали дальнюю прогулку, она захватила с собой кое-какую еду и для завтрака, и для обеда, надеясь удивить своей заботой Блэкклоу. Девушка украдкой взглянула на него и увидела, что он смотрит прямо перед собой. Хоть бы на нее посмотрел так же внимательно, подумала она и вздохнула. Вспомнив их страстное объятие, она не смогла сдержать дрожь.

Чтобы напоить коней и дать им немного отдохнуть, они остановились возле лесного ручья. Аврора расстелила на земле плащ. Встав на колени, достала из корзинки завернутый в салфетку сверток.

— Не хотите ли сыру, милорд?

— С удовольствием, — улыбнулся он.

По-восточному скрестив ноги, он уселся в нескольких дюймах от нее. Когда она отрезала ломтик сыра, рука у нее дрожала. Передавая сыр, она прикоснулась рукой к его руке и тут же отдернула руку, словно обожглась. Опустив глаза, она отрезала маленький ломтик чеддера и для себя и, глядя в сторону, откусила крошечный кусочек.

— Могла бы и посмотреть на меня, — с иронией проговорил он. — Я не кусаюсь.

Аврора подняла голову.

— Я не боюсь, что вы меня укусите, милорд.

— В таком случае, чего ты боишься?

Она заглянула в его глаза и, как показалось, увидела в их глубинах тревогу и понимание. Девушка снова отвела взгляд, не уверенная в том, что может ему доверять. Он еще не сказал о своих планах в отношении ее. Ее тело верило ему, но разум отказывался.

Не желая испортить прогулку, она поднялась.

— Может быть, нам пора ехать, милорд? Кажется, лошади уже отдохнули.

— Да. — Он помог ей сесть в седло, прикасаясь к ней с подчеркнутым равнодушием, потом сам сел на коня, и они пустились в путь; журчание ручья постепенно стихло.

Кони шли не спеша, и ни Аврора, ни Блэкклоу не хотели подгонять их. Листья деревьев уже окрасились в осенние рыжие, золотистые и красные тона. На ковре из опавших листьев то тут, то там пробивались поздние цветы — фиолетовые астры и коричневато-золотистые хризантемы.

Над их головами в ветвях деревьев щебетала какая-то птица, в кустах, убегая, зашуршал маленький зверек. Аврора улыбнулась, радуясь окружающему миру, красивому и спокойному. Хорошо, что Блэкклоу предложил прогулку.

Они продолжили путь, и вскоре Аврора поняла, что не знает, где находится. С тех пор,

как они свернули с главной дороги, ведущей в Грейвуд, им никто не встретился, хотя Блэклоу такое обстоятельство, кажется, ничуть не беспокоило.

— Где мы находимся, милорд? Мы не заблудились? Вы сможете найти дорогу назад? — встревожилась Аврора.

Он усмехнулся.

— Не волнуйся. Я знаю дорогу. Лес я знаю как свои пять пальцев.

Проехав еще около часа, они остановились перекусить холодным цыпленком и фруктами. Аврора засыпала Блэклоу вопросами о районе, окружающем Грейвуд, и он отвечал ей, как мог. Оказывается, район населяли бедные люди, которые старались крепко держаться друг за друга, что скорее всего очень помогало Блэклоу в его ночных вылазках.

После еды под теплыми лучами поднявшегося солнца Авроре захотелось вздремнуть. Она зевнула, изящно прикрыв рот ручкой, и прилегла на своем плаще. Глаза ее медленно закрылись и некоторое время она слушала, как кони лениво пощипывают травку. Что-то тихо насвистывал Блэклоу. Она попыталась узнать мелодию, но не смогла и решила потом обязательно спросить у него. Вскоре она заснула крепким сном.

Аврора проснулась от прикосновения чего-то мягкого, бархатистого и, открыв глаза, увидела морду своего гнедого. Погладив коня и протерев глаза, она сладко зевнула. Солнце почти село, стало темнеть.

Почему лорд Блэклоу позволил ей так долго спать? Следовало бы давным-давно разбудить ее. Она озадаченно окинула взглядом небольшую поляну и тут же получила ответ на свой вопрос. Блэклоу крепко спал, прислонившись спиной к толстому стволу дерева. Аврора подошла к нему, присела рядом и некоторое время разглядывала спящего. Во сне у него было такое умиротворенное выражение лица, что ей не хотелось беспокоить его. Но у нее не оставалось выбора. Она осторожно прикоснулась к его рукаву, почувствовав сквозь ткань тепло кожи.

— Лорд Блэклоу? — тихо позвала она. — Джайлз, проснитесь.

Он сразу же открыл глаза.

— В чем дело? — Он вскочил на ноги и огляделся вокруг. — Что случилось, Аврора?

— Ничего не случилось. Просто мы, кажется, слишком долго спали.

Он окинул взглядом удлинившиеся тени и быстро темнеющее небо.

— Я хотел лишь посидеть рядом и посмотреть, как ты спишь, но глаза закрылись сами собой. Я предполагал вздремнуть всего несколько минут, но видишь, как получилось. Боюсь, что нам надо немедленно пускаться в путь, если не хотим заблудиться.

Быстро собрав остатки своего пикника, они покинули поляну. Аврора надеялась, что их не застанет в лесу буря. К вечеру погода испортилась и зловеще потемневшее небо не предвещало ничего хорошего. Блэклоу говорил ей, что здесь часто случаются осенние бури.

— Надо ускорить шаг, — бросил Блэклоу, оглянувшись через плечо, — чтобы буря нас не настигла.

Аврора пришпорила гнедого, но конь неожиданно споткнулся, и она перелетела через его голову. Поняв, что произошло, Блэклоу соскочил с коня и, бросившись к Авроре, подхватил ее на руки.

— Ты цела? — спросил он, ощупывая ее руки и ноги. Авроре было так приятно его прикосновение, что ей не хотелось двигаться.

— Цела. Пострадала только моя гордость. Правда, вполне возможно, что есть несколько синяков. — Тряхнув головой, она откинула с лица волосы. — Как конь? Надеюсь, не пострадал?

Блэклоу осмотрел жеребца и несколько минут спустя вернулся к Авроре.

— Он угодил ногой в кроличью норку и, боюсь, захромал.

— Как ужасно!

— Это не опасно, но он едва ли сможет сегодня добраться до Грейвуда. Нам еще повезло, что он не сломал ногу.

— Вы уверены, что мы не сможем сегодня добраться до Грейвуда? Я могла бы сесть позади вас, а своего гнедого повела бы за собой. Мы могли бы ехать очень медленно, чтобы не навредить ему.

Блэклоу покачал головой. Ночью опасно разгуливать по лесу, особенно так далеко от города. «Нет, мы не сможем ехать в темноте, тем более что один из всадников — женщина, а один из коней хромает».

— Но где мы остановимся?

— Неподалеку отсюда я знаю один домик, где мы сможем переночевать. Позволь, я помогу тебе подняться.

Блэклоу протянул ей руку, и она встала. Усевшись на коня, он посадил ее за спиной и взял в руки поводья охромевшего жеребца. Они стали медленно пробираться через лес. Аврора держалась за него обеими руками, прижавшись лицом к его спине, и слегка дрожала. Ей еще никогда не приходилось так прикасаться к нему, и она знала, что он тоже ощущает ее прикосновение.

Прислушиваясь к странным звукам ночного леса, Авроре стало не по себе. Звуки вокруг казались угрожающими, зловещими. Мало ли кто мог поджидать в ночи ничего не подозревающих путников. И все-таки она радовалась, что они не поехали в Грейвуд и проведут ночь в доме, а не в лесу, который только при свете дня казался гостеприимным, а ночью пугал ее.

Путь оказался довольно долгим, и Аврора начала уставать, почувствовав, что при падении пострадала гораздо сильнее, чем ей сначала показалось. Наконец, когда она решила, что дальше ехать не сможет, Блэклоу остановил коня и указал куда-то в темноту.

— Вон он, домик.

Аврора с трудом разглядела силуэт здания. Интересно, как удалось Блэклоу увидеть его в темноте?

— Я останавливался здесь раньше, — объяснил он, словно прочитав ее мысли. — Думаю, что там безопасно, но все-таки хочу убедиться. Оставайся здесь, а я вернусь, как только проверю, все ли в порядке. Если я не вернусь, ты просто спрячься и дождись утра. А там без труда найдешь путь на главную дорогу.

Аврора кивнула и сползла с лошади. Проследив за тем, как он удаляется в темноту, она принялась ждать. Что, если он не вернется? Нет, решила она, не следует думать о плохом. В домике наверняка безопасно и нет никаких разбойников... или кого-нибудь еще хуже.

Она напряженно слушала, не раздастся ли шум борьбы, но не услышала ничего, кроме уханья совы и кваканья лягушек. Наконец послышалось шуршание в кустах, и она из осторожности спряталась за дерево.

— Аврора?

Она сразу же узнала шепот.

— Я здесь, Джайлз.

Как легко приобрела она привычку называть его по имени, подумала Аврора, слегка покраснев.

— Все в порядке. Я отведу тебя в дом, а сам соберу дров. Придется развести огонь — ночь обещает быть холодной. — Он осторожно взял ее за руку и повел к дому.

Они привязали коней под навесом за домом и сняли с них седла и сбрую. Пошарив в темноте, Блэклоу отыскал свечу, высек огонь и зажег ее. Помещение осветилось неярким светом.

— Подожди здесь, я поищу дров.

— Здесь уже есть дрова, — указала она на охапку, лежащую около очага, — хватит на несколько дней, — заключила девушка.

— Но мне потребуется растопка. Я скоро вернусь. — И вышел.

Аврора принялась осматривать помещение, состоящее из одной просторной комнаты. Между печью и стеной размещались своего рода полати, к которым вела деревянная

лестница. Стена была занята несколькими полками, на одной из которых стояла выщербленная глиняная посуда. Возле печи лежали беспорядочно сваленные в кучу постельные принадлежности, тщательно осмотрев которые Аврора не обнаружила ни насекомых, ни мышей.

Сквозь два окна в комнату заглядывала тьма, как будто злобно ухмыляясь ей. Аврора торопливо пересекла комнату и плотно закрыла ставни, чтобы ничьи недобрые глаза не смогли наблюдать за ними снаружи. Она вздрогнула. Скорее бы вернулся Джайлз.

Захватив с улицы корзинку, она поставила ее возле маленького стола в углу. В ней осталось немного хлеба, сыра и вина. Придется, как видно, оставшимися продуктами ограничиться. Блэклоу вернулся с охапкой сухих веток для растопки. Аврора сразу же заперла дверь на железный засов.

— Ты боишься? — спросил он, бросив растопку возле печки. Присев на корточки, он растопил печь и, не получив ответа, спросил еще раз. Аврора непроизвольно снова вздрогнула.

— Да, боюсь. Немного.

Он подошел к ней, осторожно взял за руку и подвел к огню.

— Здесь теплее.

Она кивнула, чувствуя, что он не выпускает ее руку. Ей хотелось взглянуть на него, но она не могла поднять глаза.

— Ты не должна бояться, — тихо произнес Блэклоу. — По крайней мере сегодня, Аврора.

И Аврора посмотрела ему в лицо, понимая, что в эту ночь ничего не произойдет. Совсем ничего. Она печально вздохнула.

Когда разразилась буря, Аврора и Блэклоу доедали последний кусок сыра, сидя у огня и глядя на танцующие язычки пламени. Капли дождя с грохотом барабанили по крытой соломой крыше.

Аврора подумала, что еще немного и гроза застала бы их в лесу, и подвинулась поближе к огню.

— Ты устала?

Блэклоу и теперь стоял поодаль. Выражения его лица она не видела, но голос звучал напряженно.

— Немного, — честно призналась она. То, что она вздремнула в лесу, не прибавило ей сил.

— Постельные принадлежности тебе понадобятся? — спросил он.

— Да, я, наверное, постелю постель сейчас. А как же вы?

Он пожал плечами и передал ей одеяла. Она начала разворачивать их перед огнем, потом села, разгладила рукой складку на шерстяной ткани. Она не знала, как себя вести... Может быть, попытаться заснуть? Она, конечно, устала, но...

Помедлив еще немного, она легла, но глаза не закрыла, следя за Блэклоу, подошедшим к огню, отблески которого играли на его лице. Сама не зная, что делает, Аврора села и одним плавным движением протянула к нему обе руки. Он повернулся и прижал ее к себе.

— Аврора!

Звук его голоса, прошептавшего ее имя, привел ее в радостное волнение.

— Ах, Джайлз!.. — Она взглянула на него, улыбнулась, и губы ее раскрылись в ожидании.

Он поцеловал ее страстным поцелуем, и, когда провел кончиками пальцев по ее щеке, она задрожала от переполнявших ее эмоций. Его пальцы провели по линии ее лица, обласкали мочки ушей и погладили мягкие брови.

Снова прикоснувшись губами к ее губам, он очертил языком их контуры и ласково притронулся к ее языку. Горячая волна желания охватила ее, и ее язычок храбро ответил на его ласку. Он застонал от удовольствия.

— Как ты красива, — приговаривал он, целуя ее в шею. Его горячее дыхание щекотало ей кожу и вызывало дрожь. — Ты самая красивая женщина из всех, которых я видел.

— Нет, — пробормотала она, чуть покачав головой, — я не красавица.

— Ошибаешься. Я не позволю никому — даже тебе самой — не соглашаться. Ты меня понимаешь, Аврора?

— Думаю, что понимаю. Но все-таки объясни понятнее.

— С удовольствием, — заявил он и принялся осыпать поцелуями ее щеки, подбородок, нос, веки, рот и лоб. Потом его губы медленно скользнули вниз, задержавшись на ключице. Глаза у нее закрылись, она полностью отдалась во власть неожиданных ощущений, вызвавших из ее губ слабый стон.

Запустив руки в его волосы, она прижала его лицо к себе. Его руки прикоснулись к округлостям ее груди.

Она потянулась к нему. И оба снова замерли в страстном поцелуе. Его сильное тело казалось таким мощным и нежным одновременно.

— Я хочу, чтобы ты стала моей, — прошептал он, прижимаясь губами к ее уху. Почувствовав его дыхание и чуть отстранившись от него, она заглянула ему в глаза и охрипшим от волнения голосом ответила:

— О да.

Аврора хотела снять с него рубашку, но он остановил ее.

— Позволь мне, — попросил он и нежно поцеловал кончик каждого ее пальца. Он снял с нее туфли и чулки и легонько прикоснулся к пальцам ноги, отчего по ноге пробежала радостная дрожь. Он медленно принялся расстегивать крючки на юбке. Сняв с нее юбку, он аккуратно положил ее на стол и стал расстегивать крючки на лифе. Она отметила, как умело обращается он с женской одеждой. Аврора скромно сложила на груди руки. На ней еще оставалась рубашка, но под его взглядом она чувствовала себя голой. Он осторожно развел ее руки и, наклонившись, поцеловал нежную кожу над грудью.

Сняв с нее рубашку, он положил ее рядом с остальной одеждой.

Высоко подняв голову и глядя ему прямо в глаза, она стояла перед ним голая, освещенная сзади золотистым пламенем и согретая его теплом. Блэклоу долго стоял, не двигаясь, пожирая взглядом каждый дюйм ее тела.

— Ты красива, Аврора, — в очередной раз повторил он охрипшим голосом и, шагнув к ней, крепко прижал к себе.

Его руки согревали ее, и, прислушавшись, она уловила гулкие удары его сердца, которое билось, казалось, в унисон с ее собственным. Он медленно провел по ее спине кончиками пальцев. Прикосновение так возбудило ее, что она задрожала и с удивлением посмотрела на свое тело, которое вдруг словно стало жить собственной жизнью. Ее груди походили на зрелые сочные плоды, а соски затвердели и приподнялись.

Плавно и осторожно Блэклоу и Аврора опустились на пол, на расстеленное одеяло, и Аврора не почувствовала неудобства. Он руками оберегал ее тело от прикосновения к грубой поверхности. Но ей казалось здесь удобнее любой постели, в которой ей приходилось спать. Его губы сложились в улыбку, а лицо приобрело такое выражение, которое, она могла бы поклясться, бывает только у влюбленного мужчины, хотя его глаз, остававшихся в тени, она не видела. Наклонившись, он поцеловал ее в губы, в грудь и начал ласкать языком затвердевшие, напрягшиеся соски. Аврора застонала от удовольствия, запустила пальцы в его шевелюру и еще крепче прижалась к нему. Тем временем его руки ласкали грудь, дразня чувствительные соски, а затем скользнули вниз к мягкому треугольничку между ногами.

Осторожно раздвинув плоть, он поискал и нашел крошечный бутончик — точку, в которой сосредоточилось ее желание, и принялся гладить и потирать его пальцами, заставив ее замереть в сладостном предвкушении. Неожиданно убрав руку, он встал. Аврора умоляюще вскрикнула, желая, чтобы он продолжал.

Улыбнувшись, он покачал головой.

— Потерпи минутку, любовь моя, — поцеловал он ее и стал раздеваться.

Прерывисто дыша, она наблюдала, как он снимает с себя сапоги, камзол, рубаху, сваливая все в кучу.

Аврора еще никогда не видела мужчину без одежды. Впечатление захватило ее. У него были сильные, широкие плечи и мощная, хорошо развитая мускулатура. Он все еще улыбался. Взгляд Авроры скользнул ниже, к зарослям темных волос на груди и, миновав плоский живот и узкие бедра, перешел ниже.

Она слегка покраснела, и он засмеялся. Расхрабрившись, она протянула руку и погладила твердые мускулы на его бедре. Он снова опустился рядом с ней на колени.

— Я еще никогда не видела мужчину без одежды, — робко призналась она и с улыбкой взглянула на него.

— Ну и как, ты одобряешь то, что видишь?

— О да, мне нравится, — кивнула она. — Но я думаю, это относится только к тебе, Джайлз.

Он хохотнул и, наклонившись, поцеловал ее. Она немедленно потянулась к нему губами. Его умелые ласки вызвали волну удовольствия, прокатившуюся по ее телу, и она снова легла на одеяло. Он лег рядом с ней и, запустив одну руку в ее длинные волосы, провел другой от подбородка до треугольничка между ногами.

Прикосновение там его пальцев вызвало горячую ответную реакцию глубоко внутри ее тела, и она застонала от блаженства. Крепко зажмурив глаза, Аврора выгнула тело, прижимаясь к его руке, и вскрикнула, когда мир вокруг окрасился всеми цветами радуги. Дрожь наслаждения сотрясла ее тело, заставив забыть все земные заботы.

Когда дрожь мало-помалу утихла, она подняла отяжелевшие веки и с удивлением увидела, что он улыбается. Он осторожно пригладил прядь волос, прилипшую к ее щеке.

— С тобой все в порядке? — озабоченно спросил он, нежно погладив ее по щеке. О да, думала она, с ней все в полном порядке, только она не может говорить, поэтому она просто кивнула и поцеловала его в ладонь.

Она не знала, как вести себя дальше — надо ли ей говорить или лучше молчать? Плохо, что она такая неопытная. Словно почувствовав ее смятение, Блэклоу прошептал:

— Ты должна сказать мне, что доставляет тебе удовольствие, как и я, когда придет время, скажу тебе, что доставляет удовольствие мне.

Блэклоу чуть переместился, и она вдруг испугалась, что он хочет отодвинуться от нее, но он лишь устроился поудобнее, чтобы поцеловать теплую нежную кожу между ее грудями, и опустил на колени между ее ногами. От его крепкого поцелуя горячая волна желания вновь прокатилась по ее телу.

Аврора застонала, широко раскинув ноги, как бы приглашая его, глядя его темные волосы с серебристыми нитями седины. Блэклоу дотронулся губами до средоточия ее наслаждения, и мир снова взорвался для нее фейерверком красок. Она вскрикнула, желая, чтобы чудо не кончалось, приподняла тело ему навстречу. Еще никогда в жизни она не ощущала такого счастья. Они долго лежали вместе, не двигаясь.

Он приподнялся, и она улыбнулась ему. Облизнув пересохшие губы, она, не говоря ни слова, протянула к нему руку. Взяв ее руку, он направил ее к своему длинному, твердому орудию любви. Ощувив пальцами его тепло и пульсацию, она тихо охнула от неожиданности.

Когда она ласкала его символ мужественности, Блэклоу постанывал от наслаждения. Она провела пальцами вверх и вниз по всей длине его твердого орудия любви. Тело Блэклоу принялось двигаться в определенном ритме, и ее тело, подстроившись к заданному ритму, стало двигаться в унисон. С большой осторожностью он стал входить в ее плоть. Ощущение ее несколько ошеломило, но страха она не испытывала.

— Я не хочу причинить тебе боль, любовь моя, — шептал Блэклоу, поглаживая ее груди. Потирая пальцами розовые соски, он воспалял ее. — Но я должен тебя предупредить, что будет больно, потому что ты девственница.

Она кивнула и улыбнулась, и он поцеловал ее в губы. Его руки прошлись по ее телу, поглаживая, потирая, лаская его, а она тем временем поглаживала его плечи, спину,

массируя мускулы сильными пальцами. Потом он одним мощным рывком вторгся в нее.

Она почувствовала острую боль, которая так же внезапно исчезла, уступив место невероятно сладкой нежности, когда он начал двигаться внутри ее. Замирая от наслаждения, Аврора поняла, что главное свершилось и оно не идет ни в какое сравнение ни с чем. Она инстинктивно приподняла тело ему навстречу. Запустив обе руки в ее волосы, он ускорил рывки.

Комната наполнилась прерывистым дыханием обоих. Они поцеловали друг друга и продолжали лежать, крепко обнявшись. Он тихо произнес ее имя, а она вдруг всплакнула слезами любви, которые медленно покатались по разгоряченным щекам. Он поцелуями осушил ее слезы и что-то прошептал, дыхание его участилось.

Их тела вновь двигались в одном ритме, они целовали друг друга, их языки сплетались, ласкали, она ущипнула его за плечо. Он рассмеялся каким-то гортанным смехом и закрыл ей рот долгим поцелуем. Последним рывком он, казалось, достиг самого центра ее существа, и мир вокруг вновь заиграл волшебными яркими красками, наполнился радостными звуками и пьянящими ароматами. Она вскрикнула и схватила его за плечи.

На какое-то мгновение они, казалось, превратились в одно целое. Мало-помалу волшебные ощущения улеглись.

Постепенно их дыхание восстановилось, и они продолжали лежать, не двигаясь, крепко сжимая друг друга в объятиях.

Обессиленная, Аврора уткнулась носом в грудь Блэклоу, и он в ответ еще крепче прижал ее к себе. Ей не хотелось открывать глаза, не хотелось ничего видеть, ничего слышать. Так бы и лежала в темноте, насытившаяся, обогретая теплом лежащего с ней рядом мужчины и теплом горящего в печи огня, наслаждаясь всеми удивительными ощущениями, которые сегодня впервые испытало ее тело.

Она решила полежать еще немного и припомнить все, что произошло между ними... отдохнуть совсем чуть-чуть...

Когда Аврора наконец открыла глаза, она увидела, что Блэклоу лежит, приподнявшись на локте и смотрит в огонь. Он глубоко задумался о чем-то. Ей показалось, что думает он совсем не о том, что произошло между ними, и она расстроилась. Ей не хотелось отвлекать его, но не могла же она вечно лежать без движения. Она пошевелилась, что-то пробормотала, и он взглянул на нее.

— Я спала? — спросила она несколько виноватым тоном.

Он улыбнулся и кивнул.

— Недолго. Всего несколько минут.

Она сонно улыбнулась и, протянув руку, погладила его темные брови, провела кончиками пальцев по скуле и задержалась на губах. Он медленно поцеловал один за другим ее пальцы.

— Было чудесно, — поглаживала она аккуратно подстриженную бородку.

— Скажи «Джайлз». Я ведь слышал, как ты уже называла меня по имени, — попросил он.

— Джайлз, — повторила она и хихикнула. Потом с наслаждением потянулась и добавила: — Я еще никогда не чувствовала себя так... так чудесно. — Она усмехнулась. — Кажется, я повторяюсь?

— Ничего страшного. Я хотел, чтобы для тебя наша близость стала особенным событием. Только это для меня и важно.

— Так и есть, — прошептала она, обняв его за шею и притянув к себе, чтобы он поцеловал ее.

Они долго целовались, и постепенно угольки ее прежнего желания разгорелись снова. Прижавшись к нему, она почувствовала, что в его теле тоже вновь проснулось желание, однако он ничего не сказал, а лишь продолжал ласкать ее. Она не знала, что делать дальше. Если она даст ему понять, что хотела бы снова любить его, то не покажется ли это ему слишком вульгарным. Интересно, как поступают другие женщины в подобных ситуациях?

— Джайлз, я... — Она остановилась, не зная, как сказать то, что хотела.

— Я слушаю, говори, — приподнял он брови.

Она подозревала, что он знает, чего она хочет, но не намерен помогать ей. Она игриво стукнула его. Он усмехнулся.

— Ты... то есть, я... пожалуйста, займись со мной любовью еще раз.

— С радостью, сударыня.

Во второй раз все оказалось проще, она не ощущала никакой боли. Она принадлежала ему, испытывая еще большее наслаждение. Успокоившись, они стали говорить нежные слова друг другу, слова взаимной любви и наконец заснули, крепко обнявшись.

Аврора проснулась задолго до рассвета. Блэклоу все еще крепко спал, закинув одну руку за голову. Она нежно улыбнулась и осторожно поцеловала его в губы. Ночью кто-то из них проснулся на мгновение и в полусне натянул на обоих покрывало. Авроре стало тепло и уютно и не хотелось покидать их гнездышко. Закрыв глаза, она представила себе поцелуи Блэклоу, его ласки и почувствовала, что даже мысль о нем ее возбуждает, и у нее вспыхнули щеки.

Неужели еще не так давно она томилась в Брайдуэлле? Кто знает, сколько бы ей пришлось оставаться там, если бы Джайлз не вызволил ее? Нет, не будет она вспоминать о тюрьме. Тем более сейчас, когда есть столько приятных вещей, о которых можно подумать. Она медленно поднялась и лениво потянулась, как кошка. Вдруг ее грудь обхватила рука. Она взглянула на Джайлза. Он смотрел на нее хитрыми глазами.

— Я не спал, — произнес он. — И такой удобный случай я не в силах упустить.

— Негодяй, — улыбнулась она.

— Неужели? — Он потянул пальцами сосок, и она поежилась. — Ложись, и мы будем любить друг друга.

— Я не знаю, следует ли? — пробормотала она. Он медленно провел пальцами по напрягшемуся соску, и она застонала.

— Следует.

И она подчинилась.

Некоторое время спустя Блэклоу и Аврора наконец поднялись со своей импровизированной кровати. К тому времени, как они оделись, оседлали коня Блэклоу и приготовились к отъезду, совсем рассвело.

Когда домик остался позади, Аврора почувствовала сожаление. Она сидела позади Блэклоу и не могла видеть выражение его лица, но скорее всего оно вновь приобрело привычную суровость. Они возвращались в Грейвуд. Аврора чуть не плакала, но твердо решила, что не потеряет его... и их любовь.

На обратном пути они не разговаривали. И хотя в животе у нее урчало от голода, Аврора молчала. Чем ближе подъезжали они к Грейвуду, тем больше портилось у нее настроение. Со вчерашнего дня она ни разу не вспомнила о Констанции. И вот очень скоро она предстанет перед пронизательным взглядом вдовы.

После ночного ливня в лесу было сыро, и Аврора завернулась в плащ, который взяла с собой. Прижавшись щекой к спине Блэклоу и почувствовав исходящее от него тепло, она успокоилась. Выехав из леса, Блэклоу без труда нашел главную дорогу, и ближе к вечеру они уже подъезжали к дому.

Соскочив с коня, он помог ей сойти и повел захромавшего жеребца в конюшню. К нему подбежал Эдуард, и они заговорили об этом. Аврора подождала его, и они вместе вошли в дом. В гостиной, как и предполагала Аврора, их поджидала Констанция.

Солнечный луч падал на ее лицо. Она сидела мрачная, сложив на груди руки. Аврора никогда не видела у Констанции такого сурового взгляда, и он ее испугал. Девушка растерянно взглянула на своего спутника, который одарил Констанцию приветливой улыбкой.

— Надеюсь, ты не слишком беспокоилась. Наверное, хочешь узнать, что с нами

случилось? — кивнул ей Блэклоу, подходя к камину, чтобы погреть руки.

— Нет, не хочу. Мне неинтересно слушать, какие оправдания ты придумал для меня.

— Констанция... — начал он.

— Не надо.

— Мой конь прошлой ночью захромал, — вступила в разговор Аврора. — Он остутился, попав ногой в кроличью норку, и Джайлз, то есть лорд Блэклоу, подумал, что нам лучше остановиться на ночь в заброшенном домике. Он боялся, что вокруг рыщут разбойники.

Констанция перевела взгляд с Авроры на Блэклоу, но ничего не сказала.

— Я говорю правду, Констанция, — подтвердила Аврора.

Не обратив внимания на ее слова, она обратилась к Джайлзу:

— Ты всегда был боек на язык, Джайлз. Краснобай, каких мало.

— Констанция, — возмутилась Аврора. — Но все правда. Бог свидетель....

Не дав девушке договорить, Констанция бросила в ее сторону испепеляющий взгляд и вышла из комнаты. Аврора посмотрела на Блэклоу. Его явно раздосадовало поведение Констанции.

— Она обиделась, — проговорила девушка.

— Я знаю, — согласился он. — Ты не все понимаешь.

— Я понимаю, что она влюблена в тебя. Ее отношение к тебе видно любому, у кого есть глаза. — У нее защемило сердце. А что, если он тоже любит Констанцию? Что, если все, что он говорил вчера, сказано им в порыве страсти? Что, если... нет, не будет она думать о нем.

— Пропади все пропадом! — Блэклоу пересек комнату и стал смотреть в окно. Аврора подошла к нему и нежно погладила по щеке.

— Я люблю тебя, Джайлз. — Вот она и сказала роковые слова. А теперь он либо солжет, либо скажет правду.

Он улыбнулся ей.

— Я знаю, малышка, я знаю. — Он поцеловал ее почти целомудренным поцелуем в губы.

— Вижу, что вы и пяти минут не можете обойтись без нежностей в мое отсутствие.

Услышав резкие слова, они отпрянули друг от друга. На пороге гостиной стояла Констанция.

— Да, Констанция? Ты что-то хотела мне сказать? — спросил он. Нет смысла спорить с женщиной, когда она в таком настроении. Видит Бог, он и не подозревал, что она такая пуританка. По крайней мере, когда они были любовниками, таких тенденций у нее не наблюдалось.

— Я полагаю, что настало время прекратить уроки Авроры, тем более что ты, несомненно, уже научил ее всему, что знаешь сам, Джайлз. — И он, и Аврора почувствовали иронию в словах Констанции. — Пора.

— Я согласен с тобой.

— Хорошо. Значит, тебе придется скоро начинать. Ты меня понимаешь?

Он кивнул.

Круто повернувшись, Констанция снова удалилась. Аврора теперь не бросилась к нему. Она ждала, когда он заговорит, не до конца понимая смысл фраз, которыми обменялись Констанция и Джайлз. По ее спине пробежал холодок страха. Блэклоу долго смотрел на нее, не говоря ни слова. Он несколько раз как будто пытался заговорить, но продолжал молчать. Наконец, несколько нерешительно разговор начала Аврора.

— Что имела в виду Констанция, когда сказала «пора»?

— Пришло время представить тебя лондонскому высшему обществу, — уведомил он ее.

У нее от страха екнуло сердце.

— Слишком рано! — воскликнула она. — Я еще мало знаю. Я выставлю себя на посмешище, Джайлз!

— Нет, дорогая. — Взяв двумя пальцами ее подбородок, он повернул к себе ее лицо и прикоснулся губами к ее губам. — Через несколько месяцев ты и Констанция переедете в Лондон, где тебе придется показать, чему ты научилась.

У нее глаза защипало от слез, и она покачала головой. Она боялась, что не будет видеться с ним, живя в Лондоне, ведь он не может свободно появляться на улицах города. Как же он сможет навещать ее?

— А-а, я понимаю. Я буду часто навещать тебя, малышка. Не тревожься.

— Но как ты найдешь время, чтобы побыть вместе? — печально спросила она.

— Ну, это мы всегда сумеем устроить, — поцеловал он ее.

— Но почему именно сейчас?

— Потому что пришло время. Через несколько месяцев королевский двор переедет в Уайтхолльский дворец на Рождество.

Аврора неизвестно почему заупрямилась.

— Мне не обязательно следовать твоим планам, Джайлз.

У него сверкнули глаза.

— Обязательно, если хочешь, чтобы мы продолжали видеть друг друга.

Она кивнула, понимая, что он прав, и она сделает для него все, что угодно, лишь бы они могли быть вместе.

В начале ноября Блэклоу с помощью своего друга нашел для Авроры и Констанции дом в Лондоне, где им предстояло жить. Примерно месяц спустя они устроились в большом доме на Темзе.

Аврора пришла в восторг от долгой поездки по заснеженной сельской местности. В городе улицы, застроенные фешенебельными домами, соседствовали с улицами, где лепились друг к другу жалкие хибары. Когда их экипаж остановился перед домом, в котором им предстояло жить, Аврора вскрикнула от удовольствия.

Она всегда считала, что Грейвуд — величественная резиденция, но такой дом затмевал его. Констанция сказала, что это четырехэтажное здание, сооруженное из дерева и камня, поблескивающее на декабрьском солнце, построено значительно позже, чем Грейвуд. Авроре даже не верилось, что они будут жить в таком чудесном месте.

Девушка застыла от удивления, когда они вошли в большой вестибюль, втрое превосходящий по размерам холл Грейвуда. Пол, выложенный чередующимися квадратами из черного и белого мрамора, массивный камин, в котором, подумала Аврора, можно при желании зажарить целого быка, поразили ее воображение.

У нее не нашлось времени осмотреть дом как следует, потому что вскоре слуги принесли их багаж и нужно было заниматься распаковкой вещей и устройством на новом месте. Спальня Авроры оказалась здесь намного просторнее, чем в Грейвуде, и располагалась не рядом со спальней Констанции, а в другом конце коридора. Поняв все, Аврора пожала плечами, подумав, что, возможно, так даже лучше.

Кровать представляла собой ложе огромных размеров с множеством красивых подушечек и пологом из тяжелой парчи с серебряной нитью. Она провела рукой по тонкой вышивке на наволочках и поправила покрывало цвета бургундского вина.

Кровать стояла рядом с камином, и Аврора с удовольствием представила себе, как приятно будет, лежа в кровати, наслаждаться теплом огня. На каминной полке стояли изящные вещицы из сиреневого венецианского стекла, а на стене висел гобелен с изображением охотников и собак, преследующих какого-то мифического зверя.

Она еще некоторое время походила по комнате, с интересом осматривая все вокруг. Когда свои личные вещи она разложила по местам, то вдруг почувствовала усталость и решила прилечь. Люси свернулась рядышком, радуясь, что ее вынули наконец из корзины, в которой она путешествовала.

Аврора лежала в полудремотном состоянии и размышляла над историей, которую Блэклоу заставил ее заучить перед отъездом из Грейвуда. Согласно этой истории она приходилась кузиной Констанции, а отец Авроры, мелкопоместный дворянин, путешествовал по Европе, и обе женщины приехали в Лондон ждать его возвращения.

Блэклоу уверил, что подобную историю никто не сможет опровергнуть, поскольку за пределами Лондона по дорогам невозможно проехать и связь практически отсутствовала. Уличить их во лжи никому не удастся. К тому же на территории Англии проживает множество мелкопоместных дворян и никакого учета ни их, ни членов их разросшихся семей не ведется. Взволнованная и испуганная Аврора кивнула. В течение нескольких минут Констанция и Джайлз что-то оживленно обсуждали. Но говорили они так тихо, что Аврора не могла разобрать слов. Потом он подошел к ней и попрощался. Под пристальным взглядом

вдовы он поцеловал Аврору в лоб, как сделал бы отец или, скажем, брат. Авроре очень хотелось, чтобы Констанция ушла, и они смогли бы обняться.

Он проводил их до экипажа и помог усесться. Прежде чем закрыть дверцу, Блэклоу передал Авроре Люси в корзинке. На мгновение их пальцы соприкоснулись, и Аврора, покраснев, опустила глаза. Она махала рукой из окна экипажа, пока дом и стоящий перед ним Джайлз Блэклоу не скрылись из виду.

В дороге Констанция почти не разговаривала и большую часть пути дремала. После того как она застала Аврору и Блэклоу в объятиях друг друга, Констанция сохраняла вежливость, но тепло из их отношений ушло. Слишком возбужденная, чтобы спать, Аврора не могла оторваться от окна, у нее возникала масса вопросов, но спрашивать о чем-либо Констанцию ей не хотелось. Наконец она все-таки задала самый волнующий для нее вопрос:

— Констанция! Сможет ли лорд Блэклоу часто навещать нас в нашем новом жилище?

— Думаю, что не сможет. Ему непросто бывать в Лондоне. Это слишком рискованно.

— Понятно. — Аврора больше ничего не сказала, но расстроилась.

Она утешала себя тем, что ему обязательно придется приезжать в Лондон, и наверняка довольно часто. Такая мысль привела ее в хорошее настроение.

На новой удобной постели Аврора быстро погрузилась в сон без сновидений и, проспав совсем недолго, проснулась вполне отдохнувшей. Встав, она подошла к окну. День клонился к вечеру, а ей хотелось увидеть как можно больше, пока еще светло. Из окна открывался вид на Темзу. До ее ушей доносились крики: «Эй, кому вниз по реке?» и «Эй, кому вверх по реке?» Люди спускались к воде, шли на дебаркадер и садились в лодки, которые везли их в нужном направлении или перевозили на противоположный берег. По водной глади плыли, словно маленькие кораблики, белоснежные лебеди. Вверх и вниз по течению Аврора видела десятки лодок: алые с золотом королевские барки, которые обслуживали двор королевы, небольшие гуари, перевозившие пассажиров в Вестминстер, Тауэр и на противоположный берег Темзы; проплывали мимо суденышки, груженные сеном, пшеницей, бочками с вином, а иногда испуганно блеющими овцами.

Даже в конце дня на береговой линии происходила оживленная работа, и Аврора долго с интересом наблюдала, как ставят в док суда, как сходят на берег пассажиры, как выгружают грузы. Интересно, подумала она, заканчивается ли их деятельность с заходом солнца или продолжается и ночью? Чуть высунувшись из окна, она увидела другие великолепные дома, расположенные вверх и вниз по течению реки. Интересно, что за люди в них живут? Наверное, знатные джентльмены со своими леди, с которыми она познакомится... если ее представление ко двору состоится. В настоящее время королевский двор находился в Уайтхолльском дворце, где обычно праздновалось Рождество, а в середине января весь двор переезжал либо в Ричмонд, либо в Гринвич. С наступлением весны двор снова собирался в дорогу. Вельможи обожали переезжать с места на место каждые несколько месяцев.

Ее представят королеве. Аврора даже вздрогнула, настолько невероятной показалась ей подобная мысль. С реки уже начал подниматься холодный туман, и она, закрыв окно, вернулась в комнату. Ей стало страшно от мысли появиться при дворе. Она боялась, что на нее будут указывать пальцами и смеяться да еще, чего доброго, назовут самозванкой. Что, если королева узнает, кто она такая? Ее наверняка накажут за такую наглость. А вдруг ее снова отправят в Брайдуэлл?

Нет уж, туда она ни за что не вернется. Она скорее покончит с собой.

Но возможно, для самозванцев придумано еще более суровое наказание, чем заключение в Брайдуэлл? А Аврора боялась, что даже образование и обучение, которые дали ей Джайлз и Констанция, никогда не смогут помочь ей освободиться от чувства страха.

Хватит об этом, остановила она себя, тряхнув головой. Есть и более приятные вещи, о которых следует позаботиться. Пора переодеться и спуститься вниз. Наверное, Констанция скоро прикажет подавать ужин.

Немного поиграв с Люси, она переделалась и вышла из комнаты. Кошка последовала за ней.

На следующее утро Аврора проснулась отдохнувшая и готовая к осмотру дома. Она вышла из комнаты и улыбнулась, заметив Люси, как всегда, следовавшую за ней. Кошка, судя по всему, успела приспособиться к новому месту скорее, чем сама Аврора. Спускаясь по широкой винтовой лестнице, она подумала, что дом здесь сильно отличается от дома в Грейвуде. Цокольный этаж не такой мрачный, в каждой комнате и на галерее больше окон, хотя вид из них, если только они не выходили на реку, менее привлекательный. Коридоры не так извилисты, а комнаты гораздо просторнее, обставлены изящной мебелью и украшены великолепными гобеленами и множеством изделий из серебра.

На первом этаже она насчитала пятнадцать комнат, включая кухню и подсобные помещения, столовые и комнаты для приема гостей. Аврора снова поднялась наверх. На втором этаже находилось восемь просторных спален, при каждой из которых имелась комната для прислуги. На третьем этаже спален оказалось вдвое больше, наверняка они смогут принимать сколько угодно гостей — спален на всех хватит.

Закончив обследование, Аврора вместе с кошкой удобно расположилась на скамье у окна и принялась с любопытством наблюдать за тем, что происходит внизу, на улице. И тут в комнату вошла Констанция.

— Доброе утро, Констанция, — с улыбкой поприветствовала ее Аврора. — Как вы спали?

— Спасибо, неплохо, если учесть, что сегодня первая ночь в незнакомой постели. А как ты?

— Я ничего не помню, — честно призналась Аврора. — Наверное, я заснула прежде, чем голова коснулась подушки.

— Готова позавтракать?

Аврора кивнула и вслед за Констанцией отправилась вниз, в столовую, большие четырехугольные окна которой выходили на восток. Комната купалась в солнечном свете и совсем не напоминала уютную небольшую столовую в Грейвуде. Здесь за массивными столами могли уместиться десятки гостей.

Опасаясь заполучить среди новых слуг шпиона, Блэклоу попросил по возможности ограничить прием на работу новой прислуги. Бетти, Дикону и Эдуарду он мог доверять, но незнакомцев опасался.

«Шпиона? Почему он опасается шпионов?» — удивилась Аврора, но не стала задавать вопросов. Однако такая мысль не давала ей покоя. Может быть, Блэклоу хотел сохранить в тайне, что она низкого происхождения? Или что он бывает в этом доме? Хорошо бы расспросить Констанцию, но та наверняка ей ничего не скажет.

Так или иначе Блэклоу с помощью своих друзей в Лондоне сам пополнил штат прислуги пятью слугами. Аврора подумала, что теперь новый дом явно перенаселен, ведь в Грейвуде она привыкла обходиться почти без слуг. Завтрак состоял из такого же набора продуктов, как в Грейвуде — хлеба, сыра, молока и сушеных фруктов. Констанция настаивала на соблюдении здоровой диеты даже в Лондоне.

— Думаю, что сегодня мы закончим устраиваться на новом месте, — сообщила Констанция, намазывая маслом кусочек хлеба. — Хотя для того, чтобы все здесь было как нужно, потребуется еще несколько недель. А потом мы подумаем о представлении вас ко

двору, леди Аврора. Что вы скажете?

— Все это словно сон, — ответила Аврора. — Даже не верится, что я живу в Лондоне.

— Придется поверить, — подтвердила Констанция. — Но моли Бога, чтобы жизнь здесь не превратилась в кошмар.

Улыбка сползла с лица Авроры, и она печально уставилась в тарелку.

Вторая ночь в новом доме прошла у Авроры не так гладко. Несмотря на то, что они с Констанцией целый день работали не покладая рук, она не могла сразу заснуть. Ее встревожило и озадачило мрачное замечание Констанции за завтраком. И, как всегда, ей не давали покоя мысли о Блэклоу и мечты о новой встрече с ним. Девушка заснула только под утро и то ненадолго. Усталая и измученная, Аврора думала, что не сможет работать так же напряженно, как накануне.

К ее удивлению, в последующие несколько дней у нее не оставалось времени, чтобы с грустью размышлять об отсутствии Блэклоу, потому что Констанция энергично занялась подготовкой почвы для ее представления ко двору, включив и ее в работу.

Аврора узнала, что у вдовы много друзей в Лондоне. Констанция написала записки нескольким своим друзьям и через день к ним пожаловала с визитом немолодая дама — близкая подруга матери Констанции.

Леди Бартоломью выглядела весьма импозантно. Невысокая дородная дама, которая, однако, двигалась с грацией молоденькой девушки, имела крашенные в рыжий цвет волосы — несомненно, чтобы походить на обожаемую королеву, — и выщипывала брови, превращая их в тонкую ниточку. Сильно нарумяненные щеки и полуопущенные веки придавали ее лицу обманчиво-сонный вид, хотя взгляд глубоко посаженных карих глаз отличался цепкостью. Платье из черного бархата, строгость которого скрашивали тысячи крошечных жемчужинок на рукавах и вороте, делало ее похожей на статс-даму. На каждом ее пальце сверкали кольца с бриллиантами и рубинами.

Для встречи с ней Аврора оделась особенно тщательно — в платье из золотистого атласа. На ноги она надела такого же цвета туфельки без задников, шею украсила колье в виде золотой цепи. Волосы она собрала в пучок, заколов их изящными жемчужными шпильками.

— Какая милашка, — с одышкой проговорила леди Бартоломью, окинув взглядом Аврору.

— Это леди Аврора, моя молоденькая кузина, которая приехала ко мне недавно.

— Со стороны отца или матери? — поинтересовалась гостья, располагаясь в единственном кресле, стоявшем в комнате. Кресло жалобно скрипнуло под ее весом.

— Со стороны матери, — с невозмутимым видом солгала Констанция. Она подготовила подробное жизнеописание Авроры и могла, как и Аврора, ответить на любой вопрос.

Леди Бартоломью покачала головой.

— Значит, из семейства ле Греев. Они всегда отличались плодовитостью, как кролики. Я никак не могу упомянуть всех твоих кузин. Посмотрим, на кого она похожа. Та-ак, у нее волосы Катерины, но нос как у Маргариты. Что-то я совсем запуталась. — Она рассмеялась, уставившись на девушку пронизательными карими глазами.

— Как тебе нравится Лондон, дитя мое?

— Очень нравится, миледи, — ответила Аврора, — хотя пока я еще мало видела. На улице очень шумно, но мне нравится сидеть у окна и смотреть на лебедей.

— Хороший ответ хорошей девочки. И недели не пройдет, как за этой маленькой

лисичкой будет бегать целая свора борзых!

— Анна! — с упреком воскликнула Констанция. Леди Бартоломью усмехнулась:

— Я говорю правду, и ты знаешь, Констанция. Самое лучшее — добиться, чтобы ее сделали фрейлиной. В Лондоне быть фрейлиной — самое безопасное место для девушки, хотя и оно имеет свои недостатки: королева зорко наблюдает за ними.

— Извините, леди Бартоломью, но что такое фрейлина? — спросила Аврора.

Гостья улыбнулась.

— Ах вы, деревенские жители... Фрейлины — молодые девушки благородного происхождения, обязанность которых — составлять живописный фон для королевы. Фрейлины гуляют с королевой в саду, играют, поют и читают ей. Королева следит за их манерами и нравственностью, как будто каждая из них ее дочь.

— Я думаю, что для Авроры — самое подходящее место, Анна, но как ее устроить туда?

— Не тревожься. Я позабочусь. А ты только постарайся, чтобы она побыстрее была представлена ко двору.

— Я так и сделаю.

Задержавшись еще на две минуты, гостья отбыла, пообещав прийти через два дня на хороший обед.

— Как понравилась тебе Анна Бартоломью? — спросила Констанция, когда дама ушла.

В общем и целом Авроре гостья понравилась, хотя при ней надо держать ухо востро и следить за своим поведением, потому что леди слишком проницательна.

— Она, кажется, хороший человек и очень горячо берется за дело, — осторожно промолвила Аврора.

— Да, она такая. Хорошо иметь при дворе такого друга, особенно когда у человека есть проблемы. Если она займется тобой, твое положение будет весьма устойчивым, хотя при дворе редко бывает устойчивое положение.

— Она знает лорда Блэклоу?

— Когда-то знала, — коротко ответила вдова, поставив точку в их разговоре.

На следующей неделе Констанция познакомила Аврору с наиболее известными при дворе молодыми джентльменами и дамами. Они пригласили с собой Аврору на соколиную охоту. Аврора с удовольствием вдыхала свежий декабрьский воздух и любовалась заснеженными полями, прислушиваясь к нежному звяканью маленьких колокольчиков на колпачках птиц, которое напомнило ей о колокольном звоне в родной деревне. Как давно она не слышала его! Казалось, он существовал в какой-то другой ее жизни. Во время охоты не осталось без внимания особое умение Авроры обращаться с животными: соколы в ее руках сразу же успокаивались. Вся компания заметила ее свойство, и Аврора оказалась в центре внимания.

Она вернулась с прогулки домой, переполненная впечатлениями. Констанция тем временем принимала визитеров, которые приехали, чтобы познакомиться с ее кузиной. К своему большому удивлению, Аврора вскоре приобрела популярность среди придворных, которым была представлена, и радовалась своему успеху. Мысленно она благодарила Блэклоу за то, что он своевременно позаботился об ее обучении. Без полученных знаний она никогда не смогла бы добиться популярности.

— Ну, что теперь ты думаешь о Лондоне? — спросила как-то раз Констанция, когда Аврора готовилась отправиться спать.

— Здесь чудесно, — заявила девушка. — Теперь я, наверное, не смогла бы жить без

Лондона.

— Однако будь осторожнее, — предупредила вдова. — Не забудь, что рядом могут оказаться шпионы.

Шпионы? Аврора скорчила гримасу. Она ничего не знала и не хотела знать ни о каких шпионах. Слишком уж хороша жизнь! Только одного ей не хватало в ней: присутствия Джайлза.

Она вздохнула. Но какой смысл мечтать о несбыточном? Он приедет в Лондон, только когда сможет. Она будет ждать его, хотя период ожидания всегда будет казаться ей слишком долгим.

ЧАСТЬ IV
1585 год

— Что ты подарила королеве на Новый год, Мэралайн? — спросила юная Мэри Прентис.

— Набор из четырнадцати бронзовых пуговиц, украшенных розовыми жемчужинами, — ответила Мэралайн Чемблет. — Между прочим, безумно дорогой.

— Не сомневаюсь, — ответила Мэри. — Ты всегда делаешь дорогие подарки! — Ее заурядное личико можно бы даже назвать хорошеньким, если бы она не потупляла взгляд, не краснела и почаще улыбалась. Ее единственное украшение — простенькое колечко с жемчугом на правой руке — ей подарила мать перед смертью. Самая тихая и застенчивая среди девушек, она просто обожала Мэралайн. Ее приводили в отчаяние собственные длинные прямые светло-русые волосы. При английском дворе модными считались волосы рыжие или белокурые, и женщина с другим цветом волос рано или поздно их перекрашивала. Но Мэри считала, что если она выкрасит волосы, то они у нее выпадут и ей придется носить парик. Подружки смеялись над ее опасениями. Хорошо им смеяться, когда природа наделила их рыжими или белокурыми волосами!

Мэралайн в свои семнадцать лет выглядела хрупкой белокурой красавицей с нежным личиком, капризными алыми губками и высоким лбом, говорившим, однако, не об интеллекте, а о том, что линия волос тщательно подбривалась. Взгляд ее больших голубых глаз, обрамленных светлыми ресницами, нельзя было назвать невинным. Она была значительно ниже ростом, чем остальные девушки, но явно верховодила ими. Единственная дочь в очень богатой дворянской семье, она твердо намеревалась очень удачно выйти замуж.

Дорогое платье из малинового бархата, лиф и рукава которого украшали золотые пуговицы и речной жемчуг, очень шло ей. Спереди подол платья открывал расшитую золотой и серебряной нитью нижнюю юбку. В ее светлых волосах поблескивали украшенные драгоценными камнями заколки.

— А ты что подарила ее величеству? — в свою очередь спросила Мэралайн.

Мэри покраснела до корней волос и, чуть заикаясь, ответила:

— Вышитый... носовой платочек.

— Как... мило, — улыбнулась Мэралайн, сверкнув ровными белыми зубками. — А ты, Роксана? — спросила она, повернувшись к девушке с ярко-рыжими волосами и белым, словно фарфоровым личиком. Тринадцатилетняя, она была самой младшей среди девушек, однако тело ее уже округлилось в нужных местах.

— Я подарила ее величеству гобелен, над которым трудилась больше года. Я считаю его дорогим подарком, — проговорила Роксана Норвилл, семья которой занимала более высокое положение, чем семья Мэри. Однако из-за того, что Норвиллы имели одиннадцать детей, семья уже не могла относиться к таким богатым феодалам, как прежде. Роксана хотела бы заключить более выгодный брак, чем ее мать.

— Ну что ж, Мэри, придется тебе придумать в следующем году подарок получше.

Мэри кивнула.

По существовавшей при дворе традиции в первый день нового года все придворные и королевские слуги одаривали подарками своего суверена. Елизавета получала деньги, предметы одежды, драгоценности, вышитое белье, сладости и такие новинки, как наручные часы. Дарители вознаграждались пластиной драгоценного металла из сокровищницы

британской короны, вес которой соответствовал их положению при дворе.

Мэралайн как фаворитка среди фрейлин могла похвастать весьма внушительной коллекцией пластин, которым она вела строгий учет. Недалек тот день, когда она накопит внушительное приданое, которое поможет ей заполучить высокопоставленного мужа.

— При дворе появилась новая девушка, — сообщила вдруг Роксана, лукаво поглядывая на остальных, как будто опасаясь, что ее заставят замолчать.

— Вот как? — Мэралайн театрально вздернула брови. Как-то раз один весьма пылкий поклонник сказал, что у нее исключительно выразительные брови. Он даже написал о них поэму и переложил ее на музыку. С тех пор Мэралайн частенько поднимала брови.

— Да. Ее зовут Аврора ле Грей. Судя по всему, она из титулованной знати.

На Мэралайн сообщение, кажется, не произвело особого впечатления.

— Я тоже ее видела, — подтвердила Мэри. — Она очень хорошенькая. Конечно, не такая хорошенькая, как ты, Мэралайн.

— Спасибо. Я ее не видела и даже не слышала о ней. Откуда она?

— Я слышана, она из деревни и приходится кузиной Констанции Уэсткотт, — произнесла впервые заговорившая Элис Вон.

Элис, старшая по возрасту среди девушек, в свои двадцать с небольшим чувствовала себя с ними не в своей тарелке. Высокого роста, с кудрявыми волосами цвета спелой пшеницы, широко расставленными карими глазами и вздернутым носиком, она предпочитала носить одежду в коричневых и золотистых тонах, потому что однажды ей сказали, что только такие цвета идут ей. Борясь с привычкой грызть ногти, она частенько сидела в сторонке, сложив длинные тонкие руки на коленях.

— А-а, родственница той пожилой дамы? Едва ли она может представлять интерес. — Мэралайн пожала плечами, словно сбрасывая со счетов Аврору как потенциальную соперницу. Однако ее притворное безразличие отнюдь не означало, что она не будет бдительно следить за неизвестно откуда появившейся девушкой.

Аврора, поглощенная представлением ко двору, даже не заметила, что за ней зорко наблюдают. К тому же за последнюю неделю она не без удовольствия обнаружила, что у нее появилось несколько поклонников. Некоторые из них относились к седовласым джентльменам, внушки которых зачастую оказывались старше ее, а некоторые — ее ровесницами. Другие — к сыновьям титулованных особ. Она с удовольствием флиртовала и со старыми, и с молодыми.

Теперь она использовала все приемы тонкого искусства флирта, которым обучила ее Констанция, и не раз мысленно благодарила вдову за уроки.

С удивлением Аврора заметила, что имеет большую власть над ухаживающими за нею мужчинами: они были готовы сделать для нее все, что угодно. Если она роняла перчатку, они бросались ее поднимать, если изъявляла желание почитать какие-то стихи, ей немедленно доставляли нужный том. Если она испытывала жажду, ей тут же приносили несколько бокалов вина на выбор. Стоило ей всего лишь приподнять изящную бровь, как пылкие поклонники бросались вперед, намереваясь сражаться за право услужить ей.

Однако в отличие от многих дам при дворе, она не злоупотребляла своей властью. Ее всего лишь забавляло такое внимание. Ни один из джентльменов, каким бы галантным он ни был, не затронул ее сердца, которое принадлежало Джайлзу Блэклоу.

Прошел почти целый месяц, и Аврора начала думать, что никогда больше не увидит Блэклоу. И вдруг он наконец появился.

Однажды поздно вечером, вернувшись после танцев при дворе, Аврора сразу же отправилась спать. Раздеваясь, она полюбовалась из окна на реку, поверхность которой поблескивала в лунном свете, потом забралась в постель. Не успела она заснуть, как услышала тихий звук открывшейся и закрывшейся двери. Сердце у нее заколотилось от страха. Она шепотом спросила:

— Кто там?

Скрипнула половица, и тихий голос произнес совсем рядом:

— Так-то ты встречаешь гостя?

— Джайлз!

Она бросилась в его объятия. Они целовались, крепко прижимаясь друг к другу, он гладил ее волосы. Наконец, они на мгновение отстранились друг от друга, чтобы перевести дыхание.

— Я так по тебе скучала, Джайлз, — положила она голову ему на плечо.

— Я тоже, дорогая, — ответил он, целуя ее в губы. — Чем ты занималась в течение последнего месяца? Не шалила?

— Ах, Джайлз! Я чудесно провожу время во дворце. Однажды мне показалось, что я видела королеву, хотя кто-то сказал мне, что это все-таки не она. Значит, я пока ее не видела.

— Будь осторожна, малышка, когда наконец встретишь ее. Хитрая старая лиса иногда может видеть то, чего никто не видит, хотя временами бывает слепа, как крот.

Аврора кивнула, догадываясь, что он имеет в виду то, что произошло с ним.

— Я буду осторожна. Я каждый вечер танцевала и смотрела представления. Мне кажется, что Лондон великолепен.

— И у тебя, наверное, толпа поклонников, не так ли? — явно поддразнивал он ее. — Признавайся, маленькая соблазнительница.

— Так и быть. Да, у меня есть несколько поклонников.

— Несколько?

— Ну да, всего какая-то горстка.

Он рассмеялся.

— Кокетка. У тебя наверняка целая вереница обожателей, по одному на каждый день месяца.

— Не совсем, — печально молвила она.

— Но почти, не так ли?

— Почти. — Она помолчала. — И леди Бартоломью, подруга матери Констанции, часто навещает нас. Она говорит, что из меня получится превосходная фрейлина и что она поговорит обо мне с королевой!

— Леди Бартоломью? Старая дама? — Аврора кивнула. — Я очень рад, что ты делаешь такие успехи, малышка.

— Я добилась бы еще больших успехов, если бы ты был рядом, — заметила она.

Он покачал головой.

— Нет, дорогая, нет. Такое просто невозможно.

Она вздохнула. Может быть, если она познакомится с королевой, то сможет поговорить с ней относительно Блэклоу и заставит государыню понять, что он ни в чем не виноват. И он сможет снова вернуться ко двору.

— Ну, что новенького при дворе, любовь моя? Какие ходят сплетни?

— Боюсь, я мало что знаю. Ведь я до сих пор понятия не имею, кто есть кто при дворе, так что мне часто бывает трудно понять, о чем идет речь; хотя от леди Бартоломью — а она большая любительница поговорить — я узнала, что одной из фрейлин пришлось срочно отбыть в родовое поместье на севере. Некоторые говорят, что у нее в семье кто-то тяжело заболел, тогда как другие утверждают, что она беременна.

— Какой скандал! — пробормотал он.

— Тебе смешно, — упрекнула она.

— Немножко. — Он помолчал. — Что-нибудь еще, дорогая?

— Могу добавить только, что примерно через неделю двор переезжает. Никто до сих пор не знает, в Ричмонд или в Гринвич. Мне все равно, потому что я нигде не бывала. Интересно, почему королева и двор так часто переезжают? В апреле двор будет в Виндзоре, к Страстной неделе вернется в Уайтхолл, а летом совсем уедет из Лондона.

— У них есть целый ряд причин практического характера. Ни один дворец не смог бы выдержать присутствие двора в течение целого года. Нужна генеральная уборка и санитарная обработка помещения. А летом в Лондоне жарко и возникают всякие эпидемии. Так что двор уезжает оттуда по соображениям охраны здоровья.

— Понятно.

— Ты поедешь вместе с ними?

— Не знаю. Я еще не знаю, принята ли я при дворе. И не уверена, что хочу стать придворной, — добавила она. — И потом, если я уеду с двором, то мы с тобой не сможем видеться.

— Не беспокойся, малышка. Мы что-нибудь придумаем. Верь мне. — Он погладил ее волосы и нежно поцеловал в губы. — Что-нибудь еще ты слышала?

— Что ты имеешь в виду? Да, совсем забыла: раздаются обычные недовольные высказывания относительно Марии, кузины Елизаветы, которая правила Скоттами и которую не любили многие придворные, причем не только за то, что она вышла замуж за французского принца, но и за то, что была римской католичкой.

— Говоришь, обычные высказывания? И ничего необычного?

— Нет.

Увидев ее озадаченный взгляд, он улыбнулся.

— Пусть я больше не бываю при дворе, но мне очень важно знать все, о чем там говорят. Спасибо, моя милая, ты проделала хорошую работу. Продолжай слушать и наблюдать. Для меня все очень важно.

Ей хотелось спросить, зачем ей нужно продолжать слушать и наблюдать и почему она должна оставаться осторожной, но она не стала задавать вопросов, сегодня она просто хотела быть с ним, со своим любимым.

— Джайлз?

— Да, моя дорогая?

— Поцелуй меня, обними, я так соскучилась по тебе.

— С радостью.

Он принялся целовать ее. Его губы, обласкав веки и щеки, стали гладить и нежить ее груди. Она откинула назад голову, чтобы он мог поцеловать ямочку под горлом.

Ее руки стали нетерпеливо расстегивать его рубашку. Дрожа от возбуждения, она провела рукой по волосам на его груди. Тяжело дыша, Блэклоу снова уложил ее на подушку и быстро разделся.

Вновь вернувшись в постель, он осыпал поцелуями ее губы, груди, напрягшиеся соски. Почувствовав, как его рука скользнула между ее бедрами, она застонала от наслаждения и широко раскинула ноги, испытывая нестерпимое желание.

Стремясь доставить ему такое же наслаждение, какое он доставлял ей, она взяла обеими руками символ его мужественности и с нежностью провела кончиками пальцев по всей длине, воспаляясь от своего прикосновения. Бархатистый и твердый, он пульсировал в ее руке. Она почувствовала, как задрожал Блэклоу.

Его руки прошли по ее ногам, животу, груди, и Аврора застонала. Он продолжал ласкать ее, ее желание нарастало, и когда она почувствовала, что ждать больше не может, она выкрикнула его имя, и он без труда вошел в нее.

Ритмично двигаясь, он погружался в нее с каждым разом все глубже. Горячая волна захлестнула ее, ногти впились в его кожу, и она выгнулась ему навстречу. В ушах у нее шумело, она закусил губы и почувствовала соленый привкус крови. Она вскрикнула одновременно с ним от испытанного блаженства. Их движения постепенно прекратились, и они лежали, обессиленные, крепко прижавшись друг к другу влажными телами. Оба некоторое время молчали, потом он пошевелился, удовлетворенно вздохнул и поцеловал ее в губы, все еще пылающие от страсти. Его губы по сравнению с ее казались прохладными, и она с удовольствием вдохнула исходивший от него мускусный запах. Ей показалось, что она даже ненадолго задремала. Пошевелившись, она окликнула его.

— Еще? — спросил он. Она кивнула, и он хохотнул. На сей раз все происходило медленнее, чем прежде, причем каждый старался позволить другому достичь вершин наслаждения. Усталые, и насытившиеся, они лежали рядом, то засыпая, то просыпаясь вновь.

Рассветало. Где-то вдали уже щебетали птицы. С реки доносились хриплые голоса, отдававшие команды.

— Я должен идти, — проговорил он.

— Не уходи. Побудь еще немного, Джайлз. — Она схватила его. Ей хотелось бы, чтобы он остался с ней навсегда, хотя она знала, что он должен уйти.

— Я вернусь еще, Аврора. — Он поцеловал ее в губы. — Поверь, но мне нужно уйти пока не рассвело окончательно, чтобы меня никто не увидел.

Она понимала, что он прав, но ей очень не хотелось его отпускать.

— Хотелось бы мне, чтобы ты смог остаться.

— Мне тоже, но я не могу. — Он поднялся и стал одеваться. Потом наклонился над ней и поцеловал в лоб. — Я приду снова. Обещаю тебе, дорогая.

Она кивнула, обняла его и долго смотрела ему вслед. На глаза навернулись слезы, но она приказала себе не плакать. Еще не конец света!

Январские снегопады заставили двор переместиться вверх по течению Темзы, в Ричмонд. По дороге, когда они переезжали на новое место, Констанция рассказала Авроре, что некогда здесь находился великолепный дворец, который стал любимым домом Эдуарда III и Ричарда II. Столетие тому назад старое здание почти дотла сгорело во время пожара. Генрих VII построил новый дворец, не поскупившись на расходы. Когда королевскую резиденцию построили, он переименовал ее в Ричмонд в память об имени, которое носил, до того как стал королем.

Вскоре после прибытия на место Аврора отправилась осматривать дворец. Она увидела, что личные покои королевы украшены четырнадцатью остроконечными башенками с декоративными флюгерами и что в церкви — в отличие от приходских церквей, которые ей приходилось видеть, — имелись скамьи. Но самой удивительной особенностью дворца оказалась башня, и Аврора, взобравшись наверх по ста двадцати ступеням лестницы, смогла полюбоваться открывавшимся оттуда великолепным видом на извивающуюся ленту Темзы, Хэмптонский дворец, расположенный вверх по течению реки, и прикрытый туманной дымкой Лондон — на востоке. Поля вокруг напоминали лоскутное одеяло в коричневых и белых тонах; виднелись леса и перелески, пологие холмы и Темза, поблескивающая в лучах солнца. Наверху гулял ветер, и Авроре стало холодно. Зябко поеживаясь, она торопливо спустилась вниз.

Аврора отправилась к Констанции, чтобы погреться перед камином и поделиться впечатлениями от увиденного с башни. Аврора села на стул у огня, Люси немедленно прыгнула к ней на колени, чтобы подремать. Они немного поговорили, но Констанция вскоре устала, и Аврора отправилась в свою комнату, смежную с комнатой Констанции.

Оставшись одна, Аврора некоторое время лежала в темноте, но потом соскользнула с кровати и подошла к окну. Ночь стояла прекрасная. Темза блестела в лунном свете. Интересно, где сейчас Джайлз?

Два дня спустя во дворе устроили празднество по случаю переезда двора в Ричмонд. Аврора пребывала в радостном возбуждении, потому что предполагалось выступление театра масок. Она долго обдумывала свой наряд и наконец остановила выбор на новом пикейном желтом платье с белой батистовой кокеткой, отделанной рюшем, и красными рукавами. Наряд завершала черная фетровая шляпа, украшенная синим страусовым пером. Она надела также колье в виде золотой цепи и единственное кольцо на руку.

Одевшись, она взяла веер из птичьих перьев и, пожелав Люси приятного вечера, постучала в дверь Констанции. Дверь сразу же открылась.

— Вы выглядите великолепно! — воскликнула Аврора.

Констанция надела красное платье, открывавшее спереди изящную нижнюю юбку в розовых и серебристых тонах, отделанную бахромой. К поясу юбки она подвесила маленькое ручное зеркальце, веер и флакончик духов в серебряном футляре. На ногах красовались красные туфельки, в волосах и на пальцах сверкали драгоценные камни.

— Спасибо. Я подумала, что нам сегодня следует произвести хорошее впечатление. Там будет присутствовать королева, которой уже успела замолвить за тебя словечко леди Бартоломью.

— А как выгляжу я? — озабоченно спросила Аврора. — Может быть, мне следует

переодеться?

— Дитя, ты выглядишь превосходно, просто превосходно. Не тревожься ни о чем, иначе испортишь себе вечер.

— Хорошо, Констанция. Вы готовы?

Констанция кивнула, и они стали спускаться по лестнице. Аврора нервничала, но все-таки не так, как несколько недель тому назад. Констанция, кажется, успела простить ее. Они много времени проводили вместе, говорили буквально обо всем. Однако ни разу не упоминали о Джайлзе Блэклоу.

Внизу большой дворцовый зал выглядел потрясающе. Огромное помещение было переполнено множеством приглашенных: лордами и леди, рыцарями и посланниками, артистами и слугами — и освещалось тысячами свечей, сияние которых благодаря большим размерам помещения казалось золотистым. В одном конце зала тихо наигрывали музыканты, в другом, неподалеку от трона королевы, — устроили подмости.

Аврора глядела во все глаза, пораженная такой бурной деятельностью. Констанция познакомила ее еще с каким-то людьми, и во время театрального представления они сидели в одном из первых рядов. Аврора с восторгом наблюдала, как переодетые в соответствующие костюмы лорды и леди произносили свои реплики. Разыгрывалась комедия масок, и королева с удовольствием и благодарностью смотрела представление.

Аврора время от времени украдкой бросала взгляд на верховную правительницу. Одета исключительно в красные, белые и золотые тона, она выглядела величественно. Ее плюшевый воротник украшали жемчужины и бриллианты, рыжие волосы блестели при свете канделябров. Констанция говорила ей, что королева носит рыжий парик, но даже парик не испортил впечатления, которое королева произвела на Аврору. Монархиня, хоть и не молода, но таковой не выглядела — на ее белом лице не было морщин, а когда она смеялась — что случалось довольно часто — она становилась гораздо моложе своего возраста. Проницательный взгляд ее темно-синих глаз почему-то напомнил Авроре взгляд сокола.

В конце концов довольно длинная и ужасно глупая комедия закончилась, и импровизированные актеры и актрисы получили массу комплиментов с бурными аплодисментами аудитории. Аврора и Констанция поднялись с мест, но толпа неожиданно разъединила их.

Аврора бродила по огромному залу и только теперь начала понимать, как много при дворе людей. Вокруг она видела десятки незнакомцев, хотя с декабря ее успели представить множеству людей. Должно быть, при дворе их многие сотни. Трудно, наверное, организовать все подобающим образом для такой массы людей.

Группа девушек примерно ее возраста внимательно разглядывала ее, и Авроре даже показалось, что она уже встречалась с ними. Но тут одна из девушек, светлая блондинка, одетая в платье зеленых и серебристых тонов, посмотрела на нее так сердито, что Аврора отвела взгляд, почувствовав себя весьма неуютно. Ей захотелось поскорее найти Констанцию. И тут Констанция окликнула ее.

— Вот и ты, дитя! — Констанция положила руку на ее плечо. — Я повсюду тебя искала. Пойдем, я хочу тебя познакомить кое с кем.

Аврора кивнула и послушно последовала за ней.

Позади группы пожилых мужчин стоял молодой человек примерно ее возраста. При их приближении он повернулся к ним и радостно улыбнулся. У него было красивое узкое лицо, глаза приятного серого цвета и темные волосы, светло-русая с рыжиной бородка и аккуратно

подстриженные усы. Одежда его более темных тонов, чем у большинства молодежи, привлекала внимание.

— Ричард, это моя кузина Аврора де Грей. Аврора, это Ричард де Сейревилл.

— Как поживаете? — с улыбкой протянула ему руку Аврора.

— Рад познакомиться с вами, — произнес он, изящно склонившись к ее руке. — Я и не знал, что ваша кузина такая красавица.

Констанция улыбнулась.

— Моя юная кузина приехала из деревни, а там у людей более здоровый образ жизни, Ричард.

Аврора приподняла бровь.

— Какой вздор! — заявила она, и, к ее удовольствию, молодой человек добродушно рассмеялся.

— Ричарда ничем не выведешь из себя, — сказала Констанция. — Он один из самых уравновешенных людей, каких я знаю.

— Спасибо, — вежливо поклонился он. — Только мой отец придерживается совсем иного мнения. Надеюсь, оба мнения окажутся отчасти справедливыми.

— Я оставлю вас ненадолго, — заявила Констанция. — В другом конце зала я увидела свою старую знакомую. — Констанция улыбнулась им и начала пробираться сквозь толпу.

Аврора догадалась, что Констанция познакомила ее с Ричардом, чтобы отвлечь от мыслей о Блэклоу. Аврора совсем не уверена, что ее затея удастся, хотя следовало признать, что Ричард де Сейревилл показался ей весьма приятным молодым человеком, и она теперь не чувствовала себя здесь такой одинокой, как весь вечер.

— Насколько я понимаю, вы при дворе впервые, — осведомился он.

— Почти. Хотя мне еще никогда не приходилось бывать на официальных приемах. Всю свою жизнь я прожила в загородном поместье и только накануне Рождества переехала жить к Констанции.

— Лондон много потерял без вашего прекрасного личика; с ним здесь стало светлее.

— Вы преувеличиваете, сэр.

— Я говорю правду. — Он улыбнулся. — А чем занимаются ваши родители, госпожа де Грей?

— Моя мать умерла, когда я была маленькой. Отец в настоящее время путешествует за границей, но к концу года предполагает присоединиться к нам в Лондоне. — Она заучила свою историю, но все-таки чувствовала себя неловко и надеялась лишь, что он не заметит ее вранья. — А вы из какой семьи, сэр?

— Увы, я единственный ребенок, оставшийся в живых, — остальные дети умирали в младенческом возрасте, а поэтому моя мать всю жизнь старалась защитить меня от любых невзгод. Правда, мой отец считает, что я должен испытать в жизни все, особенно боль и страдания.

Улыбка не сходила с его лица, но глаза оставались серьезными. «Интересно, что за человек его отец?» — подумала Аврора.

Молодые люди некоторое время наблюдали за танцующими. Когда закончился один танец и начался другой, Ричард пригласил ее танцевать. Он оказался исключительно хорошим танцором, и Аврора порадовалась тому, что научилась танцевать.

Ричард познакомил ее со своими друзьями, но тут Аврора снова поймала на себе неприязненный взгляд низенькой блондинки. Уверенная, что девушка стоит у нее за спиной,

Аврора резко повернулась, но увидела, что девушка оживленно разговаривает о чем-то со своими подругами. Аврора нахмурила брови.

— Что случилось?

— Кто она? — спросила Аврора, указав на девушку кивком головы.

— А-а, эта, — произнес он безразличным тоном. — Да, собственно говоря, никто. Пойдемте, Аврора, потанцуем еще. Музыканты играют мою любимую мелодию.

Ричард и Аврора оставались вместе, пока Констанция, наконец, не нашла их и не сказала, что уже поздно и им пора уходить. К собственному удивлению, Авроре уходить не хотелось. Но она устала, потому что не привыкла столько танцевать, пить тонкие вина, тем более разговаривать с гостями. Подавив зевок, она пожелала Ричарду доброй ночи и ушла вместе с Констанцией.

Когда они поднимались по лестнице, Констанция оглянулась:

— Кажется, ты ему очень понравилась, дорогая.

— Вот как? — Она с удовольствием находилась сегодня в обществе Ричарда, но совсем не собиралась рассматривать его как потенциального жениха, как бы ни хотелось Констанции. Однако он нравился ей больше, чем кто-либо другой из ее поклонников.

— Да, заметь, де Сейревиллы — очень хорошая семья. Мать — женщина умная и элегантная. Лорд де Сейревилл бывает иногда невыносим, но он красив и так же обаятелен, как его сын.

Аврора промолчала.

— Ты меня слушаешь?

— Да, Констанция, слушаю. Мне очень понравился Ричард, но... — Она замолчала.

— Но что? — резко спросила Констанция.

— Не знаю. — Аврора пожала плечами. — Просто меня к нему не влечет.

— Иногда браки заключаются не на основе влечения, а по соображениям выгоды для обеих сторон. Осмелюсь напомнить тебе, что у тебя нет приданого, так что ты не можешь себе позволить быть слишком разборчивой.

— Я и не знала, что одна из целей моего приезда в Лондон и представления ко двору заключается в том, чтобы найти мне мужа.

— Все незамужние девушки должны стремиться к семейной жизни.

— Понятно. — Они почти дошли до дверей своих комнат, и Аврора, остановившись, повернулась к вдове. Понизив голос до шепота, она спросила:

— Вы думаете, лорду Блэклоу когда-нибудь будет позволено вернуться ко двору?

— Нет, — решительным тоном ответила Констанция.

— Но ведь...

— Нет. Джайлз не сможет вернуться ко двору. Если бы он попробовал, то обрек бы себя на смерть. Вот так-то, Аврора.

Аврора побледнела. Но что можно возразить на такое безапелляционное заявление?

Далеко не всех при дворе так очаровала новая красавица, как Ричарда де Сейревилла. В последующие недели Аврора все больше и больше убеждалась в таком мнении. Каждая случайная встреча с молодой блондинкой — а встречи происходили часто и неизбежно в замкнутом кругу придворных — оставляла у Авроры неприятный осадок. Она понятия не имела, чем вызвала неприязнь девушки, ведь их даже познакомили только на прошлой неделе. Но когда они встречались, Мэралайн Чемблет едва удерживалась в рамках приличия.

— А вот и наша новая деревенская кузина пожаловала, — оповестила всех Мэралайн Чемблет, жестом указывая на входившую в комнату Аврору. — Похоже, она до сих пор не избавилась от запаха скотного двора.

Девушки, окружавшие Мэралайн, захихикали — все, кроме Мэри, которая боязливо посмотрела на своих подружек.

— В чем дело, Мэри? Или ты боишься, что она может подслушать?

— Вовсе нет. Просто я подумала... — Мэри не закончила фразу и потупилась.

— Подумала что? — с запинкой произнесла Мэралайн, передразнивая Мэри.

— Она хорошенькая. А я думала, что она будет похожа на корову... ну, потому что она из деревни.

— Похожа на корову? — рассмеялась Роксана неприятным визгливым смехом.

— Она довольно высокая, — заметила Элис. — Почти такого же роста, как некоторые мужчины.

— Да уж. Как, наверное, неприятно смотреть на них глаза в глаза, — заметила Мэралайн. — Как ей удастся флиртовать с ними?

— Я слышала, что Ричард де Сейревилл влюбился в нее.

— Ах, Элис, Ричард де Сейревилл влюбляется в каждую юбку.

Элис сочла за благо промолчать. Она знала, что для этого юноши из благородного семейства у Мэралайн всегда находятся особенно ядовитые замечания. Она не знала почему, но предполагала причину в том, что он отверг ее.

Роксана пожала плечами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Когда при дворе появляется новая девушка, о ней много всякого говорят; но об Авроре я ничего такого не слышала, а вы? Те, кто с ней познакомился, считают ее весьма обаятельной. — Она скорчила гримасу.

— А я кое-что слышала, — спокойно заключила Мэри, и все немедленно повернулись к ней.

— И что же ты слышала?

— Я слышала, что у нее есть кошка. Черная кошка. И она с ней разговаривает...

По белому лицу Мэралайн медленно расплзлась улыбка. Она окинула взглядом подружек, которые ее хорошо понимали. Элис и Роксана тоже начали улыбаться. Одна Мэри не понимала, что происходит.

— Не смотри в ее сторону, — приказала Констанция своей подопечной. — Игнорируй ее присутствие.

— Но я не могу, мне трудно. — Авроре все-таки удалось не бросать взгляды в направлении белокурой девушки. — Что я ей сделала? Почему она относится ко мне, как к

врагу?

— Все очень просто: ты появилась при дворе. Для таких, как она, этого достаточно. Ты появилась здесь и привлекла к себе внимание многих мужчин, и Мэралайн Чемблет сочла тебя своей соперницей.

— Но это глупо!

— Возможно, но таковы уж женщины, подобные Мэралайн. Я предупреждаю тебя, не поворачивайся к ней спиной, когда она рядом, она без тени сожаления вонзит в тебя кинжал — в переносном смысле, конечно... но возможно, и в буквальном. Бывали случаи, когда такое происходило даже в среде самых высокородных особ. Но что бы ни случилось, никогда не выступай против нее на людях и не давай ей повода злословить о тебе. Поняла?

Аврора кивнула.

Они с Констанцией отправились к столу, заставленному закусками и напитками, чтобы выпить вина и отведать деликатесов, а Мэралайн тем временем зорко следила за каждым их шагом.

В течение последующих нескольких дней Аврора все сильнее ощущала пристальное недоброжелательное внимание Мэралайн к своей особе и заставляла себя не таращиться на нее в ответ, хотя нелегко было переносить, когда Мэралайн отпускала по ее адресу ехидные замечания, уверенная в том, что Аврора их слышит.

В какой-то момент глаза Авроры защипало от слез, и она поняла, что ей лучше уйти. Она вернулась в свою комнату наверху и легла на кровать. Люси сразу же оказалась рядом с ней и, перевернувшись на спину, громко замурлыкала. Аврора, поглаживая живот кошки, размышляла о Мэралайн. Что ей делать? Если она не станет обращать на нее внимания, девушка будет продолжать злословить о ней, а если она подойдет к девушке, Мэралайн, несомненно, удвоит усилия.

— Ах, Люси, что мне делать?

Люси замурлыкала еще громче и, открыв один глаз, посмотрела на хозяйку.

Аврора рассмеялась и крепко прижала к себе кошку.

Прежде всего ей необходимо продолжать бывать при дворе и оставаться любезной. Иными словами, обыграть Мэралайн в игре, которую та затеяла.

Ричард видел, что Мэралайн расстроила Аврору, и посоветовал ей не обращать внимания на девушку.

— Она ничего собой не представляет. Вообще таких, как она, никто не слушает.

Аврора печально улыбнулась.

— Я думаю, что вы немного наивны. Подобные женщины — да и мужчины тоже — всеми манипулируют.

Он вздернул брови — жест, который напомнил ей Блэклоу.

— Наивен? Я? Осмелюсь вам напомнить, моя деревенская мисс, что я при дворе гораздо дольше, чем вы! Я, можно сказать, родился при дворе и прожил здесь всю жизнь.

Она рассмеялась.

— Всю жизнь, старичок? Пусть вы даже прожили здесь много, много лет, все равно вы наивны.

— Может быть, в одном отношении.

— Ну, хорошо, — согласилась она. Ей не доставляли удовольствия словесные баталии, даже если они велись в шутку; они могли быстро перейти в серьезные разногласия, а ее внимание сейчас занимала Мэралайн. Она уже несколько минут наблюдала за ней.

— Она чувствует, что я гляжу на нее, не так ли?

— Конечно.

— В таком случае я не буду глядеть. — Она пожала плечами и, улыбнувшись, переключила все внимание на Ричарда.

— Спасибо, — шутливо поклонился он. — Теперь мы сможем поговорить как цивилизованные люди, то есть когда ваше лицо будет повернуто в мою сторону.

— Ох, Ричард, — упрекнула его Аврора и шутливо стукнула веером по предплечью. Опираясь на предложенную им руку, они отправились прогуляться.

Сегодня они играли в триктрак, причем Ричард оказался превосходным учителем. После триктрака несколько часов они вместе с другими придворными разгадывали загадки.

Ричард оказался большим умельцем в таком роде занятий и вполголоса поведал Авроре, что научился искусству отгадывания у своей матери.

Подали поздний ужин, состоящий из оленины, зайчатины, куропаток и разварной рыбы. Закончив ужин, Аврора и Ричард, решив поразмяться, прогуливались по большому залу.

Аврора кивнула нескольким знакомым и улыбнулась подмигнувшему ей пожилому джентльмену.

— Вижу, у меня появился соперник, — усмехнулся Ричард.

— Полно вам. Лорд Дэнби, конечно, заигрывает, но едва ли с серьезными намерениями. Думаю, что жениться он не собирается.

— Тем лучше, потому что он похоронил четырех жен, умерших при родах.

— Нет уж, покорно благодарю. Мне совсем не хотелось бы, чтобы такое случилось со мной.

Они остановились у стола с напитками, и Ричард взял для них по бокалу вина. Двинувшись дальше, Аврора искоса взглянула на своего компаньона. Он действительно был красив, забавен и очень, очень внимателен к ней.

— Ричард, можно задать вам один вопрос?

— Разумеется.

— Какую религию вы исповедуете?

Он с удивлением взглянул на нее.

— Естественно, я принадлежу к англиканской церкви. Я протестант.

— Понятно.

— А вы?

— Наверное, тоже. — Она отхлебнула вина, надеясь, что он не обратит внимания на ее ошибку.

— Наверное?

— Моя семья не очень религиозна. Нас с отцом исповедовал свой священник, но отец, уезжая, отказался от его услуг.

Аврора радовалась, что выпуталась из затруднительного положения.

— Почему вы задали такой вопрос? — спросил Ричард.

— Меня кое-что ставит в тупик. Конечно, вам, городскому жителю, меня не понять, — она улыбнулась, — но мы, деревенские, обычно терпимо относимся к другим, особенно к людям другого вероисповедания. К своему большому удивлению, здесь, в Лондоне, особенно при дворе, я заметила ненависть к католикам. Там, откуда я родом, многие люди, которых я знала и любила и которыми восхищалась, принадлежали к этой религии и оставались добропорядочными гражданами, верными слугами королевы, а вовсе не дьяволами, которыми их здесь изображают. Почему католиков так не любят? Что они сделали — или не сделали — чтобы вызвать такое враждебное отношение к себе? — Правда, ей достаточно вспомнить о Мэралайн Чемблет, чтобы понять, что возбудить ненависть можно и не делая ничего плохого.

— Вы выбрали очень трудную тему для разговора, Аврора. — Он вздохнул. — Поистине очень трудную тему.

— Извините.

Он улыбнулся.

— Позвольте мне попытаться ответить. Если что-нибудь будет непонятно, скажите. — Он отхлебнул вина и начал: — Менее века назад вся Англия исповедовала католичество. Но отец королевы, Старый Гарри^[5], пожелал развестись со своей первой женой и жениться на другой женщине. Католическая церковь отказалась признать развод, поэтому король порвал с ней и создал свою собственную англиканскую церковь. На римско-католическую церковь и папу обрушились страшные гонения: мужские и женские монастыри разгоняли, церкви сносили, а многое из того, что прежде принадлежало римско-католической церкви, пополнило королевскую казну. Разумеется, протестантам не удалось сохранить целостность своих рядов. От них начали отпочковываться секты, в частности пуритане^[6], которые признают протестантизм в чистом виде, без малейшего намека на что-нибудь «папское». Некоторые пошли еще дальше и стали считать католиков источником всех бед. Не помогло даже то, — продолжал он, — что Мария, единокровная сестра королевы, является католичкой. Ведь в ее время многих протестантов подвергали жестоким наказаниям. Когда наша королева взошла на трон, все очень радовались, потому что она является главой нашей церкви и обязана соблюдать строгость в отношении католиков. Она никогда не отличалась фанатизмом в вере и проявляла терпимость, однако в парламенте образовалось засилье пуритан, и ее советники заставили королеву занять твердую позицию, чтобы заслужить доверие своих подданных, поэтому Елизавета была вынуждена принять жесткие меры.

Католикам запретили проводить свои службы, предметы поклонения выбрасывались из церквей, алтари уничтожались и целые семьи католиков — благородных и простолюдинов — подвергались гонениям, а их земли конфисковывались.

Аврора вспомнила то, что рассказывал о своей семье Джон Максвелл, а также то, что земли Блэклоу тоже конфисковала корона.

— Одно время, — продолжал свой рассказ Ричард, — опасались вторжения иностранных вооруженных сил — в данном случае римских, французских и испанских католиков (у Филиппа II жена была испанка Мария Тюдор), которые традиционно являлись врагами Англии, а особенно кухни королевы, католички Марии, которая являлась и королевой Шотландии. Она стала следующей претенденткой на трон, а первый муж ее был французским принцем.

— Как сложно, — призналась Аврора. Ричард кивнул.

— Опасения королевы сильно подогревались несколькими покушениями на ее жизнь в недалеком прошлом.

Аврора охнула.

— Но кто может пожелать убить королеву?

— Оказывается, таких людей не так мало, например, фанатичные пуритане, считающие, что она слишком снисходительна к католикам, или фанатичные англиканцы, считающие, что она слишком многое прощает пуританам и католикам, или фанатичные католики, которые затаили на нее злобу. Мы изо дня в день живем в большом страхе, а когда она путешествует, ее сопровождает множество телохранителей.

«Фанатичные католики... Может быть, Джайлз Блэклоу относится к ним? — размышляла Аврора. — Разумеется, он затаил злобу на Елизавету. Но он никогда не пошел бы на такое страшное преступление».

— Но если королева отличается терпимостью, она не может не понимать, что причинила боль множеству людей? — воскликнула Аврора.

— Уверен, что она понимает, однако, как говорится, лес рубят — щепки летят.

— Мог бы какой-нибудь католик, например, являющийся добропорядочным гражданином, на основании того, что с ним обошлись ужасно несправедливо, убедить королеву, что в данном конкретном случае по отношению к нему проявлена несправедливость?

Ричард рассмеялся.

— Скажите, кто из нас двоих более наивен, Аврора? — Он покачал головой. — Извините, но так дела не делаются. Я, конечно, знаю, что среди католиков есть немало лояльных верноподданных, как и среди пуритан и англиканцев. Тем не менее...

— Тем не менее это хорошая мысль.

— Да. И могу добавить, за долгие годы многократно опробованная, хотя и абсолютно безуспешно. — Ричард оглянулся вокруг, не подслушивает ли кто-нибудь их разговор. — Боюсь, что королева видит и слышит только то, что ей самой желательно.

Аврора отхлебнула глоточек вина и вдруг уловила уголком глаза Мэралайн. Похолодев от страха, Аврора попыталась сообразить, много ли она успела подслушать и что из услышанного ей удастся использовать в своих интересах.

— Ну, каковы ее успехи при дворе? — спросил Блэклоу. Он сел, вытянув перед собой длинные ноги, и провел рукой по усталому лицу. Ему пришлось всю ночь провести в седле, чтобы затемно добраться до Ричмонда. Через несколько часов он вернется в Лондон и укроется до наступления темноты, потому что всю его работу приходилось прекращать, едва первые лучи солнца заиграют на шпилях лондонских церквей.

Тайно приехав сюда, он сразу же прошел в комнату Констанции. Ответив на ее обычные вопросы о его делах, он перевел разговор на недавний дебют при дворе его подопечной. Констанция, протянув ему бокал вина, отхлебнула глоток из своего бокала, обдумывая ответ.

— У нее все хорошо, Джайлз.

— Я очень благодарен тебе, — сухо произнес он.

— Она делает честь своим учителям, потому что никому и в голову не приходит, что она не благородных кровей. Иногда мне кажется, что ее мать взяла на воспитание сиротку или что ее отцом был джентльмен. Кстати, я никогда не слышала, чтобы она упоминала об отце.

— Не так уж редко случается, что у дворянина имеются в деревне побочные дети.

— Да, ты прав... Ее благородное происхождение проявляется даже в чертах лица.

Он кивнул.

— Чистый небосклон омрачает единственное облако. К сожалению, язвительная Мэралайн Чемблет ополчилась на Аврору, считая ее врагом номер один, и безжалостно отравляет ей жизнь. До сих пор Аврора стойко сносила ее выходки.

— Проклятие! Только такого рода неприятностей нам сейчас и не хватало!

— Я знаю. Я посоветовала Авроре не обращать на девушку внимания, хотя подобное трудно сделать. Она не понимает, почему эта мерзавка так поступает, и я боюсь, что нам придется глаз не спускать с Мэралайн, потому что она у меня вызывает большое недоверие.

— У меня тоже. — Он вздохнул. — Я слышал, что она шлюха и согласна отдаться любому мужчине, лишь бы он был богат.

— Наверняка так оно и есть. Она хитрая. Но довольно о ней. Аврора завоевала популярность среди мужчин при дворе.

Джайлз нахмурился и пожал плечами.

— Рад слышать. Я хочу, чтобы она приобрела уверенность в себе, вращаясь среди придворных, и чтобы они ей полностью доверяли.

Констанция улыбнулась.

— Один молодой человек проявляет к ней особенно большое внимание.

— Вот как? — небрежно проронил он. — Кто такой?

— Не припомню сейчас его имени, — солгала Констанция, и глазом не моргнув, — но он всего на два года старше ее. Они хорошо смотрятся вместе — он темноволосый, она белокурая — и после театрального представления протанцевали вместе почти всю ночь. Он пообещал навестить ее и выполнил свое обещание.

Блэклоу не сказал ни слова, но стал мрачнее тучи. А Констанция продолжала:

— Он такой воспитанный юноша и из очень уважаемой семьи. К тому же...

Блэклоу с такой силой поставил бокал на стол, что разбил его вдребезги.

— Довольно, Констанция. — Он встал, не обращая внимания на осколки. — Мне пора.

Я еще многое должен успеть сделать до рассвета.

— Ладно. Сказать Авроре, что ты приезжал?

— Не надо... В следующий раз я приеду и увидаюсь с ней.

— Ты рискуешь, Джайлз. — Она пересекла комнату и, взяв его за руки, заглянула ему в глаза.

Он помедлил, потом наклонился и прикоснулся губами к ее губам. Потом накинул плащ, надел на лицо маску, надвинул шляпу и ушел, бесшумно закрыв за собой дверь.

Она возвратилась к камину, мысленно спрашивая себя: почему она не назвала ему имени юноши? Почему? Тем более что он сам хотел, чтобы Аврора познакомилась с Ричардом де Сейревиллом?

— Можно задать тебе один вопрос, отец? — спросила Роксана Норвилл однажды вечером, перед тем как идти спать.

Руперт Норвилл взглянул на дочь, оторвавшись от кружки эля. Не вызывало сомнения, что ярко-рыжие волосы его дочь унаследовала от него, как и плотное телосложение, обещавшее, что с возрастом она станет весьма дородной матроной.

— Что за вопрос, малышка? — удивился Норвилл, потому что Роксана крайне редко задавала вопросы, как и ее мать. Но возможно теперь, когда дочь при дворе, у нее расширился круг интересов?

— Как распознать ведьму?

— Что? — Норвилл даже поперхнулся от неожиданности.

Дочь взглянула на него невинными светло-голубыми глазами.

— Если кто-нибудь подозревает кого-нибудь в колдовстве, то как убедиться, справедливо ли подозрение?

— Ты говоришь об очень серьезном обвинении, дитя мое.

— Я знаю, отец, мой вопрос не праздный.

— Ну, обычно ведьмами бывают старые женщины...

— А молодая женщина может быть ведьмой? Скажем, девушка моего возраста или чуть старше меня?

— Да. Обычно они живут одни в лесу и умеют исцелять или наводить порчу. Почти все они богоотступницы.

— А в городах ведьмы могут жить?

Он кивнул.

— И еще: обычно у ведьмы есть прирученное животное.

— Зачем?

— Оно помогает ей творить черные дела.

Роксана охнула.

— Я знаю одну девушку, у которой есть кошка, черная кошка.

— Ну, кошки живут во многих домах.

— Но она разговаривает с кошкой, отец, а та ее понимает, как человек, и ходит за ней по пятам, как собака.

Уперев в колени руки, он наклонился к дочери.

— Расскажи-ка подробнее.

Роксана улыбнулась.

— Как тебе нравится наш прекрасный город, деревенская кухня? — спросила Мэралайн таким сладким голосом, какого Аврора никогда не слышала. Не может быть, чтобы люди так разговаривали!

Аврора оторвалась на мгновение от рукоделия.

— Мне здесь очень нравится, Мэралайн Чемблет, я считаю, что Лондон великолепен, а Ричмонд — самое прекрасное место на земле.

Сегодня выдался тихий вечер во дворце, и Аврора радовалась покою. Она очень устала.

— Да, так оно и есть, а на следующей неделе мы переезжаем в Нонсач — тоже замечательное место. — Не спросив позволения у Авроры, светловолосая девушка села рядом с ней и принялась разглядывать ее рукоделие. — Ты аккуратно кладешь стежки, и швы получаются очень ровные, словом, все очень мило.

— Спасибо, — поблагодарила Аврора. Она понимала, что Мэралайн вовсе не хотела похвалить ее работу, но Аврора намеревалась сохранять с девушкой вежливые отношения, несмотря ни на что.

— У меня, например, не хватает терпения заниматься такими пустяками. Мне такие занятия кажутся... мещанством.

— Все не так просто, — объяснила Аврора. — Нитка может запутаться и порваться. Надо сохранять терпение и быть внимательной.

— Я понимаю.

Некоторое время они молчали, потом Мэралайн театрально вздохнула и взглянула на Аврору.

— Я не могла не подслушать ваш разговор с Ричардом де Сейревиллом две недели тому назад, — небрежным тоном произнесла Мэралайн. — Меня удивило, что ты так мало знаешь о религии.

— Мой отец проявляет терпимость в вопросах религии и меня всю жизнь окружали и протестанты, и католики. Они все являлись моими друзьями и всегда лояльно относились к королевской власти. Мой отец не видел причины выступать против наших друзей-католиков.

— Значит, твой отец глуп, — лукаво заявила она.

— Не думаю.

— Только глупец считает, что к католикам можно относиться так же, как к протестантам. Только глупец доверяет им.

— Только глупец делает такие обобщения, когда речь идет о том, чего он не понимает.

Мэралайн покраснела до корней волос.

— Я знала и католиков, и протестантов, причем одни казались ничем не хуже и не лучше других, — отчетливо произнесла Аврора. — Осмелюсь напомнить тебе, что в основе протестантской религии лежит католичество.

— Я знаю. И я знаю кое-что еще, деревенская кухня.

— Что такое ты знаешь? — Аврора пыталась говорить спокойным тоном, но ей становилось все труднее сохранять его. Может быть, светловолосая девушка узнала, что она не та, за кого себя выдает? Или что она знает Джайлза Блэклоу?

— С какой стати я буду тебе говорить?

— Мэралайн, не будь дурочкой, — произнесла Аврора. У девушки снова вспыхнули

щек. «Скорее я веду себя, как дурочка», — подумала Аврора, понимая, что с достоинством прекратить разговор уже не удастся.

— То, что я знаю, очень важно, и я могу кое-кому рассказать о том, что ты сочувствуешь католикам.

— Я не считаю, что одна из религий лучше другой, но не могу понять, почему обе религии не могут мирно сосуществовать друг с другом. Больше я не хочу сегодня разговаривать на эту тему, — заключила она и снова взялась за иголку.

— Посмотрим.

— Ах, Мэралайн, — раздался вдруг голос, — вижу, ты знакомишь нашу новую подругу с городским образом жизни.

Мэралайн вздрогнула как ужаленная.

За ее спиной стояла молодая девушка, возможно, несколькими годами старше Авроры. Она улыбалась. Красавицей ее нельзя было назвать, но необычайно доброе выражение лица ее поражало. Большие карие, широко расставленные глаза, прямой нос, твердая линия губ, решительный подбородок обрамляли темно-русые волосы, уложенные в простую прическу. Платье цвета бургундского вина с белым воротником почти не имело украшений. Только в ушах блестели жемчужные сережки. Она носила черные кожаные туфельки на низком каблуке. Девушка Авроре показалась очень элегантной.

— Не суйся не в свое дело.

— Как пожелаешь, Мэралайн. — Девушка продолжала улыбаться. — Так о чем шла речь?

— Ни о чем. — Мэралайн повернулась к Авроре. — Я еще поговорю с тобой... когда мы будем одни. — Она поднялась и обиженно удалилась.

— Спасибо, — сердечно поблагодарила незнакомку Аврора. — Вы вовремя пришли мне на выручку.

— Вы выглядели немного испуганной. Мэралайн, хотя и гордится своими манерами, — ужасная невежа.

— Спасибо еще раз. Но я не знаю имени своей спасительницы.

— Фейт Хоупуэлл, к вашим услугам, — представилась девушка. — А вы Аврора ле Грей. Я слышала о вас много хорошего.

— Вы очень добры.

— Нет, — ответила девушка, поблескивая глазами, — я всего лишь констатирую факт. — Она бросила взгляд вслед удаляющейся Мэралайн. — Вам следует быть с ней осторожной.

— Мне уже говорили.

— Совет хороший, причем сейчас он особенно актуален. Глаз с нее не спускайте. Она не любит меня и всех, кого я защищаю, а теперь она, несомненно, терпеть не может и вас.

— Но она меня даже не знает!

— Сначала Мэралайн видела в вас соперницу, привлекающую внимание мужчин. То, что вы не кокетка, значения не имеет. Кроме флирта и интриг, она ничего не умеет, но в них она настоящая мастерица.

Аврора не успела ответить, так как девушка, бросив взгляд в другой конец комнаты, проговорила:

— А вот и мои родители. Мне пора. Но мы с вами еще увидимся, не так ли?

— Непременно. И благодарю вас еще раз, госпожа Хоупуэлл.

— Прошу вас, зовите меня Фейт.

— А вы меня Авророй.

Они обменялись улыбками, и девушка стала пробираться через переполненную людьми комнату к своим родителям. Аврора некоторое время наблюдала за ними, удивляясь их непривычно скромной одежде темных тонов, редко встречающейся во дворце. Аврора подумала, что они, наверное, пуритане. Наконец, она вернулась к своему рукоделию. Но ей больше не хотелось вышивать, и она стала глядеть в огонь, надеясь, что сегодняшняя стычка с Мэралайн не будет иметь никаких последствий.

— Фейт, что мне делать? — спросила Аврора. Люси, свернувшись калачиком, спала у нее на коленях. Фейт, которая пришла в комнату Авроры несколько минут назад, приподняла бровь.

— О чем ты?

— Обо мне распространяют слухи.

— Это дело рук Мэралайн.

— Но у меня нет доказательств.

— Они и не нужны. И так видно, что за всем стоит она. А о чем слухи?

— Среди всего прочего меня обвиняют в сочувствии католикам.

— А ты сочувствуешь им?

— Я считаю, что они имеют право исповедовать свою религию, как и англиканцы и пуритане. Я не понимаю, почему некоторым не дает покоя, какую религию исповедуют другие люди.

— Некоторым ничто не доставляет большего удовольствия, чем вмешательство в жизни других людей.

— А вот и Ричард. Добрый вечер, — улыбнулась Аврора юноше, склонившемуся к ее руке. — Вы знакомы с Фейт Хоупуэлл?

Он поклонился, обернувшись к девушке.

— Да, мы недавно познакомились.

— Садитесь, пожалуйста, Ричард.

Он опустил на стул в нескольких футах от нее.

— Вы что-то очень серьезны сегодня.

— До меня дошли слухи, которые распространяют обо мне. Источником их, несомненно, является Мэралайн Чемблет. Фейт и я как раз сейчас обдумывали, что мне делать. У вас есть какие-нибудь предложения?

— Пока не опровергайте ничего, потому что многих может насторожить ваша поспешность. Думаю, если слухи будут разрастаться, нам придется обратиться к королеве.

— Нет, не надо к королеве, — испугалась Аврора. — Королева слишком занята.

— Да, она занята, но Мэралайн входит в ее свиту, а ее величество должна знать, что одна из ее фрейлин ведет себя недостойно. Поведение фрейлин отражается непосредственно на ее величестве.

— А ты что думаешь, Фейт?

Фейт окинула строгим взглядом юношу и девушку.

— Отличное предложение. Помни, Аврора, что мы с Ричардом твои друзья и будем поддерживать тебя, что бы ни случилось.

Аврора с благодарностью улыбнулась им, а сама подумала: интересно, как бы они поступили, если бы узнали, что она проникла ко двору обманным путем? Кто из них тогда назвал бы себя ее другом?

Слухи, давая пищу досужим сплетникам, продолжали циркулировать при дворе. Некоторые из них доходили до ушей Авроры по несколько раз, существенно измененные, обросшие подробностями и сильно приукрашенные по пути более изощренными сплетниками, чем Мэралайн Чемблет. И все они имели намерение унижить ее. Она

понимала, что после стычки с Мэралайн поговорить с ней с глазу на глаз не удастся, поэтому ей оставалось лишь высоко держать голову и делать вид, будто ничего не происходит. Она надеялась, что ее поведение опровергнет злые рассказы.

Хотелось бы знать, что делать. Интересно, где Блэклоу, когда ей так нужен совет? Она по нему очень скучала. Прошло уже несколько месяцев, с тех пор как он навещал ее, и ей не хватало его голоса, его прикосновения, его поцелуев. Она и понятия не имела, что он уже несколько раз побывал у Констанции.

Весной двор переехал в Нонсач. Если раньше Авроре казалось, что прекраснее Ричмонда ничего не может быть, то, увидев новый дворец, она быстро изменила свое мнение. Для того чтобы построить его, Генрих VIII приказал снести деревню Каддингтон и Суррее. Расположенный неподалеку от Ричмонда и Хэмптона, дворец представлял собой невероятно сложное сооружение со множеством башенок и бельведеров, с часами необычной формы и декоративными дымовыми трубами, с куполами, с фальшивыми зубчатыми стенами и бойницами. Во времена Генриха, когда разгоняли монастыри, разрушили до основания молельный дом приорства Мертон, и сотни тонн камня переправлялись оттуда и использовались в качестве строительного материала для постройки Нонсача. Дворец возводился вокруг центральной точки, которой служил внутренний двор. В него входили через ворота, охраняемые привратником, и поднимались вверх по нескольким ступеням лестницы. Стены внутреннего двора, до половины обшитые деревом, украсили великолепной лепниной. В дальнем конце внутреннего двора располагались две восьмигранные башни, верхние этажи которых превратили в павильоны со множеством окон. Остроконечные свинцовые крыши заканчивались шпилями с флюгерами. Общинные земли нескольких соседних приходов — около 1700 акров, отчужденные в целях устройства двух парков, стали впоследствии домом для выпущенных сюда более тысячи оленей.

Аврора с первого взгляда влюбилась в Нонсач, похожий на сказочный дворец, перенесенный сюда из какой-то экзотической страны. Пусть другие придворные смеялись над ним, называя его «безумной прихотью Генриха», ей он казался великолепным. Как и в Ричмонде, она отправилась побродить по дворцу и поразила обилием укромных уголков в здании, множеством загадочных комнат непонятного назначения, выходящих в длинные коридоры и на галереи. Все комнаты, меблированные с необычайной роскошью, имели на стенах гобелены поразительно тонкой работы и изделия из серебра и золота, изготовленные руками непревзойденных мастеров.

Отведенные Авроре во дворце комнаты вновь оказались смежными с комнатами Констанции, и к концу недели жизнь Авроры вновь вошла в привычное русло, как и в Ричмонде. Она виделась с теми же людьми и слышала те же злые сплетни о себе. Казалось, что количество слухов даже увеличилось. Аврора наконец решила обратиться к Констанции.

— Если при дворе станет слишком неудобно, мы всегда можем на некоторое время вернуться домой, — ответила та.

— А что, если другие сочтут такой поступок трусостью или подумают, что слухи — правда, и потому я сбежала? — спросила Аврора.

— Вполне возможно, хотя поверят не все. Далеко не каждый при дворе прислушивается к тому, что говорит Мэралайн Чемблет.

— В таком случае, что вы посоветуете мне делать?

— Ждать. Если ты не будешь реагировать, она устанет играть и переключится на кого-нибудь другого, выберет новую жертву. Наберись терпения и просто жди.

Просто жди, подумала Аврора. Легко сказать, а на самом деле очень трудно. Аврора опасалась, что Мэралайн подлая игра еще долго не наскучит.

— Как тебе нравится Нонсач?

Аврора, которую неожиданно оторвали от чтения, подняла глаза и увидела Мэралайн. Светловолосая девушка улыбалась, что насторожило Аврору. Она не любила, когда Мэралайн удавалось застать ее в одиночестве.

— Мне он нравится. А тебе?

— Мне кажется, он построен в слишком уж восточном стиле. Не так, как должен выглядеть настоящий английский дворец.

Аврора промолчала.

— Что ты молчишь? Тебе кошка язык откусила?

— Вовсе нет. Просто сказать больше нечего. — Аврора решила оставаться вежливой во что бы то ни стало.

— Кстати, о кошках... — Девушка не закончила фразу, но ее улыбка сделалась еще шире. — Насколько мне известно, у тебя живет кошка.

— Да, — настороженно ответила Аврора. — Откуда тебе известно, Мэралайн? — Она вспомнила, что говорила о ней всего двум-трем знакомым при дворе. Видимо, каким-то образом ее слова дошли до ушей Мэралайн. — Что в этом плохого? Некоторые из придворных привезли с собой собак.

— С собаками нет никаких проблем. Какого цвета твоя кошка? Я сама обожаю кошек.

— Черная.

— Да ну? Наверное, очень красивая?

— Да.

— И умная? Ты научила ее каким-нибудь трюкам?

— Нет.

— Совсем никаким? Очень жаль. Я надеялась, что ты мне покажешь, что она умеет. Ну да ладно. Приглядывай за своей кошкой... Случалось, что кошки во дворце исчезали бесследно. — Сделав свое мрачное предсказание, Мэралайн ушла.

«Интересно, что она имела в виду?» — подумала озадаченная Аврора, возвращаясь к прерванному чтению.

В конце апреля двор переехал в Виндзорский дворец, который служил резиденцией английских королей дольше, чем любой другой дворец в Англии. В 1080 году Вильгельм Завоеватель соорудил окруженную насыпью центральную цитадель крепости. В начале своего существования Виндзорский дворец был не более чем деревянной крепостью норманнов, обнесенной земляным валом и укрепленной частоколом. Король проводил там много времени, охотясь в лесах, расположенных к югу.

Генрих II приказал построить первые каменные здания, включая и центральную жилую часть, но первым королем, превратившим замок в комфортабельную резиденцию, стал Эдуард III. Шли годы, и к Виндзорскому дворцу пристраивались дополнительные здания и башни. Часовню, строительство которой начали в 1472 году, украшали узорчатые стекла и тонкая резьба по камню. Генрих VIII не внес почти никаких изменений в убранство королевских апартаментов, и многие придворные считали Виндзор весьма мрачным по сравнению с Ричмондом и Нонсачем. Однако Елизавете Виндзорский дворец нравился тем,

что она считала его более безопасным местом по сравнению с другими дворцами.

После переезда в Виндзор жизнь снова потекла своим чередом.

Аврора теперь редко видела Мэралайн, что казалось ей весьма подозрительным. Ей не нравилось, когда светловолосая девушка чуть ли не навязывалась ей в друзья, но и выпускать ее из поля зрения она опасалась. Наверняка Мэралайн что-то затевает.

— Не тревожься, — успокоила ее Фейт, с которой Аврора поделилась своими подозрениями. — Если ее нет поблизости, надо только радоваться. Возможно, Мэралайн просто устала от своей игры.

Ричард поддержал Фейт, но, несмотря на разумные доводы своих друзей, Аврора не могла избавиться от чувства тревоги.

В последние дни апреля должно было состояться театральное представление. Авроре предложили в нем принять участие. И хотя она волновалась, но пребывала в радостном волнении и сумела хорошо сыграть свою роль, заслужив множество комплиментов от своих поклонников, в том числе и от Констанции.

После представления Аврора отвела Констанцию в сторонку, чтобы поговорить с глазу на глаз.

— Есть ли какие-нибудь вести от нашего путешествующего друга?

— Нет. Я уже давненько не получала от него никаких вестей. — Констанция не сказала Авроре, что Блэклоу несколько раз приезжал к ней. Она не хотела нервировать Аврору. Охвативший ее сначала гнев понемногу прошел, и теперь ей хотелось защитить свою юную подопечную.

— Интересно, где он сейчас?

— Занят делами, — улыбнулась Констанция.

— Да, конечно, у него дела, — улыбнулась в ответ Аврора, но улыбка получилась вымученная. Ее тревожило его долгое отсутствие.

— К тому же, — Констанция наклонилась к самому уху Авроры, чтобы их кто-нибудь не услышал, — в Виндзорский дворец труднее проникнуть, чем в другие дворцы. Так что не жди, что мы будем часто видеть его здесь.

Аврора кивнула. Но видеть Блэклоу ей захотелось еще сильнее.

Накануне своего девятнадцатого дня рождения Аврора неожиданно подслушала разговор, который страшно ее расстроил.

— Я слышала потрясающую новость! — говорила Роксана Норвилл, обращаясь к Элис Вон. — Мой отец только что вернулся из Лондона и рассказал, что на дороге, ведущей в Тайберн, застрелили какого-то разбойника.

Элис охнула.

— Вот бы посмотреть, как его убивали, — мечтательно произнесла Роксана. — Отец говорит, что все вокруг было забрызгано кровью! — Глаза у Роксаны блеснули, она облизывала пересохшие губы.

Аврора с отвращением отвела взгляд, девушки ушли, и Аврора успела лишь услышать, что разбойник ехал один. Она сразу же подумала о Блэклоу.

Весь вечер Аврора расспрашивала каждого, кто появлялся при дворе, о подробностях услышанного происшествия. Наконец, она нашла человека, который приехал всего час тому назад и сам оказался свидетелем убийства. Он смог сообщить ей кое-какие подробности. Описание внешности разбойника повергло ее в ужас и отчаяние. Аврора сразу же

отправилась к Констанции. Пожаловавшись на головную боль, она спросила, нельзя ли им вернуться в Грейвуд. Увидев, что Аврора бледна, как мел, Констанция спросила, что случилось. Девушка ответила, что у нее мигрень. Констанция обещала предоставить ей такую возможность в один из ближайших дней. Аврора кивнула и отправилась к себе.

У себя в комнате она упала на кровать, и слезы хлынули из ее глаз. Даже Люси не смогла утешить хозяйку. В голове бродили страшные мысли. Ее любимый мертв... убит... он никогда больше не обнимет ее, не поцелует.

Аврора плакала, до тех пор пока не заснула в изнеможении.

К ее руке прикоснулось что-то щекочущее, и Аврора сразу же проснулась, пытаясь сбросить неприятное существо, показавшееся ей спросонья пауком. Но она вдруг почувствовала теплую человеческую руку, которая легонько гладила ее, пытаясь разбудить.

Аврора села в постели. Испуганная, она пыталась сохранить спокойствие.

— Кто здесь?

— Джайлз.

— Джайлз?

Вскрикнув от радости, Аврора бросилась в его объятия, осыпая поцелуями его губы и щеки. Крепко прижавшись к нему, она прошептала:

— Я думала, что тебя нет в живых. Я слышала, на прошлой неделе убили разбойника, и описание его внешности совпадает с твоим. Я очень давно тебя не видела и подумала, что убили тебя.

— Могло и такое случиться, — сдержанно согласился он.

— Но что произошло? Кого убили? Почему ты так долго не приходил?

— Той ночью я ехал по той же дороге. Королевские солдаты устроили там засаду, но судьба распорядилась так, что разбойник, ехавший впереди меня, нарвался на нее и его застрелили. Услышав впереди выстрелы, я сообразил, что произошло, повернул коня и сразу же вернулся в Лондон. Только на следующий день, услышав описание внешности разбойника, я понял, что он похож на меня.

— Слава Богу, что все кончилось хорошо, — пробормотала она.

— Я тоже так считаю, — заметил он, взъерошив ее волосы и поцеловав в плечо. Кошка потерлась о них обоих, спрыгнула с кровати и отправилась на теплое местечко перед камином.

— Я рада, что ты здесь. Но как тебе удалось проникнуть во дворец?

— У меня есть свои способы, — усмехнулся он. Она приникла к его губам, впитывая их ни с чем не сравнимый вкус.

— Я хочу тебя. Ну, пожалуйста, Джайлз, — прошептала она.

Он нежно провел языком по ее губам, и они сразу же раскрылись ему навстречу. Она тихо застонала и прижалась к нему. Ей так его не хватало!

Дыхание ее участилось, и теперь тишину комнаты нарушали лишь потрескивание дров в камине да ритмичный звук их дыхания. По ее телу пробежала дрожь, она напряглась, тихо застонала. Он наклонился и нежно поцеловал ее грудь. Его нежное прикосновение вызвало у нее вздох наслаждения.

Наклонившись, он стал проделывать поцелуями дорожку по ноге, а дойдя до изящной ступни, перебрался на другую ногу и так же неторопливо возвратился по ней вверх.

Она гладила его волосы, лицо, плечи, время от времени легонько царапая ногтями кожу. Услышав, как он резко втянул в себя воздух, она улыбнулась, понимая, что и в нем тоже поднимается горячая волна страсти.

— Я хочу тебя, Джайлз, я люблю тебя, — снова шепнула она, дрожа от нетерпения.

Он покрыл ее всю горячими поцелуями. Ее руки скользнули вниз и обхватили его давно готовое к бою оружие любви. Он судорожно плотнул воздух. Его дыхание участилось, и она, задрожав в сладостном предвкушении, широко раскинула ноги. Когда он вошел в ее плоть,

она застонала и изо всех сил прижала к себе его тело, выгнувшись ему навстречу. С каждым рывком он погружался в нее все глубже. Их тела, влажные от пота, стали двигаться в одном ритме. Время для них остановилось, существовали только они, ничто другое не имело значения.

Ей хотелось, чтобы великолепный момент их абсолютной близости длился вечно. Но пик страсти миновал, дрожь в телах понемногу утихла, и их губы слились в еще одном завершающем поцелуе.

Отдохнув и придя в себя после сладких мгновений любви, Аврора наконец заговорила. Ей нужно очень многое сказать ему, посоветоваться.

— Не знаю, с чего начать, — призналась Аврора. — Тебя так давно не было, — с упреком добавила она.

Не отреагировав на упрек, он посоветовал:

— В таком случае начни с самого начала, любовь моя. Тебе нравится жизнь при дворе? — спросил он, приподнявшись на локте, чтобы видеть ее лицо в слабом свете камина. Он уже успел подложить в огонь еще одно полено; кошка, спавшая на коврик перед огнем, открыла один глаз и тут же заснула снова.

Ее губы дрогнули в улыбке.

— Мне нравилось бы здесь больше, если бы ты оставался со мной.

— Не думаю. — Он легонько поцеловал ее. — Но ты не ответила на мой вопрос. Скажи мне лучше, с кем ты здесь познакомилась. Я хочу знать, пользуется ли моя умница и красавица успехом.

— Мне кажется, я познакомилась при дворе со всеми, разумеется, кроме королевы. Констанция говорит, что к знакомству с ней я еще не готова. Но я несколько раз видела ее издали. Я подружилась с очень приятной девушкой моего возраста или немного старше меня. Ее зовут Фейт Хоупуэлл. Ты ее знаешь?

— Я знаю ее отца и мать. Оба они из хороших семей. Стивен Хоупуэлл — человек, на которого можно положиться, если тебе потребуется помощь. В отличие от большинства других придворных он держит свое слово.

Почему-то ей показалось, что он говорил с некоторой иронией, но она не стала спрашивать о ее причине. Он и раньше не раз оставлял без ответа ее вопросы. И сейчас наверняка не ответит.

— Мы с ней довольно часто видимся, и я всегда ей рада. Мне кажется, что при дворе, несмотря на множество людей вокруг, человеку очень одиноко без друга. Есть здесь и еще одна девушка, которую моим другом нельзя назвать. Ее имя Мэралайн Чемблет. Видимо, я чем-то обидела ее, хотя сама не знаю чем.

— Думаю, не надо прилагать особых усилий, чтобы заслужить ее ненависть.

— Значит, ты ее знаешь?

— Я о ней слышал.

— Мне кажется, что она распространяет обо мне нехорошие слухи, хотя я не могу доказать этого. Но кроме нее, просто некому.

— Что за слухи?

Она рассмеялась, хотя смех прозвучал не так весело, как хотелось бы.

— Не беспокойся, любимый. Мы с ней... разошлись во мнениях... по религиозным вопросам. И вскоре после разговора с ней до меня стали доходить слухи обо мне, которые она черпала из бесед со мной, но уже в таком перевернутом виде, что я просто теряюсь, откуда она это берет.

— Будь осторожна, Аврора. Такие разногласия имели и более серьезные последствия, чем появление слухов.

— Констанция уже предупредила меня относительно Мэралайн, как и Фейт. Ричард

тоже предупредил. Он ее терпеть не может.

— Какой Ричард?

Она почувствовала, что он явно заинтересовался. Уж не ревнует ли он? Она не возражала бы, если бы он немного помучился ревностью.

— Ричард де Сейревилл, еще один мой новый друг. За последние недели он мне очень помог освоиться при дворе. Он, Фейт и я частенько бываем вместе, читаем друг другу, ездим верхом или просто прогуливаемся по дворцу.

— Де Сейревилл...

Ей не понравилось, что он произнес фамилию как-то насмешливо.

— Ты его знаешь?

— Нет, молодого человека я не знаю, дорогая моя. Только его семью. Когда-то я знал его отца... и мать. — Выражение его лица было абсолютно непроницаемым. — Ты познакомилась с леди де Сейревилл?

— Еще не познакомилась, хотя Ричард хочет в ближайшее время пригласить меня отужинать с его семьей.

Его родители некоторое время не бывали при дворе. Они жили в загородном поместье и только недавно вернулись в город.

— Непременно побывай у них, — настоятельно порекомендовал он и, перекатившись на спину, заложил руки за голову. — Уверен, что там тебя сумеют развлечь. Де Сейревиллы всегда славились своим умением развлечь гостей. Мне следовало бы предугадать, что с ними ты познакомишься в первую очередь.

Аврора почувствовала, что Блэклоу борется с собой: ему хотелось что-то рассказать ей, но он не мог. А ей хотелось, чтобы он знал, что с ней он может говорить обо всем без утайки. Она тронула его за руку.

— Джайлз? Ты ничего не хочешь рассказать мне о де Сейревиллах?

— Нет.

— Я подумала...

— Не о чем думать. Де Сейревиллы — еще одна семья из моего прошлого. А теперь поспи немного, любимая, или мне придется покрыть тебя поцелуями.

— Мне очень понравилась твоя мысль, — засмеялась она, придвинувшись поближе к нему.

Как и раньше, Блэклоу ушел от Авроры задолго до рассвета. Она еще немного подремала, но поднялась рано, чувствуя себя так, как будто не спала вовсе. Она умылась, оделась и вскоре уже сидела за завтраком с Констанцией. Ей очень хотелось бы поделиться с ней радостью, что у нее побывал Джайлз, но она не могла. Аврора знала о чувствах Констанции к Джайлзу.

Все еще может измениться, утешала себя Аврора. Ведь за последние несколько недель она видела своими глазами, как за Констанцией ухаживает один довольно красивый мужчина ее возраста. Возможно, у них всего лишь легкий флирт, но он может перейти в нечто более серьезное, на что Аврора надеялась, желая добра Констанции.

Все утро Аврора занималась разными делами. После полудня она извинилась и отправилась в свою комнату переодеться. Ей хотелось немного поспать, но она договорилась с друзьями поехать в два часа прогуляться верхом. Подойдя к Ричарду и Фейт, Аврора зевнула.

— Неужели мы такая скучная компания? — поддразнил ее Ричард, когда они направились к конюшне.

— Ничуть, — снова зевнула Аврора.

— Мне кажется, леди что-то слишком горячо оправдывается, — весело заметила Фейт.

— Нет!

— Вот видишь? — торжествуя поглядела на Ричарда Фейт. Они рассмеялись, а Фейт, приглядевшись к подруге, озабоченно спросила:

— С тобой все в порядке? Ты что-то очень бледна.

— Я устала, — поведала Аврора. — Прошлой ночью я мало спала.

— Наверное, волновалась в предвкушении нашей поездки верхом?

— Вы правы, Ричард.

Все трое снова расхохотались. Вскоре подошли и другие участники прогулки и, сев на лошадей, они выехали из дворца. В теплую весеннюю погоду друзья обычно несколько раз в неделю катались верхом по лесам и перелескам, окружающим Виндзор.

Вскоре после Пасхи двор переехал в Гринвич. Они плыли по Темзе, и Аврора испытывала радостное возбуждение. Кто бы мог подумать два года назад, что маленькая испуганная оборванка из Брайдуэлла успеет за один-единственный год пожить в четырех разных дворцах?

Гринвичский дворец, расположенный в большой излучине Темзы, начал свое существование в качестве охотничьего дома Белла-Корт, построенного младшим братом Генриха V. Когда он перешел в руки королевы Маргариты Анжуйской, в его окна впервые вставили стекла, а полы выложили глиняной плиткой. Снаружи дом украсили колонны с изображением ее геральдического цветка и построили мол, обеспечивающий выход на реку при любой высоте прилива. Как только корона приобрела Белла-Корт, его переименовали в Плезанс (Удовольствие). В 1485 году Генрих Тюдор вновь изменил его название на Гринвичский дворец; при нем фасад дворца целиком выложили красным кирпичом. Его сын, Генрих VIII, добавил плац для проведения турниров и оружейную мастерскую.

Королева Елизавета, родившаяся здесь, испытывала трогательную привязанность к своему Гринвичскому дворцу, расположенному совсем рядом с королевскими верфями,

стараясь вносить в него дальнейшие улучшения. Сторонница создания великого флота, она часто бывала в Гринвиче и задерживалась здесь на несколько месяцев.

Летом королева и ее двор участвовали в своих знаменитых кортежах, цель которых заключалась в том, чтобы вывезти монархиню из плавящегося от летней жары города в самые жаркие месяцы, когда многие вельможи отправлялись в свои поместья.

Вместо того чтобы останавливаться в собственных дворцах и оплачивать еду и выпивку целой оравы придворных, Елизавета предпочитала посещать дворянские поместья, разбросанные по всей Англии. Они-то и оплачивали расходы королевы и ее многочисленной дворни.

Из королевской казны хозяину такие расходы никак не возмещались, если даже после королевского визита он становился банкротом.

Де Сейревиллы тем временем собирались летом отправиться в свое северное поместье, чтобы не возвращаться ко двору до осени. Аврора понимала, что если она хочет познакомиться с родителями Ричарда, то нужно поторопиться, тем более что она должна, увидев их, понять причину столь загадочного отношения к ним Блэклоу.

Ричарду удалось организовать встречу Авроры с его родителями только несколько недель спустя. Сама не зная почему, Аврора очень нервничала, ведь Ричард ей всего-навсего друг. Однако временами ей казалось, что у Ричарда на уме не просто дружба. К тому же и Констанция считала его подходящим женихом для Авроры.

Ухаживания Ричарда приводили Аврору в замешательство. Он ей нравился, но она его не любила так, как следовало любить будущего мужа.

Готовясь к ужину у де Сейревиллов, она приняла горячую ванну, вымыла волосы и долго расчесывала их щеткой, пока они не заблестели. Аврора выбрала платье с пышной юбкой из бархата цвета бургундского с лифом из серого бархата, рукавами, отделанными серебряным кружевом, и крошечными серебряными пуговками в форме морских раковин. К серебряному пояску она подвесила зеркальце в серебряной оправе и веер, который подарила ей Констанция. На ноги она надела черные туфельки без задников.

Аврора встретила с Ричардом в небольшой столовой дома де Сейревиллов и с любопытством огляделась вокруг.

— Они еще не пришли, но скоро будут, — улыбнулся он. — Ты сегодня красива, как всегда, Аврора. — Пламя свечей отражалось в ее серебряных заколках на волосах, и они сверкали всеми цветами радуги. Он наклонился и поцеловал ее руку.

Она улыбнулась.

— Надеюсь, что понравлюсь им, — проговорила она, и по лицу Ричарда расплылась радостная улыбка.

— Я не сомневаюсь.

Теперь оставалось лишь надеяться, что они невзлюбят ее с первого взгляда, подумала Аврора.

Несколько минут спустя прибыли родители. Авроре сразу же понравилась Филиппа де Сейревилл — женщина среднего роста, сохранившая стройность фигуры после многих лет замужества. Ее длинные темные волосы, зачесанные назад, открывали нежное лицо с матовой кожей цвета слоновой кости и большими синими глазами. Мать Ричарда выглядела почти ровесницей своего сына и буквально поражала своей красотой, хотя показалась Авроре печальной.

Темно-красное платье с лифом и изящными длинными рукавами, отделанными золотым кружевом, прекрасно сидело на ее великолепной фигуре. Ее пальцы украшали несколько золотых колец.

Отец Ричарда показался Авроре потрясающе красивым мужчиной, хотя и немного коренастым. Его белокурую бородку и аккуратно подстриженные усы еще не тронула седина. У него, как и у его жены, были синие глаза, но ее глаза казались теплыми, открытыми и немного печальными, тогда как взгляд его синих глаз отличался ледяной холодностью. Когда он слишком долго рассматривал Аврору, у нее мороз пробежал по коже, словно кто-то холодной рукой провел по ее спине.

Старший де Сейревилл, одетый весьма пышно в зеленые и золотые тона, носил покрой одежды, подчеркивающий его широкие плечи и узкие бедра. На его груди и ухоженных руках сверкали золотые украшения.

Аврора с удивлением заметила, что Ричард совсем не похож на отца, что, наверное, к

лучшему.

— Добрый вечер, — произнес Томас де Сейревилл, низко склонившись к ее руке. — Я рад познакомиться с вами, госпожа ле Грей. Я много слышал о вас от своего сына.

Аврора вежливо улыбнулась, пытаясь скрыть смущение. Он так пристально уставился на нее, что казалось, будто он ее раздевает.

Не прошло и нескольких минут, как Томас де Сейревилл заговорил, как оказалось, на свою излюбленную тему: о самом себе. В течение часа Аврора узнала, что он мастерски владеет холодным оружием, большой любитель соколиной охоты и конного спорта, талантливый музыкант и поэт. Не скрывая чрезвычайно высокого мнения о собственной внешности и о себе, он время от времени останавливался перед зеркалом, чтобы пригладить бородку и полюбоваться собой.

За столом Томас де Сейревилл вел себя по отношению к жене и сыну словно деспот. Филиппа едва успела приступить к еде, как он потребовал, чтобы она принесла ему другую рюмку. Обед проходил в напряженной обстановке.

Испытывая неловкость, Аврора опустила глаза и молчала. Молчал и Ричард, но Аврора чувствовала, что он тоже возмущен поведением отца. Филиппа разговаривала за столом с сыном и с Авророй и почти не разговаривала с мужем.

Нет, их брак нельзя назвать счастливым, решила Аврора. Они не любят друг друга.

К тому же отец Ричарда во время ужина стал флиртовать с ней, что привело ее в полное замешательство. Ей пришлось не поднимать глаз от тарелки и по возможности кратко отвечать на его вопросы.

Однако когда они прощались, он склонился к ее руке, надолго задержав ее в своей. Авроре вдруг показалось, что встреча в доме де Сейревиллов произошла неспроста и сулит что-то страшное.

— Что случилось, зачем ты хотел встретиться со мной? — спросил Томас де Сейревилл.

— Я рад, что ты нашел время прийти, несмотря на свою занятость, — проговорил Норвилл. — Я знаю, что ты некоторое время отсутствовал, уезжая из Лондона, поэтому решил, что тебе следует кое-что знать.

Де Сейревилл, сидевший в кресле перед камином, удивленно посмотрел на Руперта.

— Что именно мне следует знать, старина?

— О девушке... приятельнице Ричарда, — продолжал Норвилл.

— Авроре ле Грей? — резким тоном переспросил де Сейревилл, сведя на переносице брови и задумчиво поглаживая усы.

Она показалась ему весьма хорошенькой, хотя, на его взгляд, слишком скромной. Он даже не понимал, чем она могла привлечь его сына. Но Ричард всегда отличался странными вкусами.

— О ней самой, — уточнил Норвилл. — При дворе ходят слухи, что она, возможно, замешана в каких-то... темных делах.

— Темных делах?

— В колдовстве.

— Есть доказательства? — спросил он. Этот болван Норвилл уж очень суеверен, плохо воспитан и совсем не умен. Ишь чего придумал — колдовство! Интересно, что он затевает на сей раз?

— У нее живет черная кошка, с которой она разговаривает. Она почти повсюду берет ее с собой, и животное ее понимает.

— Понятно.

— Есть и еще кое-что.

— Не сомневаюсь.

— Я слышал от Роксаны.

— А она от кого слышала?

— От других девушек... в том числе от Мэралайн.

— А-а, от Мэралайн. — Де Сейревилл про себя усмехнулся. Следовало сразу догадаться, кто приложил свою нежную ручку к таким слухам.

— Ну что ж, я разберусь, Норвилл, а пока не говори больше никому ни слова. Понятно?

— Разумеется. Рад снова увидеть тебя, Томас, — кивнул на прощание Норвилл и ушел, предварительно зорко посмотрев по сторонам, будто боялся, что кто-нибудь его увидит.

Итак, Мэралайн распускает слух о том, что Аврора ведьма? Можно будет, пожалуй, использовать подобную информацию в собственных интересах, подумал де Сейревилл и усмехнулся.

Констанция хотела, чтобы представление Авроры королеве Елизавете состоялось до того, как первый кортеж правительницы отправится в свое ежегодное летнее турне. Аврора попыталась убедить ее, что она еще не готова, но Констанция лишь покачала головой.

— Ты просто нервничаешь, — заявила она. — Я тоже нервничала в твоём возрасте перед таким событием.

В течение следующей недели портниха день и ночь трудилась над ее платьем, а сама она с каждой ночью спала все меньше и меньше. Ела она тоже мало. Когда, наконец, настал день представления, Аврора так нервничала, что не могла одеваться, и Констанции пришлось помогать ей.

— Как я выгляжу? — спросила Аврора, когда они закончили. Она медленно повернулась вокруг, вопросительно глядя на Констанцию.

— Ты выглядишь... великолепно. Настоящая красавица. — Аврора и впрямь еще никогда не выглядела столь очаровательно. Платье Авроры из белого бархата с лифом из серебристой ткани, расшитой крошечными жемчужинами, сидело на ней как влитое. Тысячи речных жемчужин украшали широкие рукава, кольцо из идеально подобранных жемчужин обвивало ее шею, в ушах поблескивали жемчужные серьги с бриллиантами. Дополняли наряд белые туфельки без задников. Трудно было узнать в красивой девушке изможденную девочку, которую привезли из Брайдуэлла.

Констанция умышленно надела темно-коричневое платье, которое уже разок надевала при дворе. Сегодня она хотела, чтобы ничто не отвлекало внимания от ее протеже. Любопытно посмотреть на выражение лица Мэралайн, когда та увидит Аврору, подумала она. Ей едва ли понравится ее вид.

— Ну как, моя дорогая? — спросила, нежно улыбнувшись, Констанция. — Готова?

— Думаю, что готова. — Аврора сделала глубокий вдох и улыбнулась. Не впервые за все время она пожалела, что рядом нет Джайлза.

— Вот и хорошо. А теперь идем.

Аврора кивнула и призвала на помощь всю свою храбрость.

— Нам повезло, что впереди нас не очень много народа, — шепнула Констанция, выглянув из-за спины дородной дамы, стоявшей перед ними. — Она не успеет утомиться.

Аврора кивнула, чувствуя, что говорить не в состоянии. Они с Констанцией уже около трех часов ждали вместе с другими девушками в большом зале на нижнем этаже, Церемония представления ее королевскому величеству началась ровно в девять и ни секундой раньше. Аврора всячески пыталась, хотя и безуспешно, скрыть свое волнение, которое усиливалось с каждой минутой.

Что, если королева посмотрит на нее и рассмеется? Или решит, что Аврора не нужна ей при дворе? Как она сможет вынести такое? Однако Мэралайн ведь оставили при дворе. Почему же ее не оставят?

Подошла и ее очередь, и Аврора, к великому неудовольствию, увидела Мэралайн, которая вместе с несколькими девушками-фрейлинами стояла рядом с королевой.

Аврора торопливо отвела взгляд, но успела заметить, как Мэралайн холодно взглянула на нее и что-то сказала одной из своих подружек. Но тут Констанция потянула ее за руку и,

сделав несколько шагов, они оказались перед королевой Англии.

Монархиня восседала на массивном троне. Ее огненно-рыжие волосы, уложенные в замысловатую прическу, напоминали золотой слиток. От зорких ярко-синих глаз под тяжеловатыми веками ничто не могло укрыться.

Хотя королева была уже не первой молодости, она все еще оставалась красивой, и в ней чувствовалась энергичная и сильная личность. Высокий лоб говорил о ее незаурядном уме. Благодаря дамским ухищрениям кожа ее казалась белой как снег, щеки — румяными, как будто она то и дело краснела, а губы — сочными и яркими.

Королева выглядела великолепно: платье монархини, изготовленное из тяжелой парчи, расшитой красными и золотыми нитями, украшали сотни жемчужин, топазов и рубинов. При каждом ее движении платье сверкало, как маленькое солнце, на котором белел плюшевый воротник, отделанный по краю золотой тесьмой. Драгоценные камни сверкали повсюду: в волосах королевы, ее ушах, на пальцах и тонкой шее.

— Итак, — окинула пристальным взглядом Аврору Елизавета, — эта юная особа и есть ваша кузина, о которой вы мне говорили, леди Уэсткотт, не так ли? — Ярко-синие глаза заскользили по ней, не упуская ни одной детали.

— Именно так, ваше королевское величество.

Аврора сделала глубокий реверанс.

— Вежливое дитя. Сразу видно, что недавно при дворе. — Синие глаза сверкнули добродушным юмором, когда она заметила, что уголки губ Авроры дрогнули в улыбке. — Как тебя зовут, дитя?

— Аврора ле Грей, ваше величество.

— Ле Грей? — Рыжеватые брови королевы задумчиво сошлись на переносице. — Ей-богу, знакомое имя. Какой-то дворянин с севера? Или мне изменяет память?

— Моего отца зовут Вильгельм ле Грей. В настоящее время он путешествует по другим странам. Он занимается исследованиями.

— А-а, один из тех. У меня их много при дворе. — Королева перевела взгляд на высокого темноволосого мужчину, стоявшего неподалеку от трона, который поклонился, заметив, что она взглянула на него. — Не знаю уж, кто их ко мне присылает — дьявол или Бог.

Ее слова вызвали вежливый смех у тех, кто стоял вокруг Авроры, причем больше всех смеялся поклонившийся ей мужчина. Интересно, кто он такой, подумала Аврора. Надо будет спросить у Констанции. Казалось, он совсем не боялся королеву и своим поведением напомнил Авроре Блэклоу.

— Ну что ж, я рада видеть тебя, дитя. Не робей в нашем обществе. Приходи к нам еще.

— Благодарю вас, ваше величество. — Аврора снова присела в реверансе. Констанция взяла ее за руку и увела.

Как только они отошли на некоторое расстояние от трона, Аврора глубоко вздохнула и прислонилась к стене. Она дрожала и, чтобы унять дрожь, крепко сжала руки.

Констанция улыбнулась и потрепала ее по руке.

— Видишь, все не так уж страшно, как тебе представлялось.

— Пожалуй, — медленно произнесла Аврора. — Но все равно я рада, что все позади. Она производит глубокое впечатление. Спасибо, что вы представили ей меня.

— Я рада за тебя, дорогая моя. А королева действительно производит глубокое впечатление и бывает очень доброй по отношению к тем, кто ей понравится. Но она очень

злопамятна. Никогда не сердись на нее и не превращай в своего врага. Она никогда ничего не забывает и не прощает.

Аврора кивнула, хотя подумала, что едва ли ей придется близко соприкоснуться с королевой. Уж Мэралайн постарается, чтобы она никогда не стала фрейлиной!

— Что за мужчину я видела возле королевского трона?

— Сэр Вальтер Рейли, довольно известный исследователь — один из ее фаворитов.

— Он немного напоминает Джайлза. — Ну, вот она и произнесла его имя. Констанция улыбнулась.

— Мне тоже так кажется. А теперь идем и поищем чего-нибудь выпить.

Аврора кивнула и последовала за Констанцией к столу с прохладительными напитками. Представление состоялось, подумала она. Значит, самое страшное позади.

Теплые летние месяцы вскоре сменились прохладной осенней погодой. В конце сентября при дворе, снова возвратившемся в Виндзор, готовились к осеннему балу-маскараду. Все только и говорили о нем. Аврора и Фейт тоже начали обдумывать свои костюмы.

— У тебя нет выбора, Аврора! — воскликнула Фейт. — Ты так красива, что просто обязана изображать Айрис. Все мужчины при дворе влюбятся в тебя.

— Ты преувеличиваешь, Фейт! Айрис — богиня радуги? Думаю, что для нее потребовался бы очень сложный костюм, и я не уверена, что смогла бы его сделать. Не лучше ли мне изобразить Аврору, богиню утренней зари?

— Нет, так нельзя. Тебе следует выбрать что-нибудь совсем другое, ведь Аврора — твое имя.

Аврора улыбнулась, подумав: что сказали бы Фейт, Ричард и другие ее друзья, если бы узнали, что Аврора — не ее настоящее имя? Она редко вспоминала о прошлом. За годы, истекшие с тех пор как ее взяли из Брайдуэлла, она и впрямь стала другим человеком — Авророй ле Грей.

— Ладно, я буду Айрис. А ты, Фейт? Кем будешь ты?

— Эхом, — ответила Фейт.

— Нет, нет, — возразила Аврора. — Ты не можешь быть нимфой, которая молча страдала от любви, если только это не соответствует действительности. — Она взглянула на зардевшееся личико подруги и приподняла бровь. — Кажется, ты что-то от меня скрываешь?

— Нет, нет, Аврора! Но возможно, ты права, и мне не следует останавливать выбор на Эхе. Но кем в таком случае мне быть? — Фейт не смотрела в глаза Авроре. — А что, если я буду Авророй?

Аврора рассмеялась.

— Хорошая мысль! То, что надо!

С того дня Фейт, Констанция и Аврора не покладая рук трудились над изготовлением костюмов. Накануне бала они потратили целых три часа, чтобы одеться. Констанция предстала в костюме Ламии, ливийской королевы, возлюбленной Юпитера, и девушки в один голос заявили, что она прекрасна, как настоящая богиня. Фейт с головы до ног оделась в мягкие лимонно-желтые тона, а костюм Авроры радовал глаз нежными цветами радуги. Надев маски, три женщины вошли в большой зал, освещенный золотистым светом нескольких тысяч свечей.

Множество придворных с супругами прогуливались по залу. Все они, разодетые в дорогие меха, шелка и украшенные драгоценностями, имели поистине экзотические костюмы.

Констанция, которую пригласил танцевать один из ее старых знакомых, почти сразу же покинула их. Фейт и Аврора осторожно пробирались сквозь толпу, пытаясь угадать, кто скрывается под той или иной маской. Некоторых им удавалось угадать сразу, но многих они так и не узнали. Вычурные костюмы и не менее затейливые маски надежно скрывали настоящие лица.

Наконец, они устали отгадывать прячущихся под маской и отправились к столам с закусками отведать деликатесов. На столах стояли плоские блюда, доверху наполненные

ломтиками оленины, мясом фазанов, цыплят. В больших чашах красовались спелые заморские фрукты, отдельно лежали пирожные, изготовленные в форме рыб и морских звезд.

Откусив кусочек засахаренного миндаля, Аврора искоса взглянула на подругу.

— Итак, значит, ты по ком-то страдаешь.

— Аврора!

— Тс-с! Сегодня меня зовут Айрис.

— Хорошо, Айрис. Сейчас не время говорить о таких вещах.

— А по-моему, очень подходящее время. Так кто же из достойных джентльменов является виновником твоих страданий? — Она окинула взглядом придворных в масках.

— Здесь его нет... — Фейт замолчала. — Ты устроила мне ловушку, — упрекнула Аврору Фейт.

Подруги весело рассмеялись, и Аврора протянула Фейт грушу из марципана.

— Держи. Потом, когда мы останемся одни, расскажешь мне о своей безответной любви.

Фейт кивнула. К ним подошел джентльмен, одетый в золотой костюм с плоеным воротником, отороченным золотым кружевом. Золотая маска в форме солнца скрывала его лицо.

— Могу ли я пригласить вас на танец?

Аврора улыбнулась, узнав голос Ричарда.

— Разумеется, сэръ Солнце.

Он взял ее за руку и повел к другим танцующим парам. Во время танца он пристально смотрел на нее, отчего она почувствовала себя неловко и была рада, когда танец закончился. Он пригласил ее на следующий танец, потом на третий, но когда на четвертый танец ее пригласил, опередив его, какой-то другой джентльмен, Аврора очень обрадовалась.

Она танцевала весь вечер, сделав всего несколько коротких передышек. Один раз она присела на стул с бокалом вина и огляделась вокруг в поисках Фейт. Она увидела, что Фейт танцует с молодым джентльменом. Он кого-то напоминал Авроре, но у нее не было времени раздумывать, потому что следующий партнер пригласил ее на танец.

К полуночи Авроре захотелось отдохнуть, и она спряталась в укромном уголке за колонной. Немного расслабившись, она стала наблюдать за тем, что происходит в зале. Кто бы мог подумать, что она будет танцевать на маскараде?

На ее плечо опустилась чья-то рука, и Аврора, охнув от неожиданности, круто повернулась. За ее спиной стоял высокий мужчина весь в черном, в простой черной маске. Она сразу же узнала его. У нее екнуло сердце.

— Позвольте пригласить вас на танец, богиня?

— Разумеется... извините, не могу угадать, кого вы изображаете? — осведомилась она.

— Я Хейдс, который пришел за своей невестой.

— Его невеста — Персефона, а не Айрис. Вы перепутали две разные истории.

— Перепутал — ну и что? — пробормотал он, и она поняла, что он улыбается.

Он обнял ее за талию, и вскоре они смешались с другими танцующими парами. Аврора не могла оторвать взгляд от Блэклоу. За долгое время они встретились впервые, и когда их пальцы слегка соприкасались, она испытывала счастье. Желание вспыхивало у нее от одного его вида. Она надеялась, что они смогут побыть вместе еще часок-другой после бала-маскарада.

Во время танца они говорили на различные отвлеченные темы. Взяв ее за локоть, он вывел ее на балкон. Ночной, по-осеннему холодный воздух дохнул на них, светила полная луна, на черном бархате неба сверкали звезды. Лунная дорожка сверкала на водной поверхности. Свежий ветерок приятно охлаждал после душного бального зала!

Однако Аврору подобные красоты не занимали. Она сразу же повернулась к своему партнеру по танцам.

— Приход сюда — непозволительная глупость с вашей стороны, милорд, — выговорила она.

— Я не мог удержаться, любовь моя.

Он шагнул к ней и раскрыл объятия... И вдруг они оба услышали рядом какой-то звук.

Мэралайн, сняв маску, вышла на балкон и удивленно уставилась на них.

— О Господи, надеюсь, я не прервала серьезной беседы, — рассмеялась она каким-то визгливым голосом, словно была навеселе.

— Нет, не беспокойся.

— Оказывается, здесь ты, Аврора? — Мэралайн захихикала. — Я и не знала.

— А я не знала, что ты здесь, Мэралайн. — Аврора взглядом предупредила Блэклоу, чтобы он помалкивал.

— Что-то я не узнаю твоего партнера по танцам. Он такой высокий и красивый.

— Красивый? Но ты не видишь его лица. А вдруг он уродливый, как тролль, Мэралайн?

— Я так не думаю. — Девушка снова захихикала.

— А что касается имени, то на сегодняшний вечер это лорд Хейдс, — отрекомендовала своего кавалера Аврора и взяла его под руку.

Мэралайн ничего не сказала, только поежилась, будто ей стало холодно.

— А теперь извини нас, — сухо произнесла Аврора и вместе с Блэклоу ушла с балкона. Она не видела, но скорее почувствовала, что девушка смотрит им вслед. Аврора пришла в ярость: мерзавка Мэралайн их прервала!

Снова оказавшись в переполненном людьми зале, Аврора взглянула на Блэклоу, но он чуть заметно покачал головой, показывая, что сейчас не время обсуждать случившееся. Он снова повел ее танцевать и, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Я приду к тебе завтра ночью.

После танца он неохотно уступил ее Ричарду, и Аврора потеряла из виду своего таинственного возлюбленного.

Только в пятом часу утра Аврора и Констанция вернулись в свои комнаты. Аврора так устала, что едва нашла силы снять с себя платье, вынуть из волос шпильки и забраться в постель. Однако несмотря на усталость, заснула она не сразу.

Будущей ночью она снова увидится с Джайлзом. Они будут вместе.

Ей не давала покоя случайная встреча с Мэралайн. Разумеется, она не смогла по голосу опознать партнера Авроры. Мэралайн решила, наверное, что у нее тайный любовник. Аврора долго думала, как избавиться от преследований Мэралайн. Так ничего не придумав; она вскоре заснула и во сне увидела Блэклоу.

— Повтори мне еще раз, что ты видела и слышала, — приказал Томас де Сейревилл.

Мэралайн, голая, едва прикрытая до пояса простыней, лежала в постели, а полуодетый де Сейревилл сидел, откинувшись на подушку рядом с ней.

Он приподнялся на локте, и она вновь описала всю сцену, которую наблюдала на балконе. К сожалению, она чем-то выдала свое присутствие, насторожив парочку. Однако она быстро сообразила, как исправить положение, и притворилась пьяной.

— Как ты неосторожна, — заметил де Сейревилл, глядя ее полные груди.

— Я знаю, Томас, — капризно согласилась она. — Но мне по крайней мере удалось кое-что подслушать для тебя.

— Да, но насколько все серьезно, хотелось бы мне знать? — Он задумчиво, сам не замечая, что делает, так сильно ущипнул ее напрягшийся сосок, что она вскрикнула от боли и оттолкнула его руку.

— Осторожнее, Том. У меня легко появляются синяки.

Он что-то пробормотал, погруженный в свои мысли.

— А ты уверена, что с нею находился не Ричард?

— Уверена. Его я видела в зале, как раз перед тем как она выскользнула на балкон с другим мужчиной. Именно он и привлек мое внимание. Что за вероломная су...

— Хватит, дорогая, — остановил он ее, не слишком нежно зажимая ей рот рукой. — Ты ведь знаешь, что я не люблю, когда ты произносишь бранные слова.

Ее глаза трогательно наполнились слезами, поэтому он убрал от ее рта руку и поцеловал в подставленные губы. Рука его скользнула под простыню, сделав ей больно. Лицо девушки некрасиво сморщилось, голова резко дернулась.

— Ты ведь знаешь, что я предпочитаю, когда ты делаешь это не сразу.

— Почему? — Он усмехнулся, но глаза смотрели недобро. — Оглянуться не успеешь, как я воткну в тебя свой жезл, так почему бы тебе не подготовиться? — Она надула губки, но умоляющее выражение лица на него не подействовало, а лишь рассмешило. Его рука под простыней принялась ритмично двигаться, и Мэралайн начала ерзать и корчиться, чувствуя, как его пальцы вторглись в самый центр ее женственности и то погружаются, то выходят оттуда. Ее ноги раздвинулись еще шире, и он снова усмехнулся, потом до крови поцеловал ее в губы.

— Войди в меня, — прошептала она. — Я хочу, Том. Ты видишь, как я распалилась.

— Подожди, поспи пока, распутница, мне надо подумать. — Он встал и подошел к камину.

Сердито посмотрев ему вслед, Мэралайн натянула простыню до подбородка и принялась утешать себя сама. Де Сейревилл не обращал внимания ни на ее манипуляции, ни на последовавшие за ними сладострастные стоны.

Итак, леди Аврору видели на маскараде с мужчиной, которого Мэралайн не удалось опознать. А у Мэралайн отличная память на лица. К сожалению, на нем была надета маска. Мужчина представился лишь как лорд Хейдс. Весьма подходящее прозвище, если то, что рассказывает Мэралайн об Авроре ле Грей, окажется правдой.

Она сказала также, что мужчина не произнес ни слова. Аврора поспешила предупредить его, чтобы он молчал. Как видно, голос мог выдать его. Значит, Мэралайн знала мужчину?

Возможно, и нет. Как бы то ни было, а информация очень интересная.

Сам не зная почему, де Сейревилл не доверял ле Грей. Он нутром чуял, что здесь что-то не так, а связь с неопознанным мужчиной, казалось, лишний раз подтверждала, что его подозрения не являются беспочвенными.

Он усмехнулся. У него свои способы сбора информации. Он оглянулся на любовницу, которая, насытившись играми с собой, казалось, спала. Но он-то знал, что она лишь притворяется спящей.

Сбросив с себя остатки одежды, он подошел к кровати и резким движением откинул одеяло. Мэралайн, крикнув в притворном испуге, попыталась прикрыть голое тело руками. Он рассмеялся, и звук недоброго смеха эхом отразился от стен комнаты.

Он лег на нее и грубо вторгся в ее плоть.

На следующую ночь за выходящими в коридор комнатами наблюдал мужчина, спрятавшийся в темном углу. Ему приказали, если потребуется, ждать всю ночь, и он твердо намеревался заработать свой гонорар. Его зоркие глаза сразу же заметили незнакомца, который, внимательно оглядевшись вокруг, скользнул в темный коридор. Наблюдатель прижался к стене и стал ждать. Незнакомец стукнул в одну из дверей, которая сразу же открылась, и вошел внутрь.

Наблюдатель выждал несколько минут, потом подошел поближе к комнатам. Зная, что дверь будет заперта изнутри, он усмехнулся и, пройдя по коридору, завернул за угол. Толкнув массивную дверь, которая почти бесшумно открылась, он оказался в пыльном, заваленном мусором и опавшими листьями старом коридоре, которым давно никто не пользовался.

В считанные секунды он нашел нужное место, потому что заранее заучил план коридора. Скорчившись в три погибели, он прикинул глазом к небольшому отверстию в стене и тут же услышал тихий голос женщины и голос мужчины, произнесший ее имя.

Аврора.

Однако, как он ни старался, слов разобрать не мог. Он ждал, надеясь, что они скажут что-нибудь такое, о чем можно доложить нанявшему его человеку. Он только слышал звуки, указывающие на их занятие любовью.

Некоторое время спустя он вышел из потайного коридорчика и возвратился на первоначальный наблюдательный пункт. Стряхнув пыль с одежды, он снова принялся ждать. Вскоре дверь тихо отворилась, и незнакомец выскользнул из комнаты. Наблюдатель незаметно последовал за ним. Судя по всему, человек тоже хорошо знал планировку дворца, потому что шел не главными коридорами, а теми, которыми давно никто не пользовался. Выбравшись из дворца, незнакомец сел на коня, и наблюдатель потерял его из виду.

Однако, подумал он, де Сейревилл, наверное, будет доволен, узнав, что юную леди Аврору ночью посетил мужчина.

Наблюдатель дежурил перед комнатами каждую ночь в течение недели, но больше ни разу не видел незнакомца. По указанию своего хозяина он продолжал наблюдение, и на девятую ночь его терпение было вознаграждено. Все происходило по той же схеме, как и прежде.

Незнакомец, старавшийся, чтобы его не увидели, не появлялся после визита три дня, потом появился только через две недели. Потом через месяц. Докладывая увиденное во всех подробностях Томасу де Сейревиллу, наблюдатель получал каждый раз щедрую плату за свои труды и, как просил наниматель, продолжал наблюдение.

— Итак, — подытожила Мэралайн, сидя на коленях у любовника, — значит, девушку каждую ночь посещает мужчина.

Де Сейревилл вздохнул.

— Не каждую ночь. Я уже говорил тебе. Он посещает ее через нерегулярные интервалы. — Сейревилл нахмурил брови и забарабанил пальцами по крышке стола.

Мэралайн заерзала, пытаясь привлечь его внимание, но он игнорировал ее заигрывания. Вдруг она рассмеялась. Добропорядочному бедняге Ричарду уже наставили рога, подумала она. Ах, как он будет краснеть и бледнеть, когда она расскажет ему, что за штучка его

Аврора!

Мэралайн снова фыркнула. Она строила свои планы относительно единственного сына прославленного семейства Сейревиллов с намерением выйти замуж за Ричарда, оставаясь любовницей старшего де Сейревилла. Все равно, чтобы удовлетворить ее аппетиты, и двоих мужчин будет маловато.

— Что ты собираешься предпринять, любимый?

— Я должен узнать, что за человек ее посещает, и использовать полученную информацию против леди Авроры наряду с информацией о том, что она занимается черной магией. Ты согласна со мной, дорогая?

— Конечно, — шепнула она, обдав его горячим дыханием, и обласкала языком мочку его уха. — Я буду рада, когда она лишится благосклонности королевы. Королева видела ее несколько раз и с похвалой отзывается о благонравной маленькой сучке.

Он усмехнулся.

— Таких женщин, как ты, только зависть может заставить показать свою подлинную сущность.

Она рассмеялась.

— Да, я признаюсь, что завидую. Но ведь ее триумф недолго будет продолжаться.

Он налил бокал вина — один на двоих.

— А пока, моя дорогая, у меня есть для тебя еще одно поручение. Распусти-ка новые слухи о девчонке. Слухи нам обоим могут пригодиться в будущем.

— Слушаю и повинуюсь, любовь моя, — скорчила она очаровательную гримаску и облизнула губы, так что они влажно заблестели в свете камина. Де Сейревилл немедленно ощутил пульсирующую реакцию в паху. Любовники улыбнулись друг другу, и Мэралайн, с кошачьей фацией поднявшись с его колен, потянула его за собой к кровати.

Она принялась медленно раздеваться, радостно ловя на себе его похотливый взгляд. Раздевшись, она легла на постель и широко раскинула ноги, готовая принять своего повелителя.

Октябрь 1585 года отличался сильными снегопадами, и в первые зимние месяцы Аврора не виделась с Блэклоу. В ноябре двор возвратился в Виндзор, а в декабре Констанция и Аврора вновь переехали в свой лондонский дом.

Когда наконец пришла весна, Аврора, словно вырвавшись из заточения, не могла вдоволь надышаться свежим воздухом и насладиться солнечным светом. Она любила долгие прогулки по цветникам в доме Констанции и по садам и лужайкам в Виндзоре.

Однажды весенним вечером именно в садике Констанции и нашел ее Ричард. Она сидела на мраморной скамье и читала. Ветерок доносил аромат цветов, в ветвях деревьев щебетали птицы. Пригревшись на солнце, она закрыла глаза и задремала.

Неожиданно солнце заслонила чья-то тень, Аврора сразу же открыла глаза, испуганно глядя на стоявшего перед ней человека. На мгновение ей даже показалось, что пришел Блэклоу, потом она узнала неожиданного гостя.

— Ричард!

Он улыбнулся и присел на скамью рядом с ней.

— Я здесь читала, — она указала на книгу, — и должно быть, задремала. — Он улыбнулся, но вид сохранял такой серьезный, что она спросила:

— Что-нибудь случилось, Ричард?

— Нет, Аврора... не случилось. Но я должен поговорить с вами. Я хотел дождаться возвращения в Англию вашего отца, но он, судя по всему, будет отсутствовать еще несколько месяцев.

Авроре стало не по себе. Ей не хотелось лгать ему, но выбора не было.

— Да, он еще не скоро вернется домой. К сожалению, его задержала плохая погода. Так о чем вы хотели поговорить со мной?

Он повернулся к ней и заговорил серьезным тоном:

— Аврора, я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж. Я люблю вас и предлагаю стать моей женой.

Ошеломленная, Аврора молча смотрела на него. Она никак не ожидала такого поворота событий.

— Хотя мы знакомы уже несколько месяцев, мое предложение, наверное, является для вас неожиданным. Однако прошу вас, обдумайте его. Я люблю вас, Аврора. — Он робко взял ее руку, держа ее с такой осторожностью, словно боялся сломать.

Аврора не знала, что сказать. Она не любила Ричарда, но он ей нравился, и ей не хотелось терять его как друга. Он открыл свое сердце, не могла же она нанести ему удар. Но она и думать не могла о нем как о муже...

— Ричард... я не знаю, что вам ответить...

Он пришел ей на выручку.

— Я понимаю, Аврора. Вы должны подумать. Сегодня я не буду вас больше беспокоить, но надеюсь, что вы подумаете над моими словами. — Он поднялся и склонился к руке в элегантно поклоне. — До свидания, Аврора.

— До свидания, Ричард.

Она долго смотрела ему вслед, а когда он исчез из виду, взяла книжку и прижала ее к груди.

Ричард де Сейревилл, отпрыск богатой и влиятельной семьи, только что просил ее руки. Просто не верилось. Но она любит Джайлза, которого не видела уже несколько месяцев. Она даже не уверена, любит ли он ее. Он утверждал, что любит, однако никогда не оставался с ней дольше нескольких часов. Наверняка если бы он действительно любил ее, то заявил бы о своей любви. А вдруг он ее просто использует? Как ни пыталась она избавиться от закравшегося подозрения, ничего не получалось.

Необходимо безотлагательно поговорить с кем-нибудь. Она помчалась к Констанции. Констанция сидела в гостиной и удивленно взглянула на запыхавшуюся и раскрасневшуюся Аврору.

— Боже мой, дитя, что случилось?

— Констанция, мне нужно немедленно поговорить с вами. — Аврора остановилась у окна, выходящего на Темзу, но даже не взглянула на суда, скользящие по ее поверхности. Чтобы унять охватившую ее дрожь, она сделала глубокий вдох. — Ко мне приходил Ричард де Сейревилл.

— Да, я видела его из окна. По-моему, он чем-то озабочен.

Констанция говорила таким равнодушным тоном, что Аврора не знала, стоит ли ей продолжать. Однако ей не к кому было больше обратиться.

— Он просил меня выйти за него замуж.

Констанция с облегчением улыбнулась.

— Чудесно, Аврора. Ричард производит впечатление милого молодого человека, и ты... — Она замолчала и нахмурила лоб. — Надеюсь, ты ему не отказала?

— Не отказала, но и не дала согласие. — Она умоляюще взглянула на Констанцию. — Я не знаю, что делать, Констанция, я совсем запуталась.

— Что тебя смущает?

— Я не люблю Ричарда, но он мне нравится.

— Это очень надежный фундамент для брака. Любовь может прийти потом. По крайней мере его присутствие не является для тебя невыносимым, и ты его не презираешь.

— Да, я знаю, что многие вступают в брак, вообще не зная друг друга, но я люблю... другого.

Констанция выгнула изящную бровь, но промолчала.

— Я по-прежнему люблю Джайлза. Я не смогла перестать любить его.

Констанция резко втянула в себя воздух и задумчиво взглянула на Аврору.

— Понятно. Но ведь никто не знает, что на уме у Джайлза. Ты, несомненно, догадываешься, что Джайлза любили многие женщины. Однако ни одной не удалось прибрать его к рукам. — Констанция покачала головой. — Я посоветовала бы тебе принять предложение Ричарда, Аврора. Думаю, для тебя далеко не худший вариант. Прошу тебя, Аврора, забудь Джайлза. Я говорю так не потому, что когда-то была его любовницей, а потому, что в его сердце нет места для любви. — Она встала. — Скоро ужин, а у нас с тобой еще много дел.

Когда Констанция ушла, Аврора еще некоторое время постояла в задумчивости, потом отправилась к себе и села на кровать. Люси немедленно оказалась у нее на коленях. Поговорив с Констанцией, Аврора так и не нашла ответа на вопрос: что же ей делать?

— Ах, Люси, я совсем запуталась.

Кошка подняла мордочку и потерлась о руку Авроры. И тут Аврора поняла, что ей нужно сделать. Поговорить с Джайлзом. И поскорее. Ей вдруг стало страшно.

Авроре не пришлось долго ждать, потому что примерно через неделю появился Блэклоу. Его удивило, что Аврора еще не спит и сидит у камина.

— Джайлз, я рада, что ты приехал, — проговорила она, положив голову ему на грудь.

Он поцеловал ее в лоб, потом в губы, но она слегка нахмурилась, когда он отвернулся, чтобы сесть на стул возле камина.

— Ты устал, любимый?

Он кивнул.

— Я проскакал верхом много миль. — Он зевнул, прикрыв рот рукой. — Боюсь, сегодня я просто засну в постели.

— Лишь бы ты находился рядом со мной — ничто другое для меня не имеет значения, Джайлз.

Ей показалось, что он чем-то встревожен. Наверное, просто устал, подумала она.

Аврора подошла к нему и, положив руки ему на плечи, принялась массировать напряженные мускулы. Что у него за дела, от которых он так устает? Дела? А может быть, женщина? — вдруг пришло ей в голову. Она попыталась прогнать неприятную мысль, но не получилось.

Она продолжала молча массировать его плечи и спину. Он тоже не нарушал молчания и, кажется, над чем-то глубоко задумался. Наконец, она не выдержала.

— Что-нибудь случилось, Джайлз? Ты сегодня такой тихий.

— Разве не может человек помолчать? Ведь мы не какие-нибудь болтливые сороки.

Она стиснула зубы. Значит, он ее сравнивает с сорокой? Она крепче нажала на его плечо и с удовлетворением услышала, как он охнул. Ишь ты, вздумал сравнивать ее с сорокой! Может быть, она его обидела? Но чем? Она отдавала ему всю любовь. Что еще он мог от нее требовать? Может быть, он тревожился о своих... делах? «Или о другой женщине», — подсказал внутренний голос, и она вздрогнула.

Она разминала его спинные мышцы, пока он не взял ее за руки и *не* посадил к себе на колени. Устроившись поудобнее, она стала смотреть в огонь. Сегодня она чувствовала себя с ним не совсем уютно, утратив уверенность в себе, и не знала, что сказать.

Обычно он расспрашивал ее о жизни при дворе и о людях, которых она там видела, но сегодня его, кажется, ничего не интересовало. Она решила рассказать ему о том, что произошло с тех пор, как они виделись в последний раз.

— Мэралайн, кажется, перестала распространять слухи обо мне, — сообщила она, но Блэклоу на ее слова никак не отреагировал. — Мы с Фейт катались верхом по городу. Теперь, когда установилась хорошая погода, у меня бывает много визитеров.

— Вот как?

— В большинстве своем джентльмены. Самый частый гость — Ричард де Сейревилл.

— Не сомневаюсь.

Она могла, наверное, сказать, что солнце восходит на востоке, а садится на западе. Он бы не заметил. Похоже, он совсем не обращал внимания на ее рассказы, и она не впервой подумала, что он, возможно, приехал сюда только для того, чтобы переспать с ней.

Она помолчала несколько минут и, когда Блэклоу так и не заговорил, собралась с духом и решила высказаться.

— Кстати, Констанция тоже очень рада тому, что Ричард часто у нас бывает. А всего неделю тому назад он предложил мне выйти за него замуж. — Блэклоу не рассмеялся и не разозлился. Она встревоженно заглянула ему в лицо. — Джайлз?

Он даже не взглянул на нее.

— Джайлз, ты слышал, что я сказала?

— Да. И я думаю, Аврора, что тебе следует принять его предложение.

— Что-о? — Аврора вскочила и, круто повернувшись, встала перед ним, уперев руки в бока. — Как тебя понимать?

— Понимай буквально, Аврора: тебе следует принять его предложение. — Он старался не встречаться с ней взглядом и еще сильнее нахмурил лоб. Он и впрямь выглядел очень усталым, но никакого сочувствия к нему у нее не осталось.

— Но если я выйду замуж, мы не сможем с тобой встречаться.

— Да. — Он встал и отошел от нее на несколько шагов. — Я думаю, что так будет лучше.

— Лучше, если мы не будем видеться? — Она не могла поверить, что не ослышалась. Она любила Джайлза... и думала, что он ее любит. Зачем он гонит ее от себя? — Что я такого сделала, Джайлз?

— Ты ничего не сделала. Совсем ничего.

— Ничего? Но почему ты тогда наказываешь меня? — спросила она, чувствуя, что повышает голос. Но ей уже было все равно, она хотела одного: внятного и разумного объяснения.

Он пожал плечами.

— Ну, если ты хочешь воспринимать мои слова таким образом, Аврора...

— А как еще я должна их воспринимать? Я любила тебя и думала, что ты меня любишь. А теперь ты советуешь мне выйти замуж за другого мужчину. Я не понимаю тебя. — Она говорила, как обиженный ребенок.

— Все очень просто. Со мной у тебя нет будущего. Ты знаешь. Я от тебя ничего не скрывал. Если хочешь жить счастливо, выходи замуж за Ричарда де Сейревилла. Не сомневаюсь, что он тебя любит и позаботится о тебе так, как ты того заслуживаешь.

— Я не хочу «жить счастливо» с ним. Я не люблю его. Как же я смогу быть счастливой? Впервые за весь вечер его губы дрогнули в улыбке.

— Чтобы быть счастливой, не обязательно любить своего мужа.

— Для меня обязательно.

— Ты еще очень молода и наивна. Со временем научишься.

Ее глаза наполнились слезами.

— Нет, Джайлз. Я не хочу выходить за него замуж. Я люблю тебя. Я хочу замуж за тебя. — Она подошла к нему и обвила руками его шею. Он решительно разомкнул объятия, потрепав ее по руке, словно ребенка. Она отпрянула от него, как будто обожглась.

— Я должен идти, я не могу оставаться дольше, Аврора, — произнес он, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Как пожелаете, милорд, — ответила Аврора, вытирая слезы, но плакать все равно хотелось. Больше всего на свете ей хотелось бы сейчас броситься к нему в объятия. «Но ведь он оттолкнет меня», — с горечью подумала она.

Он нерешительно направился к двери и остановился.

— Мы скоро увидимся с тобой, — заявил он. Она промолчала.

Дверь тихо открылась, и он выскользнул из комнаты.

— Пропади ты пропадом! — крикнула она, обращаясь к закрывшейся двери и, опустившись на пол, разрыдалась. Слезы ручьями текли по ее щекам, и она прижала кулак ко рту, чтобы заглушить рыдания.

Он ушел от нее почти так же быстро, как появился в ее жизни. Ушел. И унес свою любовь и ее любовь. Исчез навсегда. Она разрыдалась с новой силой. Люси подошла к ней, лизнула руку и улеглась на коврик перед камином, одним глазом зорко наблюдая за хозяйкой. Мало-помалу рыдания Авроры утихли. Судорожно вздохнув, она с трудом поднялась на ноги.

У нее на мгновение закружилась голова, и она ухватилась за каминную полку, чтобы не упасть. Медленно, пошатываясь, словно выпила лишнего, она добралась до кровати. Бросившись на нее, она приказала себе заснуть, хотя знала, что сегодня ей заснуть не удастся.

Два дня спустя к ней зашел Ричард. Наутро после посещения Блэклоу Аврора уже овладела собой.

— Я принес маленький подарок. — Молодой человек протянул ей букетик красных, розовых и белых цветов, короткие стебельки которых были тщательно обернуты тонким белым кружевом.

Она взяла букет, громко выразив свое восхищение:

— Какая красота, Ричард. Цветы, наверное, из сада твоей матушки? — Он кивнул. Она осторожно прикоснулась к тонким лепесткам, стараясь не помять их. Цветы испускали пряный аромат, и она с удовольствием вдохнула его. — Спасибо, — промолвила она и, потянувшись, поцеловала его в щеку. Слегка покраснев, она тут же отвернулась. — Надо немедленно поставить их в воду.

Он кивнул и остался ждать ее возвращения. Когда Аврора возвратилась с букетом, который поставила в стеклянную вазу, она застала его в том же положении. Он улыбнулся ей, она улыбнулась в ответ. В течение нескольких минут они болтали о всяких посторонних вещах. Внезапно Ричард откашлялся и обратился к ней:

— Аврора, вы обдумали то, что я предложил вам в прошлый раз?

Она вспомнила безразличие на лице Блэклоу и свою обиду, которая еще не прошла, и, собравшись с духом, ответила:

— Да, Ричард. Я с радостью стану вашей женой.

Его лицо моментально преобразилось. Он взял ее руку и медленно поднес к своим губам.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ты была счастлива, любовь моя.

Она улыбнулась ему, пытаясь изобразить самую счастливую женщину на свете, хотя самой хотелось плакать.

— Вы не видели Люси? — спросила Аврора Констанцию.

— Нет, дорогая. Нет ли ее в твоей комнате? Обычно она целыми днями бывает там.

— Я уже заглядывала туда, — заверила Аврора, — и звала ее.

— Должно быть, она по ошибке выбежала в сад и скоро вернется.

— Надеюсь, — согласилась Аврора, которой вдруг почему-то стало не по себе. Люси никогда не выходила за пределы дома, да и на ее голос она не откликнулась.

— Я хотела бы поговорить с тобой о твоём решении, — вымолвила Констанция, откладывая рукоделие. Аврора замерла в ожидании.

— Думаю, что ты сделала хороший выбор, дорогая. Пусть даже сейчас твое сердце не принадлежит Ричарду, ты постепенно его полюбишь. Он будет хорошим, добрым мужем. Поверь мне, это не так уж мало.

Нет, подумала Аврора, ей нужно для счастья гораздо больше, чем брак с Ричардом. Но теперь обо всех мечтах надо забыть. Теперь она знала, что Джайлз Блэклоу никогда не будет принадлежать ей, что он ее не хочет и никогда не хотел. Она судорожно вздохнула и, должно быть, всхлипнула, потому что Констанция встревоженно взглянула на нее.

— С тобой все в порядке, дитя?

— Да, не беспокойтесь. Наверное, я просто переволновалась.

— Оно и понятно, дорогая. А тут еще и Люси куда-то пропала. Уверена, что и часа не

пройдет, как она вернется. Да еще, возможно, некоторое время спустя подарит тебе целый выводок котят. Тебе надо отдохнуть. Нам многое предстоит сделать, а времени так мало.

Перечисляя дела, которые нужно сделать к предстоящей свадьбе, Констанция повела Аврору в ее спальню и помогла раздеться. Уложив ее в постель, она села рядом, успокаивая ее. Засыпая, Аврора видела перед собой озабоченное лицо Констанции.

Ричард сразу же рассказал родителям о своих планах. Мать искренне обрадовалась, а лорд де Сейревилл снисходительно усмехнулся и похлопал сына по спине. Вскоре о предстоящем бракосочетании объявили при дворе. Церемонию назначили на октябрь.

Семья Ричарда устраивала для молодой четы бесконечные увеселения при дворе; в них принимали участие друзья его семьи и те, кто желал снискать расположение де Сейревиллов. Констанция устроила великолепный праздник в честь своей юной подопечной, пригласив на него друзей, которых Аврора успела занять при дворе. Праздник, судя по всему, очень удался, по крайней мере Констанция была довольна. Однако Аврора среди праздничной кутерьмы совсем не чувствовала себя счастливой. Она жила словно под гипнозом, почти не сознавая происходящего вокруг.

В июле, во время одного из таких празднеств, Аврору пожелала видеть королева. Аврора сначала занервничала, но заставила себя успокоиться. Она не должна вести себя так, словно впервые оказалась при дворе или сделала что-то противозаконное.

— Ваше величество, — произнесла она, приседая в глубоком реверансе.

— Поднимись, леди Аврора, — приказала королева, чуть повернув к ней сильно накрашенное лицо. — Как я понимаю, ты намерена выйти замуж за молодого Ричарда де Сейревилла. — Она пристально взглянула на девушку. — Это правда?

— Да, ваше величество. Но только с вашего милостивого позволения, разумеется.

На губах королевы появилась чуть заметная улыбка.

— Учтивая девочка. Разумеется, я одобряю ваш брак. Ты будешь Ричарду хорошей женой, а он для тебя станет хорошим мужем. Он довольно хорош собой, не так ли?

— Да, ваше величество.

— При дворе много мерзости, которая скрывается за красивой внешностью. Тебе следует всегда остерегаться мужчин, у которых нет иной цели в жизни, кроме как обманывать женщин.

Аврора кивнула, подумав о Блэклоу.

— Ричард не такой, дорогая, и я думаю, что ты сделала правильный выбор.

— Спасибо, ваше величество.

Они поговорили несколько минут, потом к ним присоединились другие. Встретившись в тот вечер с Фейт, Аврора вкратце рассказала ей, о чем беседовала с королевой.

— Хорошо, что она одобрила брак, — произнесла Фейт. Окинув подругу пытливым взглядом, она спросила: — Что с тобой, Аврора? С тех пор как объявили о предстоящей свадьбе, ты не выглядишь счастливой.

— Пустяки, — с деланным равнодушием бросила Аврора. — А вот ты должна кое о чем рассказать мне. В кого ты безнадежно влюблена?

— Нет у меня никакой безнадежной любви. Я вообще в него не влюблена, — покраснев, принялась оправдываться Фейт.

— Я тебе не верю. Кто он такой, Фейт? Мне ты можешь довериться, ведь я твой друг.

— Ладно, — сдалась Фейт. Она сложила руки на коленях и не отрывала от них взгляда, но лицо ее озарилось такой счастливой улыбкой, какой Аврора еще никогда у нее не видала. — Его зовут Джон.

— Начало многообещающее: такое редкое имя! — поддразнила подругу Аврора.

— Я его встретила недавно.

— При дворе?

— Нет. В городе, на базаре. Мы с ним столкнулись в толпе, у меня из рук выпала корзинка. Он ее поднял и отдал мне.

— А дальше?

— С тех пор мы встречались с ним несколько раз, — продолжала Фейт, так и не поднимая глаз.

— Но он при дворе не бывает?

— Нет.

— Почему? — Видя, что Фейт медлит с ответом, Аврора положила руку ей на плечо. — Мне ты можешь сказать. Ты ведь знаешь, что я никому не скажу и никогда не выдам твою тайну. Фейт кивнула.

— Он студент.

— Очень хорошо.

— Да, но он бедный. К тому же он католик! — собравшись с духом, выпалила она.

— Вот как? — Аврора вдруг встрепенулась. — Постой-ка. Ты говоришь, что его зовут Джон? А фамилия его, случайно, не Максвелл?

Фейт удивленно взглянула на нее.

— Да. Но откуда ты знаешь?

Аврора рассмеялась.

— Ты не поверишь, Фейт, но Джон был одним из моих учителей, до того как я приехала в Лондон.

— Не может быть!

— Может! Констанция его знала и очень хвалила, поэтому он стал помогать мне учиться... — Аврора замолчала, не договорив фразу.

Но Фейт ничего не заметила.

— Значит, он тебе нравится?

— Я считаю его красивым и добрым. И очень счастлива за тебя. — Аврора с улыбкой обняла подругу.

— И тебя не тревожит... что он католик?

— Нет.

— Меня тоже, — призналась Фейт. — Не знаю только, как посмотрит отец:

— Значит, ты пока ничего не сказала ему о Джоне? Может быть, нам попросить Констанцию поговорить с твоим отцом? Возможно, ей удалось бы убедить его взглянуть на ситуацию разумно.

— Думаешь, она могла бы? — с надеждой в голосе спросила Фейт.

— Думаю, что смогла бы. Ведь Констанция тоже любит Джона.

— Спасибо тебе, Аврора. Ты настоящий друг, — обняла Фейт девушку. — А когда у вас с Ричардом родится ребенок, обещаю тебе, что я стану его крестной матерью.

Аврора кивнула. Ребенок Ричарда, а не Джайлза, с горечью подумала она.

— Какая я эгоистка, только и говорю о себе, — проговорила Фейт. — Я уверена, что у тебя все сложится хорошо. Если даже ты не любишь Ричарда сейчас, то полюбишь потом, потому что он хороший и добрый человек. Может быть, так оно и лучше.

— Может быть, — медленно повторила Аврора, — ты права, Фейт. Я даже уверена, что ты права.

Но в глубине души Аврора понимала, что совершает ошибку. Однако у нее не оставалось выбора. Джайлз Блэклоу недвусмысленно отказал ей в будущем с ним.

— Как тебе удалось выманить кошку из дома? — спросила Роксана, наблюдавшая, как Мэралайн расчесывает щеткой волосы. Элис и Мэри, сидевшие рядом, ничего не сказали. Мэри сегодня показалась Мэралайн почему-то особенно тихой, но она напомнила себе, что глупенькая девчонка и всегда не очень-то разговорлива.

— Ну, очень просто.

Мэралайн взглянула на черную кошку, сидевшую в металлической клетке. С тех пор как ее сюда принесли, кошка не переставая мяукала или металась по тесной клетке. Иногда она останавливалась и принималась грызть железные прутья — увы, безуспешно! Мэралайн будет рада, когда мерзкое создание исчезнет из ее комнаты. От кошки слишком много шума, а ее шерстинки приставали к одежде.

— Я всего лишь приказала одному из своих слуг подружиться с одним из ее слуг, и однажды, когда Авроры не было дома, он стащил кошку.

— Блестящее решение! — восхищенно воскликнула Элис.

Роксана просунула руку в клетку и тут же отдернула ее.

— Посмотрите, что наделала эта зверюга! — Она протянула руку, на которой были видны четыре длинные красные царапины. Элис озабоченно поцокала языком и протянула подруге полотняный платок.

— Кошка такая дикая, — отметила Мэралайн. — Аврора, вероятно, ее заколдовывает, чтобы держать в повиновении в своем присутствии.

— Как ты думаешь, — спросила у Мэралайн Роксана, прикладывая к царапинам платок, — они с кошкой... ну, ты понимаешь... — Роксана с Элис обменялись взглядами.

— О чем ты, Роксана? Растолкуй нам, пожалуйста.

— Ты не думаешь, что они с кошкой любовники? Я слышала, что ведьмы спят с прирученными животными... а также с дьяволом!

Мэралайн насмешливо скривила губы.

— Уверена, что она с кошкой проделывает самые грязные штучки.

Роксана тихо охнула.

— Какой ужас, — пробормотала Элис, хотя мысль о такой бесстыдной содомии явно возбудила ее.

— Что ты будешь делать с кошкой? — впервые подала голос Мэри.

— Сначала я покажу кое-кому грязное животное, а потом, боюсь, этой твари придется расстаться с одной из девяти жизней.

— Ты убьешь ее? — спросила Элис.

— Не я сама, глупенькая.

— А что, если она заколдует тебя или сделает еще что-нибудь?

«Не удивительно ли, что Элис и Роксана такие суеверные? — подумала Мэралайн. — Ведь они говорят абсолютную чепуху! Нет, они никогда не продвинулись при дворе. У них нет ни капли воображения».

— Кто-нибудь другой отделается от нее, чтобы она не причинила вреда ни мне... ни вам. — Мэралайн с удовлетворением заметила, как вздрогнули девушки. — А потом мы разоблачим ее как колдунью.

— Ах, какая ты умная, — восхитилась Элис.

— Потому она у нас и главная, — подтвердила Роксана.

Мэралайн улыбнулась. Мэри промолчала.

Время шло, а Аврора так и не смогла пока отыскать Люси. Она еще раз обыскала всю территорию вокруг дома, опасаясь, что кошка заболела или погибла. Она заходила в ближайšie дома и спрашивала, не видел ли кто-нибудь Люси. Но никто ее не видел. Когда они с Констанцией перебрались во дворец, Аврора и там расспрашивала о кошке. Но все безрезультатно.

Время от времени она отправляла слугу в их лондонский дом, чтобы узнать, не вернулась ли Люси. Констанция, зная, как расстроена Аврора, предположила, что кошка, возможно, прижилась у кого-нибудь и вернется через месяц-другой.

Аврора покачала головой. Она уверена, что ее кошечка никогда не смогла бы остаться в другом месте. Нет, с ней наверняка произошло что-нибудь страшное. Разве могла Аврора чувствовать себя счастливой, когда исчезла Люси и когда неумолимо приближался день бракосочетания?

Ричард де Сейревилл теперь стал постоянным спутником Авроры, бывал везде, где бывала она, и ежедневно навещал ее, задерживаясь до позднего вечера. Когда у нее случалось плохое настроение, Аврора предпочитала находиться в одиночестве, чем с будущим мужем. Она страдала от его любви и внимания, испытывая чувство вины. Ричард ее любил, и она должна ценить его чувство. Всякий раз, когда Ричард целовал ее или гладил по голове, она не могла не вспоминать о Джайлзе Блэклоу. Как бы она ни была сердита на него, она не могла его ненавидеть, лишь гнев и отчаяние остались у нее в душе. Но время шло, и день бракосочетания приближался.

Люси не находилась. Аврора боялась, что кошка погибла, и каждую ночь плакала, лежа одна в постели. Ей не хватало тихого мурлыканья своей любимицы, ее успокаивающего тепла, и она без конца думала о том, что могло произойти с кошкой.

Чтобы отвлечься от своих страданий, Аврора решила сделать все от нее зависящее, чтобы хотя бы Фейт была счастлива. Она рассказала Констанции о том, как Фейт познакомилась с Джоном Максвеллом и влюбилась в него. Констанцию неожиданная новость обрадовала, она с готовностью согласилась поговорить с отцом Фейт. По ее мнению, он всегда отличался терпимостью в вопросах религии, и она надеялась, что долго убеждать его не придется.

Аврора была рада за подругу.

В середине июля королева начала свои поездки по стране. Чтобы укрыться от лондонской жары, Аврора и Констанция вернулись в Грейвуд. Здесь все и началось, думала Аврора, бродя по коридорам. Несколько лет назад она встретила Джайлза Блэклоу и полюбила его так же безоглядно, как Фейт полюбила Джона. Вздохнув, она вернулась в свою комнату и легла на кровать. Она лежала, уставясь в потолок, ничего не видя, ни о чем не думая, и ждала, когда ее позовет Констанция.

В августе, когда королева путешествовала по северной части страны, атмосферу благоденствия при дворе омрачил скандал, связанный с арестом Энтони Бабингтона, которого подозревали в заговоре с целью убийства королевы. Двор пребывал в шоке.

Побывав на дыбе и отведав других орудий убеждения, Бабингтон сознался в участии в заговоре и утверждал, что к нему причастна также кухня королевы — католичка Мария.

При дворе никому не пришло в голову усомниться в услышанном — все знали о нелюбви Марии к Елизавете. Правда, Елизавета платила ей той же монетой. Елизавета сразу же вернулась в Лондон, и все вокруг только и говорили о нераскрытом предательстве. Даже Аврора на какое-то время забыла о своих проблемах.

Были арестованы соучастники Бабингтона по заговору, и несколько недель спустя объявили, что они будут повешены в Тайберне^[7]. Большинство придворных намеревались присутствовать при казни, но Аврора отказалась. Она не любила подобные зрелища.

Бабингтона и других заговорщиков казнили, Марию Стюарт арестовали, оставалось разыскать остальных участников заговора Бабингтона. Сразу же все оказались под подозрением.

Констанция предупредила Аврору, что разговор с отцом Фейт она отложит до тех пор, пока не уляжется антикатолический ажиотаж при дворе. Фейт опасалась, что Джон может попасть под подозрение просто на основе его религиозных убеждений, и Аврора

посоветовала подруге уговорить Джона уехать из Лондона, пока не улягутся страсти.

На мгновение Авроре безумно захотелось признаться во всем своей подруге. Ей захотелось поведать Фейт о заточении в Брайдуэлл, о своем освобождении и новой жизни, о любви к Джайлзу Блэклоу. Но она не решилась. Слова не шли с языка. Возможно, когда-нибудь в другой раз...

Томас де Сейревилл, сыгравший важную роль в разоблачении предательства Бабингтона, был щедро вознагражден королевой за проявленную бдительность. Он хвастался своими успехами. Леди де Сейревилл его хвастовство внушало отвращение, ведь она знала, что по его вине казнили немало ни в чем не повинных людей.

Узнав, что к раскрытию заговора приложил руку Томас де Сейревилл, Аврора стала сомневаться в виновности Бабингтона. Может, он просто наивный простак, которого использовал в своих интересах кто-то более хитрый и коварный, чем он? Однако она не могла забыть, что Блэклоу просил ее замечать все, что происходит при дворе. Зачем? Если только он...

Нет, она не позволит себе подумать такое ни о ком, даже о Джайлзе Блэклоу. Она презирала его и презирала его таинственные «дела». Но участвовать в подобном он не мог.

Тем не менее мысль об этом занозой засела в голове Авроры.

— Ну, как тебе нравится мой план? — спросила Мэралайн своего любовника. Томас де Сейревилл ничего не ответил, продолжая смотреть в окно. — Ну, Том?

— Ничего не выйдет, — наконец произнес он.

— Что за чушь, дорогой? Разумеется, все получится, ведь я продумала все до мелочей. Ты убьешь кошку так, чтобы все поверили, будто Аврора занималась черной магией и совершила ритуальное жертвоприношение. Потом кто-нибудь из тех, кому мы доверяем, обнаружит труп животного, и во всем обвинят Аврору.

— Нет. — Он покачал головой.

— Почему?

— Не забудь, что она скоро станет членом моей семьи.

— Все еще можно остановить.

— Мэралайн, — строго проговорил он, — я не желаю, чтобы мое имя было запятнано связью с ведьмами и черной магией.

Она пожала плечами.

— Все равно ты не можешь допустить, чтобы она вошла в твою семью.

— Понимаю, но есть и другие способы не допустить бракосочетания.

Она скептически вздернула выщипанную бровь.

— Например?

Он запустил руку за лиф ее платья и грубо помассировал ей грудь. Она застонала и вскрикнула от желания.

— В свое время ты обо всем узнаешь.

— То-ом!

— И не пытайся умаслить меня, дорогая, я все равно пока ничего не скажу.

— Ну, Том...

Она поцеловала его и провела по губам кончиком языка.

— Нет.

— Ты плохо относишься ко мне, ты меня не любишь.

— Марш в постель, распутница, и я покажу, как мало тебя люблю.

Она усмехнулась и принялась раздеваться.

— Ну, что тебе надо? — спросил де Сейревилл у возникшего перед ним человека.

Он ушел от Мэралайн около часа назад и очень устал. Сегодня он «обслужил» эту сучку по полной программе и теперь хотел спать. А тут приходится еще терять время...

— У меня есть информация, которая, возможно, вас заинтересует.

Де Сейревилл что-то неопределенно хмыкнул. С тех пор как арестовали и казнили Бабингтона, он сократил до минимума свою собственную специальную деятельность. Он решил подождать, пока не утихнет шумиха, и лишь потом возобновить ее снова. Так что информация, которую предлагает его агент, едва ли сможет его заинтересовать. По крайней мере так ему казалось.

— Речь идет о мужчине, который посещал молодую леди, милорд, — с заискивающей улыбкой проговорил человек.

— Ну и?.. — нетерпеливо поторопил его де Сейревилл. Его будущая невестка не встречалась со своим ночным гостем уже довольно давно, и де Сейревилл успел потерять к

этому интерес. Судя по всему, ниточка их связи никуда не приведет. — Ты узнал его имя? — спросил он. По крайней мере оно могло пригодиться.

Его агент улыбнулся еще шире, открыв почерневшие остатки гнилых зубов.

— Конечно, милорд. Но все имеет свою цену.

— Понимаю. Как же я мог забыть? — Сунув руку в карман, он извлек несколько монет и бросил их соглядатаю. Серебро сверкнуло в свете свечи.

Филёр наклонился к нему, и де Сейревилл сморщил нос от отвращения, почувствовав вонь от гнилых зубов.

— Имя мужчины, который навещает Аврору ле Грей... Джайлз Блэклоу.

Де Сейревилл стал белым как мел.

— Блэклоу, — хрипло прошептал он. Откинувшись на спинку кресла, он пристально взглянул на филёра и добавил: — Ты, должно быть, ошибся.

— Никак нет, сэр. Однажды он сам назвал свое имя. Не сомневайтесь, сэр. — Наблюдатель с удовлетворением кивнул головой. Наконец-то его терпение было вознаграждено.

Де Сейревилл, снова покопавшись в кожаном кошельке, выудил золотой соверен и протянул удивленному шпиону.

— Держи. И забудь, что ты когда-либо слышал это имя.

Не ожидавший такой щедрой подачи, тот радостно усмехнулся и кивнул.

— А теперь иди. Я получил то, что хотел, и ты, несомненно, получил, что хотел.

Шпион поклонился.

— В любое время я к вашим услугам, сэр, — пробормотал он и тихо закрыл за собой дверь. А де Сейревилл глубоко задумался, глядя в огонь.

Джайлз Блэклоу... он уже много лет не слышал его имени. Он думал, что его уже нет в живых или что он находится в изгнании и никогда не вернется в Англию. А он, оказывается, здесь... и уже некоторое время посещает Аврору, ту самую девушку, на которой через несколько дней собирается жениться его сын.

Де Сейревилл резко поднялся на ноги. Забыв об усталости, он заложил руки за спину и принялся прохаживаться перед камином. Его пальцы то сжимались в кулаки, то разжимались. Девушка, на которой собирался жениться его сын. Может, женитьба его сына на ней не случайное совпадение? Может, их брак каким-то образом организовал Джайлз Блэклоу? Нет, невозможно. А может, возможно? Блэклоу ненавидит его и пойдет на что угодно, чтобы уничтожить де Сейревилла. А девушку никто и не знал, до тех пор пока Констанция Уэсткотт не представила ее при дворе. Говорили, что отец девушки путешествует за границей, но о нем никто никогда не слышал и его никто никогда не видел. Весьма любопытно, не так ли?

Так что Блэклоу, возможно, нашел способ причинить ему зло. Он представил девушку при дворе, потом она встретила Ричарда, а дальше все пошло как по маслу. Ричард, болван этакий, решил, что он влюблен, и сделал ей предложение. Но каким образом тот факт, что девушка станет членом его семьи, мог бы повредить ему?

Надо что-то делать, а времени остается так мало. Ему желательно отделаться от Джайлза Блэклоу раз и навсегда. Де Сейревилл усмехнулся, и в желтом свете свечи его лицо приобрело какое-то зловещее выражение.

Накануне дня бракосочетания Аврора пыталась убедить себя, что рада предстоящему событию. Но радости она не испытывала. Сославшись на усталость, она рано ушла к себе. Констанция лишь кивнула головой и улыбнулась, зная, что завтра будет очень утомительный день.

Оставшись наконец одна, Аврора села у камина и, сложив на коленях руки, смотрела в огонь. Завтра все будет кончено. Она выйдет замуж за Ричарда де Сейревилла и станет его молодой женой. На всем остальном можно будет поставить точку. Но не о таком счастливом конце она некогда мечтала.

Все ее мысли сосредоточивались на Блэклоу, хотя она страшно сердилась на него. Она потеряла сон и по ночам думала о том, как было бы хорошо, если бы она выходила замуж за Джайлза, а не за Ричарда. Она закрыла глаза, мечтая увидеть Джайлза в последний раз... один-единственный разок — больше ей ничего не надо.

Она почувствовала прикосновение к своему плечу и, открыв глаза, увидела стоявшего перед ней Блэклоу. Наверное, ей видится сон. Она протерла глаза, но он не исчез. Нет, не сон.

Джайлз пришел к ней, как будто знал, о чем она думает в свою последнюю ночь. Возможно, и он испытывал такое же чувство. Нет, сказала она себе, поднимаясь с кресла, ведь он ее не любит. Неужели она до сих пор не поняла этого?

Он отошел от нее на несколько шагов, и выражение его лица стало непроницаемым. Она ждала, когда он заговорит, и, не дождавшись, взглянула на него.

— Что привело вас сюда, милорд? — спросила она, радуясь, что голос у нее не дрожит.

Он ответил, и его голос тоже не дрожал.

— Я хотел увидеться с тобой последний раз, Аврора.

— Вот как? Я удивлена, — приподняла она бровь, надеясь выглядеть пренебрежительно и понимая, что он даже не заметит ее ужасного состояния.

Он молчал.

— У меня еще много дел сегодня, так что на разговоры нет времени.

— В таком случае я не буду тебя задерживать. Мне следует тебя поздравить?

У нее задрожала нижняя губа.

— Если пожелаете, милорд.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Мне от вас ничего не нужно.

— Понятно.

Она судорожно сглотнула.

— А теперь вам следует уйти, милорд. — Она отошла к окну, все время ощущая его присутствие. На некотором расстоянии, но все же очень близко.

— Аврора?

Она круто повернулась. Он стоял у двери, уже взявшись за дверную ручку. Возможно, она видит его в последний раз в жизни, подумала, она и не выдержала.

— Джайлз! — Она промчалась через всю комнату и прильнула к нему. Он поднял руки и заключил ее в объятия, наклонился и поцеловал в губы.

Как ей не хватало его поцелуев, его объятий! Она чуть не заплакала от счастья, крепко

обнимая его и возвращая ему его поцелуи с такой же, как у него, страстью. Его теплое дыхание касалось ее щеки, их поцелуи становились все горячее, и, наконец, не говоря ни слова, он подхватил ее на руки и отнес на кровать. Они разделись в полутьме и долго любили друг друга — не спеша, смакуя каждое мгновение.

Они наперебой говорили слова любви и нежно гладили друг друга, а когда страсть достигла наивысшего накала, они в изнеможении вернулись на землю. Спали они недолго, не разжимая объятий, а когда проснулись, комнату заливал серебряный свет луны. Аврора прижалась к телу Блэклоу и потянулась к нему губами. Он поискал и нашел ее губы, и они снова занялись любовью. После второго раза он медленно гладил рукой ее волосы, потом обмотал прядь волос вокруг пальца. Они не говорили ни слова, хотя оба знали, что ему пора уходить. Мысль о его уходе была невыносима. Скоро утро, и она понимала, что надо немного поспать, но заснуть не могла. Ведь она в последний раз была с Джайлзом, со своим возлюбленным.

Он еще раз нежно поцеловал ее и, соскользнув с кровати, стал одеваться. Она тоже встала и теперь наблюдала за ним, освещенная светом луны, льющимся из окна. Он подошел к ней, взял ее руки в свои и еще раз поцеловал в губы. Потом повернулся и ушел.

Аврора долго стояла, глядя на закрытую дверь, потом, впервые почувствовав холодный воздух октябрьской ночи, вздрогнула всем телом и вернулась в постель, все еще сохранявшую тепло их тел. Забравшись под одеяло, она дала волю слезам.

На следующее утро Констанция рано разбудила Аврору, заснувшую только с первым светом зари, то есть проспала не более часа. Аврора с большой неохотой встала и вымыла лицо и руки холодной водой.

Констанция вернулась через несколько минут.

— Для тебя приготовлена горячая ванна. Не будем терять времени, нам еще многое предстоит сделать.

Аврора зевнула и, кивнув головой, последовала за Констанцией. В ванне она не задержалась, быстро вымыв тело и волосы. Потом, усевшись у огня, она принялась расчесывать волосы, зевнула и закрыла глаза. Она очень устала. Больше всего ей хотелось сейчас вернуться в постель и проспать весь день. Однако через несколько часов...

Аврора вернулась в спальню и едва успела натянуть на себя рубашку и чулки, как Констанция принесла подвенечное платье.

— Все под контролем, дорогая. Если хочешь, я помогу тебе одеться, а как только сама буду готова, мы отправимся в церковь, где нас встретят де Сейревиллы. Ричард предложил заехать за нами, но я решила, что нам лучше подождать. Считается плохой приметой, если невеста видится с женихом перед церемонией бракосочетания.

Плохая примета... Аврора чуть не рассмеялась вслух. Что может случиться? Может, отменят свадьбу? Констанция попыталась отвлечь Аврору рассказами о дне своей свадьбы. Девушка слушала, но не слышала ни слова. Заметив, что Аврора, сама того не замечая, рвет щеткой спутавшиеся волосы, Констанция взяла из ее рук щетку и несколькими решительными плавными взмахами привела волосы в порядок.

Потом Аврора начала одеваться. Констанция помогла ей застегнуть крючки. Достав из украшенной эмалью шкатулки нитку жемчуга, недавно подаренную ей Ричардом, она надела ее на шею и посмотрелась в ручное зеркальце, которое поднесла ей Констанция.

Бледна как смерть, подумала Аврора и пощипала щеки, чтобы они порозовели. Глаза на белом, без кровинки, лице покраснели, оттого что она плакала, но тут уже ничего не сделаешь. Сойдет. Все равно, заметив ее покрасневшие глаза, все решат, что во всем виноват предсвадебный невроз.

Она опустила зеркало и разгладила складку на юбке. Жесткий высокий воротник, едва позволявший ей повернуть голову, и длинные, широкие рукава сплошь покрывали мелкие жемчужинки. Лиф платья, изготовленный из золотой парчи, и белая парчовая юбка, причудливо расшитая серебряной и золотой нитями, сидели на ее фигуре великолепно. На ноги Аврора надела золотые туфельки без задников.

Наверное, она выглядела неплохо, но ей было все равно.

— Как я выгляжу, Констанция? — машинально спросила она.

Констанция окинула ее взглядом и заставила себя улыбнуться.

— Ты выглядишь замечательно, дорогая. Как и положено очаровательной невесте. Ты готова?

Аврора сделала глубокий вдох, восстанавливая ритм дыхания.

— Наверное, готова.

— Вот и хорошо. Пойду проверю, подали ли экипаж. Жди меня здесь.

Аврора кивнула. Она не чувствовала ничего. Только боль и страдание.

До церкви было рукой подать, и они доехали очень быстро. Слишком быстро, подумала Аврора, направляясь вместе с Констанцией к церковным воротам. Констанция направляла каждый ее шаг, как будто боялась, что если она оставит Аврору без внимания, то та сбежит. Возможно, она была права. Рассеянно оглядевшись, Аврора заметила, что в церкви много народа. Слезы застилали ей глаза, и она лишь слышала приглушенное жужжание голосов, но не видела ничего, кроме расплывающегося света свечей да неотчетливо вырисовывающихся бледных лиц.

Аврора знала, что сегодня здесь собрались многие важные люди. Даже сама королева обещала почтить церемонию своим присутствием. Всю последнюю неделю Констанция рассказывала ей, что церковь будет освещена сотнями свечей и украшена гирляндами осенних цветов, которыми обовьют колонны. Однако Аврора ничего не видела.

Она чувствовала себя глубоко несчастной и едва сдерживала слезы. Как ни парадоксально, думала она, те, кто заметит слезы на ее глазах, решат, что она плачет от счастья.

Констанция проводила ее к алтарю, украшенному массой золотистых и красновато-коричневых цветов, придававших ему праздничный вид, и оставила ее там одну. Мгновение спустя она почувствовала прикосновение к своей руке и, подняв глаза, увидела улыбающегося Ричарда в красивом костюме золотых и синих тонов. Сама не сознавая, она ухватила за его теплую мягкую руку.

Англиканский священник, толстый, приземистый, с круглой физиономией, облаченный в черную сутану, широко улыбнулся им обоим и открыл молитвенник, приступив к церемонии. Неожиданно голос его дрогнул, и монотонное чтение молитвы остановилось. Аврора услышала какие-то крики и шум, взглянула на Ричарда, потом медленно повернулась, с удивлением глядя на Джайлза Блэклоу, направлявшегося к алтарю. Она беспомощно заморгала, не веря своим глазам.

Что здесь делает Джайлз? Ошеломленная, она смотрела на него, отчаянно надеясь, что он пришел, чтобы остановить церемонию бракосочетания. Но вдруг она осознала, какой опасности он подвергается. Какое с его стороны безрассудство появляться здесь!

Оглянувшись, она увидела ужас на лице леди де Сейревилл. Похоже, она готова упасть в обморок. Ее удерживала на ногах только стоявшая рядом не менее удивленная Констанция. Ошеломленный Ричард взглянул на Аврору.

Физиономия лорда де Сейревилла выражала глубокую ненависть. Не теряя времени, он выскочил вперед и заорал, указывая на приближающегося Блэклоу:

— Стража! Стража! Остановите его! Арестуйте этого человека!

Аврора машинально сделала шаг навстречу Блэклоу, смутно заметив изумленный взгляд Ричарда. Блэклоу приближался к ней, без труда пресекая попытки остановить его, а де Сейревилл продолжал настойчиво требовать, чтобы гвардейцы его арестовали.

Но Блэклоу пока ничего противозаконного не совершил, и сбитые с толку королевские гвардейцы уставились на королеву в ожидании ее указаний. Елизавета, выгнув тонкую бровь и чуть приподняв руку, жестом приказала им ждать. Авроре показалось, что королева и сама сбита с толку. Ричард во все глаза смотрел на отца, как будто никогда его раньше не видел. Филиппа де Сейревилл глядела в сторону.

Все молчали, только де Сейревилл продолжал орать. Никто не бросился его успокаивать, и он стоял один, так крепко сжав в кулаки руки, что побелели костяшки пальцев.

— Ваше величество, — с поклоном произнес Блэклоу. — Дамы и господа! Сожалею, что прервал торжественную церемонию, но я должен сообщить нечто очень важное и не терпящее отлагательства. Не более часа тому назад я нашел доказательства того, что должно быть немедленно доведено до сведения вашего величества.

— Выведите его отсюда! — взвизгнул де Сейревилл и бросился на Блэклоу, который даже не шевельнулся.

Несколько приятелей де Сейревилла схватили его за руки, безуспешно пытаясь заставить замолчать.

— Уберите отсюда этого человека! — продолжал кричать де Сейревилл. — Не слушайте того, что он говорит! Он предал корону!

— Я желаю выслушать этого человека, — повелела Елизавета. — Продолжайте, лорд Блэклоу.

Глядя в лицо королеве, он начал говорить глубоким, отчетливо звучащим голосом:

— Будучи верноподданным королевы, я должен предупредить ваше величество о том, что замышляется неслыханное предательство.

Шум голосов собравшихся гостей смолк. Только голос де Сейревилла упорно приказывал гвардейцам схватить Блэклоу. Блэклоу продолжал, как будто и не слышал его выкриков.

— Прошу прощения за неприятную новость, но я должен сообщить, что Томас де Сейревилл организовал заговор против вас, ваше величество.

Елизавета повернула голову и одарила де Сейревилла холодным взглядом.

— Это ложь! — с жаром запротестовал побагровевший де Сейревилл. — Неужели вы

поверите словам какого-то католика, земли которого конфискованы короной, а сам он лишен титула? Нет! — Он изо всех сил старался говорить нормальным тоном. — Ваше величество, умоляю вас не слушать предателя.

— Ваше величество, лорд де Сейревилл возглавляет небольшую группу титулованных дворян, считающих, что в прошлом вы были слишком снисходительны к католикам и другим религиозным отступникам. — В голосе Блэклоу ощущалась ирония, но он тем не менее продолжал, глядя прямо в глаза королевы. — Они давно вынашивали злодейские планы и, наконец, решились на то, чтобы убить вас сегодня, ваше величество.

В глубине церкви кто-то громко вскрикнул.

— После вашей смерти, ваше величество, де Сейревилл намеревается провозгласить себя лордом-протектором, то есть занять весьма высокое положение. Затем он планирует добиться казни Марии, королевы шотландской, якобы за ее измену, а в действительности потому что она является следующим претендентом на трон. И тогда на английский престол будет возведен ее юный сын, которым де Сейревилл и его приятели смогли бы манипулировать, как пожелают.

— Он говорит ложь, ужасную ложь, — произнес де Сейревилл почти нормальным голосом. — Ваше величество, — улыбнулся он королеве, хотя Аврора увидела, что на его лице выступили крупные капли пота, — зачем бы мне делать то, в чем меня обвиняет этот человек?

— У меня есть доказательство, — заявил Блэклоу, не взглянув на де Сейревилла, и, сделав шаг в сторону Елизаветы, передал ей документ. Она развернула пергамент и, нахмутив брови, медленно прочла его, потом перечитала еще раз. Закончив, она свернула документ и пристально взглянула на Блэклоу.

— Далее, — продолжал Блэклоу и в первый раз взглянул на Аврору, — я могу доказать, что много лет тому назад Томас де Сейревилл причинил много вреда своему доброму другу Джайлзу Блэклоу и обманным путем увел у него женщину, на которой тот собирался жениться, а также лишил его семейных земельных владений, которые он впоследствии получил от короны.

Аврора внимательно глядела на Блэклоу, потом перевела взгляд на королеву, а Ричард смотрел на свою мать, которая не поднимала глаз.

Де Сейревилл подошел ближе к королеве.

— Этот человек — католик и предатель, — провозгласил он, указывая на Блэклоу дрожащим пальцем. — Он никогда не придерживался интересов короны, ваше величество, не то что я, ваш покорный слуга.

Де Сейревилл еще на шаг приблизился к королеве.

— Даже когда мы были мальчишками, он обманывал меня, ваше величество, и продолжал обманывать, когда мы стали взрослыми. Такой уж он есть. Он лжец. Поэтому никому не следует его слушать.

Словно почувствовав неладное, Ричард окликнул отца, но де Сейревилл не обратил на него внимания и сунул руку в карман. Не успели окружающие опомниться, как он вытащил пистолет и прицелился прямо в королеву.

Аврора, не раздумывая, бросилась на него и ударила по руке. Он схватил ее, и они принялись бороться, тогда как все остальные в изумлении застыли на месте. Потом раздался выстрел, эхом отразившийся от стен церкви, и Аврора упала на каменный пол.

Елизавета вскочила на ноги, королевские гвардейцы бросились вперед, схватили

старшего де Сейревилла и отобрали у него пистолет. Блэклоу и Ричард подбежали к упавшей девушке. Констанция тоже поспешила к ним, к истекающей кровью Авроре.

Елизавета, явно раздраженная неожиданным поворотом событий, окинула присутствующих сердитым взглядом.

— Вы все арестованы, — заявила она и повернулась, чтобы уйти.

— Прошу вас, ваше величество, — обратилась к королеве Констанция. — Было бы жестоко арестовывать юную Аврору, когда она ранена. Не позволите ли вы мне подлечить ее дома?

— Хорошо, леди Уэсткотт, мы сделаем ей снисхождение, потому что девушка едва ли знала о происходящем. Однако вы, вы и вы, — костлявый пальчик ткнул в Блэклоу, де Сейревилла и двух членов его семьи, — арестованы.

Одарив всех хмурым взглядом, королева покинула церковь.

Констанция несколько успокоилась, узнав, что рана Авроры оказалась всего лишь поверхностной: пуля из пистолета де Сейревилла задела предплечье. Отдохнув несколько дней, она уже бродила по лондонскому дому Констанции. Больше всего на свете ей хотелось узнать, что произошло после того, как ее подстрелили.

— Где Блэклоу? — спросила Аврора у Констанции. До сих пор вдова, считая, что девушке нужен отдых, не говорила ей о том, что сказала королева Елизавета.

— Он в Тауэре.

Аврора побледнела.

— В Тауэре? Чем он заслужил такое обращение? Что произошло? Я хочу знать все.

Констанция помогла девушке сесть и ответила ей:

— После того как ты получила пулю, королева приказала заточить в Тауэр всех — де Сейревиллов и Блэклоу — до выяснения обстоятельств дела.

— Но Блэклоу не сделал ничего плохого. Он лишь предупредил ее о предательстве де Сейревилла!

— Я уверена, что пока она содержит их в достаточно комфортабельных условиях.

— А что, если она передумает? — Аврора понимала, что в Тауэр заточены и другие, кроме Блэклоу, однако ей и в голову не пришло спросить о Ричарде. Она была убеждена в его невиновности и не верила, что он что-нибудь знал о предательстве отца, как и леди де Сейревилл. Мысль о заговоре могла родиться только в голове лорда де Сейревилла.

— Что теперь будет с моим браком? — чуть помедлив, спросила Аврора.

— Королева отозвала свое разрешение на ваш брак, так что ты можешь не беспокоиться.

Единственная хорошая новость, с иронией подумала Аврора. Ей хотелось немедленно бежать к королеве и сказать о невиновности Блэклоу. Однако она не имела никаких доказательств.

— Что, если де Сейревилл каким-то образом впутает Джайлза в историю заговора? Что если королева поверит, что он виновен в предательстве? Нам нужно каким-то образом помочь Джайлзу бежать из Тауэра!

Констанция скептически усмехнулась.

— Это невозможно, дорогая. Еще никому никогда не удавалось бежать из Тауэра.

Но Аврора не желала сдаваться.

Аврора ежедневно обращалась к королеве Елизавете с просьбой об аудиенции. Она уже потеряла всякую надежду, когда, наконец, королева согласилась встретиться с ней. Представ перед монархиней, Аврора склонилась в низком реверансе.

— Поднимись, — дружески разрешила Елизавета. — Надеюсь, твоя рана заживает?

Аврора бросила взгляд на свою руку с повязкой. Хотя рана теперь напоминала всего лишь глубокую царапину, Констанция все еще не позволяла снять ее.

— Да, ваше величество, благодарю вас. Рана совсем не болит.

— Мы рады, госпожа ле Грей, потому что вы получили тяжелую рану, спасая нашу жизнь. — Глаза с тяжелыми веками взглянули на Аврору. Аврора вдруг поняла, почему ей разрешили аудиенцию. — Именно поэтому, — продолжала королева, — я решила выслушать тебя сегодня. Прежде чем мы продолжим беседу, я должна поблагодарить тебя за службу.

Аврора чуть покраснела и снова присела в реверансе, потом с надеждой взглянула на

монархиню. Королева пристально поглядела на нее.

— Теперь перейдем к цели твоего визита, потому что, если я не ошибаюсь, ты добивалась аудиенции с единственной целью.

— Да, ваше величество, так оно и есть, — ответила Аврора.

Прежде чем прийти к королеве, она не менее десяти раз повторила все, что предполагала высказать, но произнести сейчас приготовленные слова она все-таки затруднялась.

— Я хочу сказать несколько слов в защиту Джайлза Блэклоу, ваше величество.

— Понятно.

Уголки покрашенных губ королевы чуть тронула улыбка, но может быть, Авроре только показалось? Возможно, просто игра света смягчила суровое выражение лица королевы?

— Ваше величество, я не знаю, что он сделал в прошлом, потому что он мне не рассказывал, но в одном я уверена: он не мог участвовать в предательстве по отношению к короне.

— Вот как?

— Да, ваше величество. Обратите внимание на то, как он стремился остановить де Сейревилла, и вам станет ясно, что Джайлз Блэклоу невиновен.

— А как быть с сыном? Думаешь, он причастен к заговору отца?

Аврора решительно покачала головой.

— Нет, ваше величество. Я думаю, что лорд де Сейревилл является единственным злодеем в семействе. Леди де Сейревилл и ее сын невиновны и ничего не знали о заговорщической деятельности лорда де Сейревилла.

Кажется, улыбка на лице королевы расплылась шире.

— Ты бросилась на защиту Блэклоу, хотя должна была выйти замуж за молодого Ричарда?

— Да, ваше величество. — Аврора опустила глаза.

— Понятно.

Вне всякого сомнения, королеве стала понятна вся ситуация в целом, подумала Аврора. Кажется, Елизавета действительно обладала большой проницательностью. Немного покраснев, Аврора стала ждать, когда королева продолжит разговор.

— Как ты познакомилась с Блэклоу? Насколько мне известно, он уже несколько лет не появляется в обществе открыто.

— Несколько лет назад, ваше величество, лорд Блэклоу приехал в Брайдуэлл и выкупил меня из того ужасного места.

Девушка кратко поведала королеве, как она попала в тюрьму и как снова оказалась на свободе, и Блэклоу обучал и воспитывал ее как благородную леди.

— Какая удивительная история, — пробормотала Елизавета. — А известно ли тебе, с какой целью он тебя освободил?

— Нет, ваше величество, неизвестно.

— Понятно. — Елизавета побарабанила пальцами по подлокотникам трона. — Ну что ж, госпожа ле Грей, вам не следует больше о них беспокоиться. Но вы не должны и ожидать их немедленного освобождения. Если их освободят, то не сразу. Дело более сложное, чем вам представляется, и еще многое предстоит расследовать. Вот и все, что я могу сказать пока.

— Понимаю, ваше величество. Спасибо, что позволили поговорить с вами.

Аврора вернулась домой, практически не добившись никаких результатов. Поднявшись в спальню, она обдумала все, что говорила во время аудиенции. Она добилась меньших успехов, чем надеялась. Дело более сложное, чем думала Аврора, по крайней мере так сказала королева. Может, Елизавете известно, что Блэклоу выступал в роли разбойника. Теперь она знала, что его земли и титул присвоил лорд де Сейревилл — отец человека, за которого она чуть не вышла замуж.

Если Блэклоу обвинят в разбое, его казнят. Если его сочтут виновным в измене короне, его казнят. У нее не оставалось выбора. Придется ей помочь ему бежать. Каковы бы ни были последствия.

— Я получила весьма удивительную записку, — поведала Констанция Авроре несколько дней спустя; Аврора взглянула на нее, оторвавшись от книги. По правде говоря, она не читала, а обдумывала способ вызволить Блэклоу из Тауэра.

— Что за записка?

— Она от какой-то Мэри Прентис. Ты знаешь такую?

Аврора задумалась.

— Пожалуй, знаю, о ком идет речь. Но кажется, она близкая подруга Мэралайн.

— Странно. Видишь ли, она хочет как можно скорее встретиться с нами обеими. Как мне поступить, Аврора? — спросила Констанция.

— Пусть приходит. После всего, что с нами случилось, нам хуже не будет.

— Что правда, то правда. Значит, я сейчас же отправлю ей ответ. — Констанция взяла бумагу, обмакнула перо в чернильницу и начала писать ответ.

Мэри Прентис оказалась той самой девочкой, о которой подумала Аврора и которую считала слишком хорошей, для того чтобы быть подругой Мэралайн.

— Я не хотела бы показаться навязчивой, — начала Мэри, теребя в руках носовой платочек.

— Все в порядке, — ободрила ее Констанция, улыбнувшись. — Что мы можем для вас сделать?

— Они поступили плохо, поэтому я и пришла к вам, — заявила Мэри.

— Простите, не поняла, — остановила ее ошеломленная Констанция. — Кто «они» и что плохого они сделали?

— «Они» — это Мэралайн и другие. Они украли вашу кошку.

— Что? Люси? Как им удалось? Где она сейчас? С ней все в порядке?

— Мэралайн подкупила слугу, и он стащил кошку. Она хотела, чтобы ее убили, и чтобы все выглядело так, будто вы умертвили ее, совершая обряд черной магии.

— Совершая что? — Аврора озадаченно взглянула на Констанцию, а потом на девушку.

— Мэралайн имела намерение обвинить вас в колдовстве.

Аврора и Констанция удивленно взглянули друг на друга и перевели взгляд на девушку, ожидая дальнейших разъяснений.

— Боюсь, что во всем виновата я, по крайней мере все началось с меня. Я упомянула, что слышала, будто у вас есть кошка, с которой вы разговариваете, как с человеком. Мэралайн и другие начали распространять слухи, а Роксана пошла к своему отцу и сказала, что вы ведьма. Потом Мэралайн заполучила кошку и держала ее в клетке, намереваясь через некоторое время убить ее и обвинить вас в колдовстве.

— Понятно, Мэри. — Аврора пыталась говорить как можно спокойнее. — А где находится кошка сейчас?

— Я ее спрятала от Мэралайн. После того как лорда де Сейревилла посадили в тюрьму Мэралайн совсем обезумела: постоянно швыряет все вокруг, рвет и ломает вещи. Я боялась, что она что-нибудь сделает с кошкой. Она не любила кошку, но и кошка ее не любила. Но я не хотела, чтобы ей или вам, леди ле Грей, причинили зло. Правда, не хотела.

— Я вам верю, — успокоила ее Аврора. — А теперь, не могли бы вы сказать мне или показать, где находится кошка?

— Когда вам будет угодно.

Аврора взглянула на Констанцию. Та кивнула.

— Я поеду с вами сейчас же.

— Возьми экипаж, Аврора, — посоветовала Констанция.

Вскоре экипаж доставил их в Уайтхолл, и Мэри провела Аврору туда, где располагались личные апартаменты королевских фрейлин.

— Осторожнее, — предупредила Мэри, — никто не должен нас заметить.

Они крадучись прошли по пыльному коридору, которым давно никто не пользовался, и Мэри открыла какую-то дверь. В помещении, куда они попали, находилась отслужившая свое мебель и было еще больше пыли, чем в коридоре. Слабый свет проникал сквозь единственное грязное оконце.

— Кошка там, — указала Мэри в темный дальний угол. Аврора осторожно шагнула вперед, почувствовав, как по спине пробежал холодок. Вдруг на нее кто-то набросился. В слабом свете сверкнул нож. Аврора увернулась от удара, и нож лишь распорол ей юбку. Круто повернувшись, она увидела Мэралайн в платье, покрытом пятнами, с взлохмаченными длинными светлыми волосами. Глаза у нее блестели лихорадочным блеском.

Аврора взглянула на Мэри, которая в ужасе смотрела на Мэралайн.

— Ты хотела заманить меня в ловушку, не так ли? — медленно спросила Аврора.

— Нет, — покачала головой Мэри. — Я не знала, что она придет сюда. Правда, не знала.

— Она говорит правду, — хихикнула Мэралайн. — Она не знала, что я следила за ней и видела все, что она делала. Я знала, куда она спрятала проклятое животное, и поняла, что она пойдет к тебе. И я стала ждать. Я ждала тебя, Аврора, потому что в тебе причина всех моих бед.

— Я ничего не сделала.

— Из-за тебя Томас попал в тюрьму, а теперь и меня могут обвинить в соучастии. И все из-за тебя.

— Нет, — ответила Аврора, — во всем виноваты твоя жадность и собственная глупость.

Мэралайн бросилась на нее, занеся над ней нож, но Аврора успела уклониться. В комнате, переполненной старой мебелью, негде было повернуться, и Аврора толкнула под ноги Мэралайн какое-то кресло. Та споткнулась, и нож выпал из ее руки. Аврора сразу же подняла его и, направив острие в сторону Мэралайн, проговорила:

— Вот мы и поменялись ролями, Мэралайн. Стой, где стоишь, если не хочешь, чтобы я тебя ударила. — Она обратилась к Мэри: — Где моя кошка? Ты сказала, что она здесь?

— Д-да. Она вон там.

Не спуская глаз с Мэралайн, Аврора стала медленно продвигаться в угол, указанный Мэри. На полу она увидела маленькую металлическую клетку, которую она тут же открыла, и Люси с тихим мяуканьем бросилась к ней.

Аврора со слезами прижала к себе кошку. Бедняжка страшно отошала. Похоже, Мэралайн совсем ее не кормила. Люси от радости лизала свою хозяйку в подбородок. Аврора сердито взглянула на Мэралайн, которая под шумок тихо приближалась к ней.

— Держись от меня подальше, Мэралайн. Я не хочу причинять тебе боль, но если потребуется, я за себя постою. Я возвратила то, что принадлежит мне. А теперь позволь мне пройти.

— Нет.

— Да! — послышался голос Мэри. — Пропусти ее, Мэралайн. Ты уже причинила ей много зла. Теперь отпусти ее домой.

— Мерзавка, — прошипела Мэралайн. — Оставь меня сию же минуту.

Воспользовавшись тем, что Мэралайн переключила свое внимание на Мэри, Аврора потихоньку проскользнула мимо них. Выйдя из комнаты, она пустилась бежать, не останавливаясь и не оглядываясь, к экипажу. Сев в экипаж, она приказала кучеру ехать домой; прижав к груди Люси, она разрыдалась.

— Я помогу тебе, — пообещал Джон Максвелл. — Джайлз не раз помогал мне.

— Спасибо, Джон. — Аврора улыбнулась, благодарная за поддержку.

Рядом с ней, свернувшись клубочком, спала Люси. После того как Аврора привезла ее домой, она немного набрала вес. И неудивительно, ведь Аврора и Констанция угощали ее самыми отборными кусочками мяса с собственных тарелок, не считая молока. Аврора улыбнулась и погладила кошку. Люси замурлыкала в ответ и лениво открыла один глаз.

— Что от меня требуется? — спросил Джон.

— Пойди в Тауэр и изучи его расположение. Если сможешь, сделай зарисовки. Попытайся поговорить с кем-нибудь, кто бывал внутри, со стражником, например, или даже с освобожденным заключенным. Мне необходимо знать о крепости все, что только возможно.

— Сложная задача, Аврора.

— Понимаю. Но знаю, что ты не подведешь ни меня, ни Джайлза. Ты нужен нам обоим.

Он усмехнулся.

— В таком случае я уже ушел.

Аврора мысленно составила перечень тех, на чью помощь могла рассчитывать, и самое главное место в нем занимали Джон и Фейт. Она уже объяснила ситуацию Фейт и только хотела попросить ее помощи, как Фейт сама предложила ее. Аврора со слезами на глазах поблагодарила подругу и попросила ее узнать все, что можно, о смене караула в Тауэре.

Аврора считала, что Констанция тоже могла бы помочь, но пока за помощью к ней не обращалась. Прервав поток ее мыслей, вдова вошла в комнату.

— У меня есть для тебя новости, Аврора.

У Авроры екнуло сердце.

— Что-нибудь сочилось с Джайлзом?

— Нет, ничего подобного, дорогая. Но я думаю, тебе будет интересно узнать, что леди де Сейревилл и ее сына освободили. Правда, пока идет дознание о деятельности лорда де Сейревилла, они находятся под домашним арестом. При дворе говорят, что тебе во время аудиенции удалось убедить королеву в их невиновности.

— Слава Богу, — пробормотала Аврора. — Я рада слышать, что они свободны. Мне, наверное, следует повидаться с Ричардом?

— Думаю, ты поступила бы правильно.

— Только не сейчас. Наверное, когда он будет готов, он сам зайдет ко мне.

— Но еще не все новости. Мэралайн Чемблет арестована и заключена в тюрьму.

— За что? — спросила Аврора.

Когда Аврора вернулась домой с Люси, она рассказала Констанции о своей стычке с Мэралайн, но больше никому о ней не говорила.

— За соучастие в заговоре де Сейревилла, — ответила Констанция. — Она была его любовницей и, являясь, фрейлиной, шпионила за королевой.

— Ужасно неприятно и королеве, и ее друзьям. Как держится Мэралайн?

— Всех, кто пожелает ее слушать, она заверяет в своей невиновности и утверждает, что ты главная зачинщица. Правда, королева уже поняла, что в ее лице пригрела змею. Вот так-то! А теперь мне пора идти, у меня еще много дел.

— Вы знаете, что я хочу каким-нибудь образом освободить Джайлза?

— Знаю.

— Я уже заручилась поддержкой Джона и Фейт. А вы нам поможете?

Констанция некоторое время смотрела на нее, потом кивнула.

— Да. Ради тебя и ради Джайлза я сделаю все, что ты скажешь, Аврора.

— Спасибо.

Снова оставшись одна, Аврора взглянула в окно, за которым начал падать снег, и подумала, удастся ли ей помочь Блэклоу. Может быть, она слишком глупа, если вообразила, что действительно сумеет вызволить его из Тауэра? Пусть даже с помощью троих своих друзей? Она улыбнулась.

Она уверена, что добьется своего. А как же иначе? Ведь она его любит. Она вспомнила ночь любви накануне ее бракосочетания и его страстные поцелуи и ласки. Разве может она позволить ему умереть?

В середине ноября Ричард де Сейревилл посетил наконец Аврору. Чувствовал он себя неловко, и Авроре хотелось приободрить его, хотя ей самой тоже было не по себе.

— Я хотел заехать к вам раньше... но не заехал.

— Понимаю.

— Я восхищен тем, с какой храбростью бросились вы на защиту жизни королевы. Никто, кроме вас, и пальцем не шевельнул. Вы очень отважны, Аврора.

— В тот момент я даже не сознавала, что делаю, по крайней мере до тех пор, пока в меня не выстрелили.

— И все же вы храбро поступили. Надеюсь, ваша рана заживает.

Она кивнула.

— Не знаю, как сказать, и не уверен, что вы захотите меня слушать, но я по-прежнему люблю вас, Аврора, — проговорил он, глядя ей прямо в глаза.

— Я знаю, Ричард. Ты мне тоже дорог и будешь дорог всегда. Но мне нужно сказать тебе кое-что такое, о чем тебе, наверное, не хотелось бы слышать. Кажется, я люблю тебя недостаточно, для того чтобы выйти за тебя замуж.

Ричард явно опечалился, и ей стало жаль его... и жаль себя.

— Мне кажется, что я всегда подозревал это, Аврора. Ты относилась ко мне хорошо, и я обманывал себя, надеясь, что, когда мы поженимся, ты со временем полюбишь меня. Но я тогда не понимал, что ты любишь другого мужчину. — Заметив, что она удивлена, он улыбнулся. — Мы говорили с Фейт, и она мне все рассказала. Я рад, что она доверила мне твою тайну. Мне стало легче прийти сюда сегодня.

— Извини меня, Ричард.

Он слегка пожал плечами.

— Возможно, все к лучшему. После того как нас освободили из-под домашнего ареста, мы с моей матушкой очень долго беседовали. Разговор со мной она слишком долго откладывала, но наконец рассказала мне о человеке, которого любила в юности. Его звали Джайлз Блэклоу. Она рассказала, как отец обманул ее и своего лучшего друга. Она поведала мне тайну, которую хранила долгие годы. Томас де Сейревилл не является моим отцом. Мой настоящий отец — Джайлз Блэклоу. Она и Блэклоу хотели пожениться, но лорд де Сейревилл предал своего лучшего друга и женился на моей матери, не зная о том, что она ждет ребенка. Когда на несколько недель раньше положенного срока родился его наследник, де Сейревилл ничего не заподозрил. Я все время считал его своим отцом, хотя и ненавидел. — Ричард глубоко вздохнул и взъерошил рукой волосы. За последние несколько недель он очень возмужал и теперь выглядел старше своих двадцати лет.

— Сожалею, Ричард, — тронула его за руку Аврора. На мгновение его лицо озарилось мальчишеской улыбкой, напомнившей прежнего Ричарда.

— А я ничуть не сожалею, Аврора. Предпочитаю быть сыном Джайлза Блэклоу, чем сыном Томаса де Сейревилла. Блэклоу — честный человек, а де Сейревилл строил свою жизнь на обмане и предательстве. Разве можно гордиться таким отцом?

Значит, подумала Аврора, Филиппа де Сейревилл и есть та женщина, которую когда-то любил Джайлз. «Единственная женщина, которая навсегда осталась в его сердце», как однажды сказала Констанция.

— Твоя мать виделась с Блэклоу? — спросила Аврора.

— Нет и, думаю, не увидится, ведь то, что они испытывали друг к другу, давно прошло. Слишком много событий произошло за двадцать лет. Возможно, все тоже к лучшему. — Он помедлил и улыбнулся. — Я пришел к тебе и еще по одной причине, Аврора. Сама понимаешь, я чувствую себя нечестным человеком, выступая в роли наследника де Сейревилла, поэтому я решил уехать из Англии. Я уеду на континент и сам сколочу себе состояние, создам имя, а возможно, и титул получу. Следом за мной туда приедет и мать. Она тоже не желает оставаться здесь. А что касается лорда де Сейревилла, то я думаю, что дни его сочтены.

— Поверь, мне будет не хватать тебя, Ричард.

— А мне тебя. Человеку, которого ты любишь, очень повезло, Аврора. Жаль, конечно, что я не оказался на его месте.

— Я хотела бы, чтобы мы остались друзьями, Ричард.

— Я всегда буду дорожить твоей дружбой. Спасибо, Аврора. Не буду больше занимать твое время, мне пора. — Он поцеловал ей руку и ушел.

По щекам Авроры катились слезы. Расставаться с друзьями всегда очень грустно.

— Я изучил Тауэр, — доложил Джон Максвелл, когда он, Фейт, Аврора и Констанция собрались вместе, — и пришел к следующим выводам. — Он разложил перед ними сделанные им наброски. — Нам придется перейти через внешний крепостной ров по гребню каменной дамбы — единственной сухопутной дороге, — чтобы попасть к Львиной башне, где размещается королевский зверинец. — Он указал место на плане. — Здесь находятся Львиные ворота и подъемный мост. Отсюда мы двинемся к Средней башне, затем по подъемному мосту перейдем через внутренний крепостной ров к Прибрежной башне. В Прибрежной башне находится главный ход через внешнее кольцо стен, где ворота закрываются опускаемой решеткой, которая в определенное время суток бывает поднята. По обе стороны ворот находятся будки с часовыми. Миновав ворота, мы окажемся внутри самой крепости. — Он оторвался от плана и окинул взглядом присутствующих. — Есть вопросы?

— Пока нет, — ответила Аврора.

— Сразу же, справа от нас, мы увидим башню Святого Томаса, под которой расположены Ворота предателей. Если в Вестминстере лорда де Сейревилла приговорят к казни как предателя, то его провезут на лодке через Ворота предателей. Дальше находится Садовая башня, где и содержат сейчас Джайлза, — закончил свой рассказ Джон.

— Ты хорошо справился с работой, Джон, — отметила Аврора. — А что удалось тебе, Фейт, узнать о караульных?

Фейт подробно изложила все, что удалось узнать об охране. Когда она закончила, Аврора окинула взглядом троих своих друзей.

— У меня есть план, — медленно произнесла она. — Я хочу обсудить его с вами.

Все внимательно выслушали ее, Констанция задала несколько вопросов, потом обсудили каждую деталь, внося улучшения.

— Когда? — спросила Фейт.

— Мы отправимся в Тауэр в последний день уходящего года, — тихо уведомила Аврора. — Весьма подходящее завершение ужасного года, не правда ли?

Возница остановил телегу на каменной дорожке перед самыми воротами Львиной башни.

— По какому делу? — спросил караульный, подходя к телеге.

— Привез припасы.

Караульный попытался разглядеть сквозь мглу физиономию возницы. Целый день небо было затянуто тучами, а теперь с реки начал подниматься туман.

— Что-то я не видел тебя здесь раньше. Ты новенький?

Джон, переодетый в грубую одежду с капюшоном, закрывающим лоб, кивнул.

— Ага. Старый-то сбежал с девчонкой, которая ему во внучки годится.

Караульный расхохотался. Джон, опустив глаза на свои грязные руки с загрубевшей кожей (Аврора заставила его измазать руки грязью, чтобы они больше походили на руки ломового извозчика), ждал, когда караульный разрешит ему проехать. Нахохотавшись вдоволь, тот, наконец, махнул рукой:

— Проезжай.

Джон кивнул ему, поднял вожжи и, прищелкнув языком, послал вперед пару тягловых лошадей. Телега прогромыхала по каменной дорожке через ворота Львиной башни, миновала Среднюю башню и остановилась у Прибрежной башни, где Джону пришлось снова объяснять, зачем он здесь, и его снова пропустили дальше. Проезжая под поднятой опускаемой решеткой, он вздохнул с облегчением. Пока все шло хорошо. Оказавшись, наконец, внутри Тауэра, он не мог не оглядеться вокруг, хотя сгущающийся туман сильно снижал видимость. Джон впервые в жизни находился так близко от крепости и молил Бога, чтобы в последний раз.

Деревянные колеса телеги прогрохотали по булыжной мостовой мимо Садовой башни, в которой содержали Блэклоу. Джон улыбался стражникам, чтобы показать, что он здесь свой человек, и направлял лошадей к складскому помещению, перед которым стояли полуразгруженные телеги. Осторожно маневрируя между ними, он остановился возле стены. Поглядев в оба конца улицы и убедившись, что никто за ним не наблюдает, он тихо присвистнул. В телеге под кулями и тюками что-то зашевелилось, и оттуда выскользнули Фейт и Аврора.

Обе — в мужской одежде. Волосы они спрятали под шапки, лица измазали грязью. Джон кивнул, и Аврора безуспешно попыталась улыбнуться. Фейт принялась помогать Джону разгружать телегу, укладывая тюки сена и соломы и кули с зерном таким образом, чтобы занять как можно больше места и перекрыть доступ другим телегам.

Аврора, на которую никто не обратил внимания, направилась к Садовой башне. Взглянув на сооружение из серого камня, она порадовалась, что Блэклоу заточен здесь, а не в грозной и неприступной Белой башне.

Она заготовила целую историю на тот случай, если кто-нибудь ее остановит. Девушка поднялась по узким каменным ступеням и, оглянувшись на затянутую туманом реку, проскользнула внутрь башни. Из нескольких дверей она знала ту, за которой держали в заточении ее любимого.

Она заглянула в дверную щель камеры, где он находился. Стены ее оказались побеленными, потолок подчеркивали темные балки. Камера напоминала комнату, в которой

даже стояла кое-какая мебель: низкое кресло, стул, несколько столов и узкая кровать у дальней стены. В оловянных подсвечниках горели свечи, пол устлан свежим душистым тростником. Джайлз сидел на кровати и читал, пока еще не замечая ее присутствия.

Снаружи вдруг послышались крики: «Пожар! Пожар!»

Она притаилась в коридоре, когда мимо нее промчался из караульной вниз по лестнице стражник. Она-то знала, что обнаружат внизу он и другие тюремщики: в соответствии с планом Джон поджег телегу. Услышав крики и представив себе начавшуюся суматоху, Аврора усмехнулась. Пора.

Она снова заглянула в щель и встретилась с вопросительным взглядом Джайлза.

— Добрый день, милорд, — улыбнулась ему Аврора, поняв, что он не узнает ее.

— Что? Кто это? Аврора? Ты что здесь делаешь? — удивился он.

— Отойди от двери, Джайлз, — прошептала она и достала из складок плаща пистолет. Нажав на спусковой крючок, она выстрелила. Звук выстрела эхом отразился от каменных стен, но его перекрыли шум и крики снаружи. Замок снесло выстрелом, и Аврора распахнула дверь.

Не успел Блэклоу опомниться, как она схватила его за руку, вывела из комнаты и потащила за собой вдоль стены к лестнице. Там она остановилась и дала ему плащ и шапку.

— Надвинь шапку пониже на лицо, — приказала она, и они стали спускаться по лестнице во двор.

Стражники и солдаты, не жалея сил, боролись с огнем, пытаясь потушить пожар, пока огонь не перекинулся на крыши соседних строений. Никто и не замечал, что огонь уже не представляет большой опасности. В Лондоне любой пожар считался опасным.

Какая-то пастушка, в которой Блэклоу заметил поразительное сходство с Констанцией, умудрилась загнать во двор стадо перепуганных овец. Овцы, совершенно ошалевшие от огня и криков, шарахались в стороны и отчаянно блеяли, еще более усиливая всеобщую сумятицу. Дым и туман усугубляли положение: видимость снизилась до расстояния нескольких шагов. А пастушка тем временем куда-то исчезла, и стражникам пришлось самим выталкивать со двора овец.

Аврора взглянула на Блэклоу.

— Следуй за мной.

— Слушаюсь и повинуюсь, — с легкой иронией ответил он.

Миновав спящих людей и овец и разбросанные по булыжной мостовой тюки сена, они едва выбрались из скопища визжащих поросят, которые непонятным образом вырвались из свинарника.

— Мы идем, чтобы позвать людей на подмогу! — крикнула Аврора караульному, указывая большим пальцем через плечо на то, что творилось позади.

Караульный, внимание которого отвлекли языки пламени, время от времени показывающиеся над стеной, пропустил их кивком головы. Несколько караульных бросились к месту пожара, чтобы предложить свою помощь. Аврора и Блэклоу быстро прошли вдоль старой городской стены расстояние от Тауэра до Тауэр-Хилла, остановившись только тогда, когда Тауэр исчез из виду. Им навстречу из темного угла вышли трое оборванцев.

Почувствовав, как Блэклоу напрягся, Аврора взяла его за руку и тихо рассмеялась.

— Спокойно, Джайлз. Это друзья.

Вглядевшись внимательнее, он и впрямь заметил в оборванцах некоторое сходство со своими друзьями. Если он не ошибается, на него глядели грязные улыбающиеся физиономии

Джона Максвелла, Фейт Хоупуэлл и Констанции.

— Констанция? — удивился он.

— Привет, Джайлз, — улыбнулась она и, вытерев о фартук грязную руку, протянула ее ему.

— Будет вам. У нас мало времени, — остановила их Аврора. — Не сомневаюсь, что они с минуты на минуту обнаружат, что птичка улетела из клетки.

Группа молча пробиралась по запруженным народом улицам, прислушиваясь к разговорам о пожаре в Тауэре. Когда стемнело, они наконец добрались до заброшенного домика, неподалеку от городских ворот. Войдя внутрь, Аврора зажгла свечу и улыбнулась Блэклоу. Остальные, усталые, но довольные проделанным, рухнули в кресла. Блэклоу молчал и лишь поглядывал на всех с едва заметной улыбкой.

— Ну, — заговорила Аврора, когда молчание затянулось, — разве ты не собираешься поблагодарить нас? Как-никак, а мои друзья и я задумали и осуществили план твоего спасения.

— Неужели правда? — с явным удивлением спросил он.

Она кивнула, а он, приведя ее в полное недоумение, рассмеялся. Не зная, что и подумать, она взглянула на него, а затем на друзей. Те тоже озадаченно смотрели на Джайлза.

— Извини, Аврора, — проговорил Блэклоу, сознавая, что все присутствующие смотрят на него так, словно он спятил. — Я действительно сожалею. Представляю себе, сколько сил и времени ты потратила, разрабатывая план моего побега. — Он снова с трудом удержался от смеха. — Но сначала я должен отвести тебя кое-куда, а потом все само собой объяснится.

— Куда? — спросила она. — Что ты хочешь сказать?

— Пока я не могу ничего сказать тебе.

Она пожала плечами, вдруг почувствовав страшную усталость. А он хотел, чтобы она опять куда-то шла, причем неизвестно, с какой целью.

— Ладно, Джайлз. Будь по-твоему. — Она повернулась к остальным. — Констанция, возвращайтесь домой. Увидимся позднее.

— Аврора, с тобой все будет в порядке? Может быть, одному из нас пойти с тобой? — спросил Джон. Он смотрел на Блэклоу так, словно никогда в жизни не видел его. Нахмурив испачканное лицо, рядом с Джоном стояла Фейт. Казалось, только Констанцию не слишком удивило необычное поведение Блэклоу.

— Силы небесные, Джон. Ведь я не собираюсь вести ее назад в Тауэр.

— Ну, если так, то ладно.

Они направились к двери, и Блэклоу, оглянувшись, взмолился:

— Ради Бога, умойтесь. — И, окончательно озадачив всех, снова разразился смехом.

Оставшись, наконец, наедине с ним, Аврора окинула его беспристрастным взглядом. Может быть, во время заточения в Тауэре он повредился в уме? Судя по всему, он не испытывал благодарности и вообще довольно легкомысленно отнесся ко всему, что произошло.

— Ну и куда же вы меня ведете, лорд Блэклоу? Ее официальный тон вызвал у него улыбку.

— Увидишь.

Под прикрытием темноты и сгустившегося тумана они вышли из дома, шли по каким-то переулкам и улицам, и туман заглушал их шаги. Она хотела спросить, далеко ли еще идти, но

тут Блэклоу полушепотом сказал, чтобы она остановилась. Он повел ее по ступеням в подвал какого-то заброшенного дома. В дальнем углу подвала он раскидал какой-то мусор, и они оказались перед массивным шкафом.

Он прикоснулся к крышке шкафа, и, к ее удивлению, дверцы его распахнулись, и вместо задней стенки шкафа она увидела дверь. Вставив ключ в замочную скважину, Блэклоу открыл дверь. Когда они оказались в темноте за дверью, Блэклоу остановился, чтобы привести в прежнее состояние шкаф и запереть дверь.

Они опять шли в темноте, и Аврора поняла, что они находятся под улицами Лондона. Иногда она смутно слышала тарактенье телег по мостовой и крики уличных торговцев, однако большую часть пути они продолжали в полной тишине.

Аврора не понимала, куда он ее ведет и зачем. Больше всего ей сейчас хотелось сесть и отдохнуть. Она очень устала после целого дня бурной деятельности. Почему он не поблагодарил ее за все, что она для него сделала? Она нахмурила лоб. Пора бы уж привыкнуть к тому, что благодарности от него не дождешься. Наверняка он считает, что мог бы все сделать и без их помощи. Она попыталась поддержать с ним разговор, но он лишь зашикал на нее, вызвав у нее еще большее раздражение.

Ей показалось, что прошло несколько часов, хотя, наверное, они шли не более тридцати минут, когда увидели впереди слабый свет фонаря. Они замедлили шаги, а когда дошли до источника света, Аврора увидела каменные ступеньки лестницы, поднявшись по которым они снова оказались у двери. И от нее у Блэклоу нашелся ключ, которым он ее открыл и откинул в сторону прикрывавший дверь гобелен.

Аврора окинула взглядом скромно обставленную комнату, слабо освещенную несколькими свечами, и ей показалось, что она ее узнает. Однажды она уже побывала в ней во дворце Уайтхолла. Совсем сбитая с толку, она взглянула на него.

— Я не понимаю, лорд Блэклоу.

— Вот как?

— Комната похожа... но... не может быть. Мне показалось, что мы попали в одну из комнат Уайтхолла.

— Так оно и есть, — подтвердила женщина, появляясь из-за ширмы.

Аврора, к своему ужасу, узнала королеву Елизавету. Теперь все пропало!

Аврора даже попятилась от страха, когда монархиня направилась к ней и Блэклоу. Она приложила столько усилий, чтобы освободить его — и на тебе! Все пошло насмарку! Заметив на ее лице выражение обреченности, Блэклоу протянул руку и ободряющим жестом потрепал ее по щечке.

— Вижу, что мне придется многое объяснить.

Губы Елизаветы дрогнули в сдерживаемой улыбке. Страх, который Аврора испытывала несколько мгновений назад, сменился вдруг гневом. Она сердито взглянула на Блэклоу.

— Да, — ядовитым тоном произнесла она в ответ, — думаю, что вам, лорд Блэклоу, давно пора честно признаться мне во всем. Ведь с самого начала вы вели со мной нечестную игру. И чем скорее вы приступите к своим объяснениям, тем лучше. — Она сложила руки на груди и отступила на шаг, чтобы он не мог прикоснуться к ней.

— Он, как видно, неисправим, — заметила королева с притворным вздохом.

Блэклоу лишь улыбнулся.

— Ты права, Аврора, я должен многое объяснить, хотя мне совсем непросто, потому что история чрезвычайно сложная и запутанная. Однако я начну прямо сейчас, — поспешил добавить Блэклоу, заметив сердитый огонек, вспыхнувший в глазах Авроры. — Любовь моя, я все время работал в интересах короны.

Совершенно ошеломленная, она уставилась на него, потом перевела взгляд на королеву. Тонкие губы королевы дрогнули в улыбке. Она кивнула.

— По правде говоря, я работал на ее величество, с тех пор как вернулся из Европы и обнаружил, что мои земельные владения конфискованы. Я был взбешен, сочтя подобный факт предательством, и немедленно отправился к королеве, чтобы заявить свой протест. Ее величество благосклонно выслушала меня и в конечном счете согласилась с тем, что я прав. Однако вследствие негибкости закона решение о конфискации моих земель — каким бы несправедливым оно ни было — отменить оказалось невозможно, и тогда королева предложила мне в качестве частичного возмещения моих убытков службу на благо моей страны, за которую обещала щедрое вознаграждение. Как ты, наверное, понимаешь, у меня не оставалось выбора, и я согласился.

— Значит, находясь в Тауэре, ты не подвергался никакой опасности?

— Правильно, — улыбнулась Елизавета сначала девушке, потом Блэклоу. — Ему действительно ничто не угрожало. По правде говоря, он находился там ради его собственной безопасности. Однако, госпожа ле Грей, я должна похвалить вас за превосходный план, позволивший вам вызволить оттуда моего самого ценного заключенного. Побег был организован поистине блестяще. Вы сами разработали его?

Аврора изумленно кивнула.

— Я так и думала. Мне нравится ваша целеустремленность. Видишь ли, дитя мое, я содержала Блэклоу в камере — заметь, в весьма комфортабельной камере, вроде номера в гостинице средней руки, — чтобы обеспечить ему безопасность, пока не будет арестован последний из участников заговора. И еще: хотя имя лорда Блэклоу давно очищено от подозрений, я по понятным причинам пока не могу публично признать такой факт. Признание поставило бы корону в затруднительное положение.

Аврора взглянула на Блэклоу, потом на Елизавету, затем снова на него. Комната

кружилась у нее перед глазами. Чтобы не упасть, она ухватилась за спинку стула.

— Что же тогда делать? — едва слышно спросила она. — Что будет с нами?

Елизавета широко улыбнулась. В ее синих глазах блеснул лукавый огонек.

— Я предложила лорду Блэклоу попробовать себя в новой для него области — стать пиратом. Воды вдоль дальних берегов Перу и Бразилии особенно привлекательны для такого промысла. Мне известно, что наш старинный недруг Испания направляет туда множество судов, чтобы вывозить богатства с недавно захваченных территорий. Естественно, деятельность лорда Блэклоу будет субсидироваться короной при условии отчисления определенного процента прибылей в королевскую казну.

— Само собой разумеется, — отвесил Блэклоу галантный поклон монархине. — Вы чрезвычайно щедры.

— Да, так оно и есть. — Елизавета взглянула на Аврору. — У тебя есть еще вопросы, дитя мое? У тебя озабоченный вид.

Аврора кивнула, все еще не оправившись от услышанного. Всего за один час весь ее мир перевернулся.

— А как насчет заговора де Сейревилла? Он настоящий или нет? — Она уже не знала как отличить правду от лжи. Граница между ними стала едва различимой и, казалось, готова исчезнуть совсем.

— Заговор был настоящий, — подтвердил Блэклоу. — Я давно подозревал, что мой бывший друг по целому ряду причин затаил зло на ее величество, и рассказал ей о своих подозрениях. Продолжая следить за де Сейревиллом, я обнаружил, что он замышляет убить ее величество. Он планировал и тебя убить после церемонии бракосочетания.

К своему великому сожалению, я не смог собрать все доказательства до начала церемонии, поэтому я, не теряя времени, бросился в церковь, чтобы публично обвинить де Сейревилла в измене и заставить его либо признаться, либо начать действовать. Документ, который я отдал королеве, представлял собой просто лист пергамента с написанными на нем именами. И мы заставили де Сейревилла начать действовать.

— Ты чуть не потерял меня, — медленно произнесла Аврора.

Елизавета едва заметно подмигнула девушке и тихо оповестила, что ненадолго оставит их вдвоем. Как только Елизавета скрылась за ширмой, где наверняка скрывалась еще одна дверь, и они остались одни, Аврора круто повернулась к Блэклоу. Такой сердитой он еще никогда ее не видел.

— Я требую, чтобы ты сию минуту сказал мне, зачем ты взял меня из Брайдуэлла!

— Аврора, любовь моя! — Джайлз попытался обнять ее, но она его оттолкнула. Он вздохнул. — В самом начале, — признался он, — я действительно использовал тебя. Я хотел, чтобы ты вышла замуж за Ричарда де Сейревилла и, став членом его семьи, смогла, сама того не подозревая, шпионить для меня.

Я уже довольно давно подозревал Томаса де Сейревилла, но не мог найти улики, которые выдавали бы его с головой. Мне нужно было внедрить своего человека при дворе. Для такой роли и предназначалась ты, любовь моя. А шпионом в семействе де Сейревиллов стал его сын, что оказалось еще лучше. В то время я еще не знал, что Ричард мой сын. Как я уже сказал, план мой в отношении тебя задумывался в самом начале...

Но время шло, и ты из угловатого ребенка превратилась в прекрасную, утонченную юную леди. Я понимал, что не смогу использовать тебя, как предполагал, и именно поэтому несколько раз откладывал твое представление ко двору. Когда же я понял, что мои чувства к

тебе захватывают меня все сильнее, я попытался настроить тебя против себя, полагая, что будет лучше, если ты забудешь меня и все, что произошло между нами. В конце концов я все еще являюсь изгнанником, скрывающимся от закона и не имеющим ни имени, ни земли. Какое будущее мог я предложить тебе? Никакого.

— Самое глупое оправдание из всех, которые мне доводилось слышать, — заявила Аврора, не сводя с него сердитого взгляда. Он с удивлением посмотрел на нее. — Я полюбила тебя всем сердцем с того самого дня, как ты взял меня из тюрьмы, и я последовала бы за тобой куда угодно, независимо от того, скрываешься ты от закона или нет. А что касается твоих земель и титула, то меня они не интересовали и не интересуют. Ты показал мне, что такое нежность и любовь, ты дал мне надежду.

Выражение ее лица на мгновение смягчилось, потом она взяла себя в руки и саркастически усмехнулась:

— Осмелюсь напомнить вам, что сегодня я и впрямь вызволила вас из тюрьмы. Было бы неплохо, если бы вы поблагодарили меня, лорд Блэклоу.

Блэклоу немедленно изобразил раскаяние, хотя она могла бы поклясться, что заметила на его губах довольную улыбку.

— Вы совершенно правы, леди Аврора, напомнив мне, что я пренебрег правилами поведения. Я должен за многое поблагодарить вас сегодня, потому что вы не только вызволили меня из Тауэра, но и спасли мне жизнь.

— Спасла вашу жизнь? Но королева сказала, что вам ничего не угрожало!

— Есть разные способы спасти человека, — уклончиво произнес он, делая шаг в ее сторону. — Я думаю, что нам следует считать себя теперь полностью расплатившимися с долгами друг перед другом.

Аврора продолжала сердито глядеть на него.

— А что вы скажете о леди де Сейревилл, великой любви всей вашей жизни? — спросила она.

— Та любовь закончилась много лет тому назад.

— Я слышала другое.

— Стало быть, тебе сказала о ней Констанция, любовь моя. — Аврора кивнула. — Констанция говорила так, потому что ревновала. Разве могла она знать, что творится в моем сердце?

Воспользовавшись моментом, Блэклоу заключил ее в объятия. Она попыталась вырваться, но не смогла, да, по правде говоря, и не хотела. Он крепко прижал ее к себе.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Ложь, — заявила Аврора, пытаясь сердито нахмурить брови и безуспешно игнорируя сладкое замирание сердца.

— Я не лгу, — прошептал он. — Я никогда больше не буду лгать тебе, любовь моя. Я действительно люблю тебя.

Аврора взглянула на него.

— И я люблю тебя всем сердцем, Джайлз.

Они обменялись страстным поцелуем. Не выпуская ее из объятий, он принялся нежно перебирать ее распущенные волосы.

— Знаешь, любовь моя, я не могу сейчас оставаться в Англии. Скоро мне придется уехать. Захочешь ли ты разделить со мной неизвестное будущее и непредвиденные приключения, а также трудности и лишения, которые, несомненно, придется преодолевать

на далеких берегах Перу, или ты предпочтешь пойти своим путем? Я подчинюсь любому твоему решению.

— Решение зависит от одного условия.

У него по спине пробежал холодок страха.

— От какого?

— Смогу ли я взять с собой Люси.

Блэклоу подумал, что ослышался, но Аврора оставалась совершенно серьезной.

— Я очень привязана к своей кошке, — объяснила она. — Она исчезла на несколько месяцев, потом нашлась, и, чтобы вернуть ее, мне пришлось сражаться с Мэралайн.

— Вот как? Разумеется, мы возьмем ее с собой.

Аврора с улыбкой взглянула на него.

— Зачем говорить о выборе, если он и так очевиден, — промолвила она. — Я отправлюсь с тобой, Джайлз, куда бы ты ни поехал.

Когда Аврора и Блэклоу обнялись, в комнату снова вошла Елизавета, которая все время самым бессовестным образом подслушивала их разговор под дверь. Они отскочили друг от друга, но Елизавета жестом приказала им продолжать и срочно послала за священником, чтобы, не теряя времени, обвенчать их.

Увидев их ошеломленные лица, она пояснила:

— Не могу же я отправить в путь без присмотра молодую незамужнюю женщину с таким повесой. Вы, надеюсь, не забыли, что скоро наступит первый день нового года? Какие подарки вы мне приготовили?

— Только нашу преданность, ваше величество, — низко поклонился Блэклоу.

— Хорошо, милорд. Ваша преданность мне и любовь друг к другу меня вполне устраивают в качестве новогоднего подарка. А свой подарок я хочу сделать сейчас ради особого случая. — Она сняла с пальца тяжелое золотое кольцо с крупным рубином и вручила его Джайлзу. — Пусть оно будет обручальным кольцом.

— Вы очень добры. — Блэклоу поцеловал руку повелительнице.

— Будь начеку со своим повесой, — предупредила девушку королева.

Вошел священник. Он появился так быстро, что Авроре показалось, будто он тоже находился где-то за дверью в ожидании своего выхода.

Открыв молитвенник, он начал церемонию бракосочетания. Слыша его слова во второй раз, Аврора взглянула на Джайлза и подумала, что теперь она сделала правильный выбор.

Вот так, в присутствии и с благословения английской королевы-девственницы, когда по всей Англии начали звонить колокола, оповещая о наступлении нового 1587 года, Джайлз Блэклоу и леди Аврора стали мужем и женой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Королевский дворец был превращен в исправительный дом. Существовал до 1863 г. —
Здесь и далее примеч. пер.

Река Флит в XVIII в. была заключена в трубу. Теперь название реки носит одна из улиц города, где в настоящее время располагаются редакции большинства крупнейших газет.

Действие происходит в период правления Елизаветы I (1558–1603 гг.), которую, как известно, называли королевой-девственницей.

Речь идет о решающем сражении 1485 г. между войсками Ричарда III Йорка и Генриха Тюдора, которое закончилось поражением и гибелью Ричарда и провозглашением Генриха английским королем Генрихом VII.

Прозвище короля Генриха VIII, правившего в 1491–1547 гг.

В XVI–XVII вв. возникло движение за очищение англиканской церкви от остатков католицизма в богослужении, обрядах и Доктрине. Пуритане отличались строгостью нравов и религиозной нетерпимостью.

Место публичной казни в Лондоне, которое существовало в течение 600 лет, до 1783 года.